

2020 | Том 12 | № 2

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIJSKIJ REGION

2020 || Том 12 || № 2

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2020

12+

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2020

Том 12

№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2020.
183 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2020

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); *Й. фон Браун*, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниеми*, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Люхто*, проф., Пан-Европейский институт высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); *К. К. Худолей*, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия).

Подписной индекс 32249

Тираж 1000 экз.

Дата выхода в свет 19.08.2020 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

Коньшев В.Н., Скворцова Е.М. Иностраный лоббизм как инструмент сотрудничества Польши и США в оборонной сфере4

Болдырева С.Ю., Болдырев Р.Ю., Рагозин Г.С. «Сокрытый союз» или «свобода от союзов»? Дискуссии в Швеции и Финляндии о возможном вступлении в НАТО в 1991—2016 годах23

Социальные процессы

Симонян Р.Х., Слуцкий Л.Н. Сравнительный анализ массового сознания студенческой молодежи российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничий: опыт математического моделирования40

Уразбаев Е.Е., Ямалова Э.Н. Этнополитическое движение как проводник институционализации национализма в современной Латвии54

Кришталь М.И., Щекотуров А.В. Эффективная риск-коммуникация как фактор регулирования протестных настроений в локальном сообществе70

Агафошин М.М., Горохов С.А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции84

Экономическая география и региональная экономика

Максимцев И.А., Межевич Н.М., Сирота Н.П. Теория периферийного капитализма: к вопросу о применимости латиноамериканской модели к странам Прибалтики: опыт междисциплинарного анализа100

Каталевский Д.Ю., Гареев Т.Р. Имитационное моделирование для прогнозирования развития автомобильного электротранспорта на уровне региона118

Манаков А.Г., Кондратьева С.В., Теренина Н.К. Оценка степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов на карельском участке российско-финляндской границы140

Ахунжанова И.Н., Томашевская Ю.Н., Осипов Д.В. Инструменты оценки конкурентоспособности инновационных кластеров (на примере кластера «Силиконовая Саксония»)153

Рецензия

Золов А.В. «Лукавая» история. Рецензия на книгу: Wars of Lithuania / ed. by G. Vitkus. Vilnius, 2014174

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИНОСТРАННЫЙ ЛОББИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛЬШИ И США В ОБОРОННОЙ СФЕРЕ

В.Н. Коньшев
Е.М. Скворцова

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 16.02.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-1
© Коньшев В.Н., Скворцова Е.М., 2020

Военное сотрудничество Польши и США заметно влияет на повестку безопасности в России, Балтийской регионе и Европе в целом. Польша, с одной стороны, стремится стать ключевым партнером США в обеспечении европейской безопасности, с другой — хочет занять лидирующие позиции в этой сфере в отношениях со странами Балтии. В расширении военного сотрудничества с США польское руководство видит и дополнительное преимущество — путь к ускорению экономического и технологического развития. В этой статье изучается один из механизмов, обеспечивающий военное сотрудничество США и Польши, — иностранный лоббизм, позволяющий Варшаве официально продвигать свои интересы в коридорах власти США. Методология исследования включает периодизацию лоббистской деятельности Польши в США и ее эмпирическое исследование на основе анализа оригинальных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Показано, что при существующей партийной системе Польша не откажется от ставки на стратегическое партнерство с США, прежде всего в военной сфере. В течение изучаемого периода Польша быстро набрала опыт для успешного продвижения своих интересов в США через механизм иностранного лоббизма, проявляя гибкость в переговорах, умение опереться на двухпартийную поддержку в конгрессе США, а также успешно координируя деятельность своих государственных органов и различных корпораций при сохранении жесткого государственного контроля.

Ключевые слова:

иностраннный лоббизм, США, Польша, военное сотрудничество

Введение

После окончания холодной войны конфликтный потенциал в отношениях Польши и России проявляется в различных сферах [1]. Сегодня политика безопасности Польши вызывает особый интерес на фоне не только непростых отношений России

Для цитирования: Коньшев В. Н., Скворцова Е. М. Иностраннный лоббизм как инструмент сотрудничества Польши и США в оборонной сфере // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 4–22.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-1.

со странами Балтии, но и общего ухудшения взаимодействия России с Западом в целом [2, с. 5]. Причем роль «драйвера» в очередном политическом обострении нередко берут на себя США, которых поддерживают страны Балтии и Польша [3, с. 28, 33]. Своеобразие Польши состоит в том, что в последние годы она пытается выстраивать отношения с США как более приоритетные по сравнению с партнерами по ЕС и НАТО. Более того, Варшава претендует на роль регионального лидера по вопросам безопасности [4, с. 170; 5, р. 147–148]. Это напрямую затрагивает военно-стратегические интересы России не только в Балтийском регионе, но и в Европе в целом [6].

Однако существует и более широкая перспектива двустороннего сотрудничества, в которой заинтересована прежде всего Польша. Этим объясняются весьма активные попытки польского руководства придать новый импульс польско-американскому сотрудничеству, выбрав в качестве «рычага» вопросы военной безопасности и даже проведения совместной с США политики обеспечения европейской безопасности [7, р. 67]. Углубление военного сотрудничества, согласно настроением части польских элит, будет способствовать более тесному экономическому сотрудничеству Польши и США.

Важным инструментом подобной активизации является лоббизм, который с недавних пор вошел в арсенал польской внешней политики. Начиная с 2000-х годов Польша постепенно наращивает опыт сотрудничества с американскими лоббистскими компаниями для продвижения своих интересов в коридорах исполнительной и законодательной власти США. Рассмотрение основных направлений лоббистской деятельности помогает уточнить приоритеты Польши в отношениях с США, проблемы двусторонних отношений и оценить их дальнейшие перспективы. Между тем лоббизм как инструмент внешнеполитической деятельности Польши мало исследован. В данной статье изучается то, как Польша использует механизм иностранного лоббизма в США для углубления двустороннего сотрудничества с США, прежде всего в военной области.

В работе использованы метод институционального анализа для исследования структуры, функций и роли иностранного лоббирования в налаживании военно-технического сотрудничества Польши и США; метод периодизации для выявления качественных этапов в становлении польского лоббизма в коридорах власти США; метод конкретно-исторического анализа для всестороннего изучения практики лоббизма на основе оригинальных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Механизм лоббирования польских интересов в США

Институт лоббизма в США сегодня является органической частью американской политической системы [8, с. 107]. Этот институт служит посредником между заказчиком, которым может выступать частное лицо, государственная или общественная организация, бизнес-структура, с одной стороны, и органами власти США — с другой. Важно, что заказчиком могут быть как американские, так и зарубежные фигуранты.

Лоббисты помогают продвигать интересы заказчика в коридорах власти, действуя в рамках специального законодательства, которое призвано обеспечить прозрачность процесса лоббирования и тем самым препятствовать коррупции. Согласно ряду законов 1938, 1946, 1995 и 2007 годов¹, лоббистские организации обязаны

¹ Foreign Agents Registration Act, Federal Regulation of Lobbying Act, Lobbying Disclosure Act, Honest Leadership and Open Government Act.

зарегистрироваться в Министерстве юстиции и в конгрессе США, а также регулярно предоставлять отчеты о содержании деятельности, полученных суммах и сведений о заказчике услуг [9]. О размахе деятельности лоббистов красноречиво говорят цифры: только в Вашингтоне зарегистрировано более 10 тыс. лоббистов [10], и редкий закон конгресса США принимается без предложенных ими поправок. Начиная с середины 1990-х годов отмечается ускоренный рост расходов на лоббистскую деятельность, поскольку бизнес рассчитывает извлечь дополнительные прибыли путем взаимодействия с политической властью, а не из принципа «свободы рук» [11, р. 7—13]. Кадровый состав лоббистов состоит в основном из юристов, бывших чиновников, политических деятелей и других людей, имеющих обширные связи во властных структурах и в бизнесе.

Арсенал средств и приемов, которые используют лоббисты, весьма широк. Например, помимо личного убеждения конгрессменам предлагается помощь в работе над законопроектами, экспертиза какой-либо проблемы, помощь в работе с избирателями, в финансировании предвыборной кампании, предоставление инсайдерской информации, патронаж после окончания государственной службы. Влияние оказывается и косвенными методами — через ближайших друзей и родственников, через влиятельных людей штата, от которого избирался конгрессмен, через приходского священника, путем организации нужной активности избирателей округа и т.д. Не удивительно, что отношение к институту лоббизма неоднозначно, поскольку действия лоббистов порой выходят за рамки закона, а их целью является навязывание органам власти корпоративного интереса. С другой стороны, лоббисты помогают официальной власти точнее учитывать потребности различных групп интересов. Кроме того, в США на законодательном уровне различают коррупцию и лоббирование, также существуют профессиональные ассоциации лоббистов, которые следят за соблюдением правил и этики поведения [12].

Особую роль в американском политическом механизме играет разновидность иностранного лоббизма, позволяющего иностранным фигурантам (принципалам) влиять на принятие решений на уровне федеральных органов власти. Иностранное лоббирование затрагивает самый широкий спектр вопросов, однако американское законодательство не допускает при этом ведение политической пропаганды [13, р. 18]. Многие иностранные государства и негосударственные акторы пользуются этим механизмом лоббирования [14—16]. По данным Министерства юстиции США, только за первую половину 2018 года лоббисты представляли интересы 665 иностранных заказчиков².

Что касается Польши, то еще с 1944 года ее интересы в США, в том числе в области военной безопасности, представляла общественная организация польской диаспоры Конгресс Американской Полонии [17], однако после успешного лоббирования вопроса о вступлении Польши в НАТО ее миссия была пересмотрена [18, р. 78, 81]. Поэтому с 2008 года Варшава в вопросах военного сотрудничества начинает пользоваться услугами американских лоббистов. Правда, польское общество остается достаточно консервативным и в значительной мере ассоциирует лоббизм с коррупцией (по данным опросов в 2016 году 56 % поляков назвали лоббизм негативным явлением), а в самой Польше институт лоббизма пока не получил особого развития, хотя закон о его регулировании был принят в 2005 году [19]. По некоторым оценкам, в самой Польше зарегистрировано всего около 370 лоббистов [20, р. 9].

² *Report of the Attorney General to the Congress of the United States on the Administration of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended, for the six months ending June 30, 2018* // U.S. Department of Justice. P. 3. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/page/file/1194051/download> (дата обращения: 26.11.2019).

Практика обращений Польши к услугам американских лоббистов значительно зависит от понимания правящей партией политики безопасности и содержания партнерства с США. В период правления «Гражданской платформы» («ГП») в 2011—2014 годах не было заключено ни одного контракта на лоббирование в США в военной области. Несмотря на то, что «ГП» выступает за развитие стратегического партнерства с США, партия рассматривает отношения с США в рамках двухуровневой модели безопасности. Первый и главный уровень представлен отношениями между ЕС и НАТО, а второй — двусторонним сотрудничеством между европейскими странами и США, куда и относится польско-американское сотрудничество [21]. «ГП» считает США прежде всего экономическим партнером и выступает за расширение американского инвестиционного, технологического и интеллектуального присутствия в Польше³.

И наоборот, повышение лоббистской активности приходится на годы правления партии «Право и Справедливость» («ПиС»), пришедшей к власти в 2015 году. Эта партия особо подчеркивает значимость национального суверенитета и постепенно отходит от формата сотрудничества в рамках НАТО и ЕС в пользу двусторонних отношений с США, которые считаются основным гарантом безопасности Польши [22]. Партия заявила о намерении разместить военные объекты США и НАТО на польской территории⁴. В итоге в Польше были размещены $\frac{2}{3}$ американских войск и военных складов в Восточной Европе, а также большинство штабов [23, с.180]. Стратегическая цель «ПиС» — дать мощный импульс польско-американским отношениям путем совместной политики безопасности в европейском регионе, исходя из общности интересов⁵.

Поэтому в последние годы не случайно отмечается повышение интереса Польши к лоббированию в США именно по вопросам военного сотрудничества. Так, с 2008 года с лоббистскими организациями было заключено 9 контрактов на предоставление услуг по лоббированию вопросов обеспечения военной безопасности, из них 5 контрактов приходятся на 2015—2018 годы (табл. 1).

Таблица 1

Контракты Польши на лоббирование интересов в США

Год	Общее количество контрактов	Контракты в области военного сотрудничества и обороны по характеру услуг	
		Лоббирование	Консультирование по вопросам политики США
2008	4	1	—
2009	4	2	—
2010	3	1	—
2016	4	2	—
2017	4	—	1
2018 (1-е полугодие)	7	—	2

³ *Następny krok*. Razem. Program wyborczy Platformy Obywatelskiej. 2011. URL: https://wyborcza.pl/1,75398,10264832,Program_wyborczy_PO___Nastepny_krok_Razem___PDF_.html?disableRedirects=true (дата обращения: 01.12.2019).

⁴ *Nowoczesna, Solidarna, Bezpieczna Polska*. Program Prawa i Sprawiedliwości. Warszawa, 2011. URL: https://manifesto-project.wzb.eu/down/originals/92436_2011.pdf (дата обращения: 01.12.2019).

⁵ *Zdrowie — Praca — Rodzina*. Program Prawa i Sprawiedliwości, 2014. URL: <http://pis.org.pl/dokumenty> (дата обращения: 01.12.2019).

В основном Польша пользовалась услугами лоббистских организаций *BGR Government Affairs Limited Liability Company* (далее — *BGR*) и *Park Strategies Limited Liability Company* (далее — *Park Strategies*), а также отдельных лоббистов. При этом на долю *BGR* приходится более 70 % контрактов⁶ (табл. 2).

Таблица 2

Компании/лоббисты США, нанятые для продвижения интересов Польши в военной области

Год	Компании/лоббисты	Иностраный принципал	Расходы на лоббирование, дол.
2008	<i>BGR</i>	Посольство Республики Польша в США	10 150 000
2009	<i>BGR</i>	Посольство Республики Польша в США	34 140 236
2010	<i>BGR</i>	Посольство Республики Польша в США	30 83 300
2016	<i>Park Strategies</i>	<i>PGZ</i> *	18 000 000
2017	<i>BGR</i>	<i>PGZ</i>	21 000 000
2018	<i>BGR</i>	<i>PGZ</i>	12 000 000 (данные за 1-е полугодие)
2018	Джон Ф. Холл-мл.	<i>POLSA</i> **	1 200 000 (данные за 1-е полугодие)

Примечание: **PGZ* — *Polska Grupa Zbrojeniowa* (Польская группа вооружений); ** *POLSA* — *Polska Agencja Kosmiczna* (Польское космическое агентство).

Заказчиками лоббистских услуг (принципалами) со стороны Польши выступали государственные органы и государственные компании. Если первые четыре контракта с лоббистами в 2008—2010 годах были заключены от имени Посольства Республики Польша в США, то с 2016 года ситуация меняется. Принципалом стал холдинг «Польская группа вооружений» (*PGZ*). Создание единого оборонного холдинга, объединяющего более 60 компаний⁷, способствовало не только укреплению оборонно-промышленного комплекса [24], но и улучшению координации оборонных предприятий, прекращению конкуренции на внутреннем рынке между своими производителями и повышению доверия зарубежных партнеров⁸. Это оказало положительный эффект и на практику лоббирования интересов Польши по военным вопросам. В 2018 году заказчиком лоббистских услуг выступило Польское космическое агентство (далее — *POLSA*). Его задача — поддерживать польскую космическую промышленность путем углубления кооперации с академическими кругами и бизнес-сообществом США⁹.

Однако вне зависимости от того, кто выступает принципалом контрактов, лоббирование в области военной безопасности проходит под неусыпным контролем государства и преследует в первую очередь национальные, а не частные интересы.

⁶ *FARA Reports to Congress*. The United States Department of Justies. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/fara-reports-congress> (дата обращения: 01.12.2019).

⁷ *Polska Grupa Zbrojeniowa SA* — *PGZ SA*. URL: <http://pgzsa.pl/> (дата обращения: 02.12.2019).

⁸ *Polska Grupa Zbrojeniowa z szansą na sukces?* URL: <https://www.defence24.pl/polska-grupa-zbrojeniowa-z-szansa-na-sukces> (дата обращения: 14.11.2019).

⁹ *Polska Agencja Kosmiczna*. О *POLSA*. URL: <https://polsa.gov.pl/o-agencji/o-polsa> (дата обращения: 16.11.2019).

Первый этап лоббистской деятельности Польши: вопрос о ПРО и модернизации

Историю лоббирования Польши в области военной безопасности и обороны можно разделить на два периода. Первый продолжался с 2008 по 2010 год, за это время Посольство Республики Польша заключило четыре контракта с лоббистской компанией *BGR*. Договоры, общая сумма которых составила 473 735 дол.¹⁰, предусматривали выработку рекомендаций по вопросам внешней и военной политики США в отношении Польши, налаживание встреч между польскими и американскими официальными лицами, а также продвижение интересов Польши в конгрессе США и органах исполнительной власти¹¹.

Ключевыми направлениями этой деятельности были противоракетная оборона (ПРО), модернизация вооруженных сил Польши и оборонное сотрудничество. Переговоры о размещении в Польше объектов противоракетной обороны начались в 2007 году [25, р. 43]. Первые результаты польско-американского взаимодействия в области ПРО были многообещающими. В 2008 году страны подписали Декларацию о стратегическом сотрудничестве¹² и Договор о размещении на территории Польши перехватчиков ПРО¹³. Для двустороннего взаимодействия были созданы специальные рабочие группы, в рамках которых обсуждался вопрос ПРО: консультативная группа по стратегическому сотрудничеству между США и Польшей¹⁴ и группа на высшем уровне по безопасности¹⁵.

Хотя администрация Дж. Буша к размещению в Польше элементов ПРО относилась положительно, резко негативную реакцию в Белом доме вызвали попытки польских властей включить в эти договоренности еще и модернизацию польских ВВС. Варшава рассчитывала на дополнительное повышение обороноспособности страны, если ее авиация тоже сможет взаимодействовать с американской ПРО [26, с. 123]. Однако этот проект не удался. Видимо, польское руководство не смогло достаточно корректно поставить задачу американским лоббистам, поскольку на деле активность *BGR* была сосредоточена в основном на развертывании ПРО. Более того, Варшава была вынуждена быстро принять американские условия в связи с началом российско-грузинского конфликта в августе 2008 года, который вызвал серьезные опасения польского руководства [27, с. 206]. Во время церемонии была спешно оглашена декларация о военной помощи США в случае нападения на Польшу «третьего государства»¹⁶.

¹⁰ *FARA Reports to Congress*. The United States Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/fara-reports-congress> (дата обращения: 18.12.2019).

¹¹ *Constilting Services Agreement between Embassy of the Republic of Poland and BGR Government Affairs, LLC*, 28.05.2008. URL: <https://efile.fara.gov/docs/5430-Exhibit-AB-20080528-28.pdf> (дата обращения: 18.12.2019).

¹² *Deklaracja w sprawie współpracy strategicznej między Rzeczpospolitą Polską a Stanami Zjednoczonymi Ameryki*. Warszawa, 20.08.2008. URL: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dok/01/deklaracja_ws_wspolpracy_pl_usa.pdf (дата обращения: 18.12.2019).

¹³ *Umowa między Rządem Rzeczypospolitej Polskiej a Rządem Stanów Zjednoczonych Ameryki dotycząca rozmieszczenia na terytorium Rzeczypospolitej Polskiej antybalistycznych obronnych rakiet przechwytyjących*, 20 августа 2008 (вступило в силу 15 сентября 2011 г.). URL: <https://traktaty.msz.gov.pl/treaty-1> (дата обращения: 11.10.2019).

¹⁴ *Deklaracja w sprawie współpracy strategicznej...*

¹⁵ *U.S. — Poland Strategic Dialogue // U.S. Department of State. Diplomacy in action*. URL: <https://2009—2017.state.gov/p/eur/rls/rm/2010/150364.htm> (дата обращения: 20.11.2019)

¹⁶ *США и Польша подписали договор о размещении ПРО*. 20.08.2008// Коммерсантъ. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1013808> (дата обращения: 10.11.2019).

Кроме того, BGR не смогла предусмотреть риски в связи с изменением курса Б. Обамы по размещению ПРО в Европе, не имея своевременного доступа к необходимой информации. В итоге Польша оказалась перед фактом, что новая администрация США в 2009 году в одностороннем порядке пересмотрела политику по ПРО [28, р. 9]. Принятый в США Европейский поэтапный адаптивный подход предусматривал развертывание элементов ПРО в четыре этапа¹⁷. Это означало отмену согласованного с Варшавой размещения наземных перехватчиков и РЛС X-диапазона в Центральной Европе. Помимо этого была заморожена деятельность польско-американских рабочих групп по вопросам ПРО.

Надо заметить, что, согласно отчетам о лоббистской деятельности, BGR делала главный упор на продвижение интересов Польши в исполнительной власти. Сотрудники компании встречались с представителями Госдепартамента, Министерства обороны и Совета национальной безопасности¹⁸. Ключевое внимание уделялось контактам по линии Министерства обороны, однако встречи не были регулярными, да и контактные лица с американской стороны часто менялись. К 2010 году встречи лоббистов с представителями органов исполнительной власти практически прекратились в связи с изменением официальной позиции США¹⁹.

Что касается законодательной власти, то BGR работала с конгрессменами из двух комитетов нижней палаты: Комитета по иностранным делам и Комитета по делам вооруженных сил. Но и здесь контакты были эпизодическими за исключением республиканцев Роджера Закхейма и Кари Бинген (оба в разные годы занимали посты в аппарате Министра обороны США) на протяжении всего 2009 года²⁰. Также лоббисты проводили личные встречи с помощниками конгрессмена Марка Кирка, но не было зафиксировано ни одного контакта с самим конгрессменом. В сенате количество личных встреч было больше, однако все они происходили с помощниками сенаторов. Лоббисты пытались наладить взаимодействие с республиканцами Джоном Кайлом, Джимми Деминтом, Джорджем Войновичем, Кристофером Смитом²¹. Лишь в 2010 году лоббисты добились личной встречи с Дж. Кайлом, но это уже не имело эффекта с приходом к власти Б. Обамы. Ставка лоббистов только на республиканскую партию оказалась в корне неверной, и в 2010 году они меняют свою тактику, обратившись в офис сенатора-демократа Майка Куигли²².

¹⁷ *Obama abandons missile defence shield in Europe*. 17.09.2009 // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/sep/17/missile-defence-shield-barack-obama> (дата обращения: 22.11.2019).

¹⁸ *Supplemental Statement Pursuant to Section 2 of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending. Nov. 30. 2008*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/5430-Supplemental-Statement-20081223-18.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

¹⁹ *Supplemental Statement Pursuant to Section 2 of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending. May 31. 2010*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/5430-Supplemental-Statement-20100630-21.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

²⁰ *Supplemental Statement Pursuant to Section 2 of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending. May 31. 2009*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/5430-Supplemental-Statement-20090630-19.pdf> (дата обращения: 20.11.2019); *Supplemental Statement Pursuant to Section 2 of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending. Nov. 30. 2009*. <https://efile.fara.gov/docs/5430-Supplemental-Statement-20091222-20.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

²¹ *Supplemental Statement Pursuant to Section 2 of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending. May 31. 2009*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/5430-Supplemental-Statement-20090630-19.pdf> (дата обращения: 20.11.2019); *Supplemental Statement Pursuant to Section 2 of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending. Nov. 30. 2009*. <https://efile.fara.gov/docs/5430-Supplemental-Statement-20091222-20.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

²² *Supplemental Statement Pursuant to Section 2 of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending. May 31. 2010*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/5430-Supplemental-Statement-20100630-21.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

В целом деятельность лоббистской компании не оправдала себя с точки зрения поставленных задач. Адаптация к новым условиям по ПРО произошла уже не с помощью лоббистов, а по линии официальных двусторонних контактов. В результате в 2010 году был возобновлен диалог США и Польши и вновь запущена работа консультативной группы по стратегическому сотрудничеству²³. Был принят Протокол о внесении изменений в Соглашение о размещении ракет-перехватчиков на территории Польши²⁴.

Таким образом, на первом этапе лоббистской деятельности отсутствие опыта по организации лоббизма и внутривластная обстановка внутри Польши не способствовали своевременной выработке переговорной позиции. Не был в должной мере востребован и механизм лоббизма для продвижения интересов страны [29, с. 205]. Слабая координация действий польских властей, изменение политической конъюнктуры в США и возникающая неопределенность для Польши также привели к неудачам в лоббировании.

Второй этап в эволюции лоббирования: расширение сотрудничества

После паузы в лоббизме, связанной с пребыванием у власти партии «ГП», в 2016 году победу вновь одерживает «ПиС», и наступает второй этап активной лоббистской деятельности Польши. Варшава постаралась извлечь уроки из прошлого неудачного опыта. Заказчиком услуг стал выступать объединенный холдинг *PGZ*. Также было принято решение о подписании первого контракта не с *BGR*, а с другой лоббистской компанией — *Park Strategies*.

Смена традиционного партнера была связана с тем, что руководство Польши увидело причины политических неудач 2009—2010 годов в том числе в работе *BGR*. Хотя гораздо больший вклад в неудачи имела, видимо, все-таки смена внешнеполитических позиций новой администрации Б. Обамы [30]. Косвенно о качественной работе организации говорит высокая репутация *BGR* в Вашингтоне²⁵.

С 2016 года *Park Strategies* начала представлять интересы польского принцепала в конгрессе США. Лоббисты оказывали поддержку по весьма широкому кругу вопросов:

- содействие инициативам Польши в области безопасности, включая увеличение финансовых обязательств перед НАТО и развертывание инфраструктуры НАТО в Польше;
- продвижение в СМИ позитивного образа двусторонних отношений, в особенности по обеспечению безопасности в Восточной Европе в целом, а также разъяснение позиции правительства и деловых кругов Польши в американских СМИ;
- обеспечение координации политики США и Польши в преддверии Варшавского саммита НАТО 2016 года;
- содействие углублению сотрудничества американского и польского ВПК;
- организация встреч на уровне Атлантического совета, Центра стратегических и международных исследований, Совета по международным отношениям;
- проведение встреч с конгрессменами и другими представителями власти по вопросам поддержки польских стратегических инициатив²⁶.

²³ *Poland-US bilateral relations*, Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. URL: https://www.msz.gov.pl/en/c/MOBILE/foreign_policy/other_continents/north_america/bilateral_relations/test3 (дата обращения: 25.11.2019).

²⁴ *Protokół zmieniający Umowę między Rządem RP a Rządem St. Zjedn. Ameryki dotyczącą rozmieszczenia na terytorium RP antybalistycznych obronnych ракет przechwytyjących*, sporządzoną w Warszawie dnia 20 sierpnia 2008 r. URL: <https://traktaty.msz.gov.pl/treaty-1> (дата обращения: 22.11.2019).

²⁵ *BGR History*. URL: <https://www.bgrdc.com/bgr-history.html> (дата обращения: 23.11.2019).

²⁶ *Constilting Services Agreement between Polska Grupa Zbrojeniowa S.A. and Park Strategies. LLC*. 22.04.2016. URL: <https://efile.fara.gov/docs/6350-Exhibit-AB-20160422-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2019).

Лоббистам удалось наладить взаимодействие с конгрессменами по таким вопросам, как организация встреч с министром обороны Антони Мацаревичем, обсуждение политических отношений Польши с США и НАТО, расширение польско-американского сотрудничества по военным вопросам, участие польской делегации в конференции по противодействию ИГИЛ, оказание военной помощи Польше по линии НАТО.

Была организована встреча с президентом Д. Трампом, ее основной темой стало соблюдение финансовых обязательств Польши перед НАТО. Кроме того, с целью демонстрации приверженности Польши ценностям НАТО были проведены интервью с *Defense News* и *Newsmax Media*. Актуальные вопросы польской национальной безопасности обсуждались и с представителями центра Лугара²⁷. За взаимодействие с представителями власти отвечали лоббисты Альфонс Д'Амато, Крейг Сиракуза и Джон Загаме. Личные встречи проводились с председателем сенатского комитета по делам вооруженных сил республиканцем Джоном Маккейн и двумя членами палаты представителей — демократом Дэном Липински — одним из сопредседателей польского кокуса конгресса США²⁸ — и республиканцем Крисом Гибсоном²⁹.

В целом сотрудничество с лоббистами *Park Strategies* было успешным и принесло свои плоды. Польское руководство смогло получить политическую поддержку США в ходе Варшавского саммита НАТО. Впрочем, стоит обратить внимание на общий благоприятный политический фон: улучшению польско-американских отношений способствовал приход к власти в США Д. Трампа, который отказался от многих внешнеполитических установок Б. Обамы, включая проблему ПРО.

Но, несмотря на хорошие результаты, деятельность американских лоббистов получила неоднозначную оценку в Сейме³⁰. Это связано с контрактом по закупке американских вертолетов «Блэк Хок», который обеспечил *Park Strategies*. Критика данного контракта была вызвана тем, что пришедшая к власти «ПиС» отказалась от закупки вертолетов «Еврокоптер ЕС725 Каракаль» у выигравшей тендер Франции. После чего тендер был объявлен заново, причем с условием единственного поставщика (имелся в виду контракт с США).

В Сейме неоднократно поднимался вопрос о предоставлении правительством подтверждений срочности закупок вертолетов для нужд национальной обороны, на что в оправдание ссылались представители «ПиС». Но правящая партия так и не привела убедительных аргументов в пользу своего решения. Вслед за этим в сторону министра обороны А. Мацаревича последовали обвинения в нечистоплотности в отношении заключенного с США контракта. По словам Цезаря Томчика, члена комитета национальной обороны Сейма, представляющего оппозиционную «ГП», лоббист А. Д'Амато работал одновременно с *PGZ* и американской *Lockheed Martin Corporation* (далее — *LMCO*). В силу этих обстоятельств он не должен был представлять интересы Министерства обороны Польши из-за конфликта интересов³¹.

²⁷ *Supplemental Statement Pursuant to the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending 10/31/2016*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/6350-Supplemental-Statement-20161130-1.pdf> (дата обращения: 25.11.2019).

²⁸ *Lofgren Z., Davis R. Congressional Member Organizations (CMOs) // Committee on House Administration, 116th Congress, United States House of Representatives. Revised June 2019. P. 88*. URL: https://cha.house.gov/sites/democrats.cha.house.gov/files/documents/cmo_cso_docs/116th%20CMOs_06-03-2019.pdf (дата обращения: 25.11.2019).

²⁹ *Supplemental Statement Pursuant to the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending 10/31/2016*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/6350-Supplemental-Statement-20161130-1.pdf> (дата обращения: 25.11.2019).

³⁰ *Wypowiedzi na posiedzeniach Sejmu, Posiedzenie nr 28 w dniu 20-10-2016 (2. dzień obrad) // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej*. URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/wypowiedz.xsp?posiedzenie=28&dzien=2&wyp=060> (дата обращения: 25.11.2019).

³¹ *Wypowiedzi na posiedzeniach Sejmu, Posiedzenie nr 28 w dniu 20.10.2016 (2. dzień obrad), Poseł Cezary Tomczyk // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej*. URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/wypowiedz.xsp?posiedzenie=28&dzien=2&wyp=076> (дата обращения: 26.11.2019).

В дальнейшем это вызвало серьезные разбирательства, которые привели к отставке А. Мацаревича³² и выявлению фактов правонарушений в деятельности *PGZ* и ее дочерних компаний³³.

В 2017 году в результате антикоррупционного разбирательства по поводу деятельности *Park Strategies PGZ* вернулась к сотрудничеству с лоббистской фирмой *BGR*. Согласно договору, фирма взялась за оказание следующих услуг:

— консультирование польского оборонного холдинга по вопросам стратегических коммуникаций с правительством США, в том числе по вопросам внешней политики, законодательства и государственной политики;

— представление интересов *PGZ* в США и помощь по укреплению польско-американских отношений в оборонной сфере;

— информирование конгрессменов и администрации президента США о позиции *PGZ* по различным вопросам;

— продвижение интересов *PGZ* в отношении программ создания польской системы ПВО/ПРО «Висла» с участием нескольких американских компаний, а также программы «Хомар», предусматривающей закупку у американской *LMCO* трех дивизионов оперативно-тактических мобильных ракетных комплексов (дальность более 300 км)³⁴.

Очень важно, что развитие польских вооруженных сил по программам «Висла» и «Хомар» предусматривает частичную локализацию производства в Польше, что способно дать мощный импульс технологическому сотрудничеству с американским ВПК.

Лоббирование *BGR* привело к заключению ряда контрактов на закупку вооружений у США. Например, в 2018 году конгресс США одобрил продажу Польше ракетных установок «ХИМАРС»³⁵. Министерство обороны Польши расценило достигнутое соглашение как «очередной прорыв в наращивании обороноспособности» страны. Впрочем, настроения ведомства по поводу стоимости уже не такие оптимистичные: сумму сделки назвали лишь «относительно хорошей»³⁶.

В 2018 году Польше удалось подписать один из самых крупных и важных контрактов в истории страны на приобретение американских комплексов «Пэтриот»³⁷, основных элементов ПВО, обеспечивающих защиту НАТО и Европы от воздушных угроз. Соглашение о закупке «Пэтриот» является первой фазой программы «Висла» по комплексной закупке средств ПВО/ПРО³⁸. Польша должна стать второй

³² *Zapis przebiegu posiedzenia Komisji Obrony Narodowej 06.07.2018* // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/biuletyn.xsp?sknr=OBN-101> (дата обращения: 26.11.2019).

³³ *Kancelaria Sejmu, Biuro Komisji Sejmowych, Pełny zapis przebiegu posiedzenia Komisji Obrony Narodowej (nr 101)*. URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/biuletyn.xsp?sknr=OBN-101> (дата обращения: 26.11.2019).

³⁴ *Constilting Services Agreement between Polska Grupa Zbrojeniowa S.A. and BGR Government Affairs. LLC. 20.11.2017*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/5430-Exhibit-AB-20171120-63.pdf> (дата обращения: 30.11.2019).

³⁵ *2018 rok w modernizacji — Wisła i co dalej? [podsumowanie]* // Defence24.pl. URL: <https://www.defence24.pl/polityka-obronna/2018-rok-w-modernizacjiwisla-i-co-dalej-podsumowanie> (дата обращения: 30.11.2019).

³⁶ *Nowoczesne i godnie wynagradzane wojsko i więcej współpracy sojuszniczej — 2018 rok w Ministerstwie Obrony Narodowej* // Ministerstwo Obrony Narodowej. URL: <http://m.mon.gov.pl/aktualnosci/artukul/najnowsze/nowoczesne-i-godnie-wynagradzane-wojsko-i-wiecej-wspolpracy-sojuszniczej-2018-rok-w-ministerstwie-obrony-narodowej-i2018-12-31/> (дата обращения: 30.11.2019).

³⁷ *Jaki będzie Fort Trump? Czy powstanie Agencja Uzbrojenia? [6 pytań na 2019 r.]* // Defence24.pl. URL: <https://www.defence24.pl/polityka-obronna/jaki-bedzie-fort-trump-czy-powstanie-agencja-uzbrojenia-6-pytan-na-2019-r> (дата обращения: 01.12.2019).

³⁸ *Poland to acquire Patriot defense system, Agreement will create new defense industry jobs in U.S., Poland*. URL: <https://www.raytheon.com/news/feature/poland-signs-loa-for-patriot> (дата обращения: 01.12.2019).

страной после США с подобной автоматизированной системой противовоздушной обороны³⁹. Сделка выгодна для Польши как с военной, так и с экономической точек зрения, так как предполагает создание новых высокотехнологичных рабочих мест и передачу технологий «Пэтриот» польским оборонным компаниям для последующего производства ими ключевых элементов этой оборонительной системы⁴⁰.

Успех лоббирования BGR интересов PGZ был подкреплён подписанием с американской компанией Raytheon протокола о намерениях, который устанавливает стратегическое партнерство между компаниями. Это сотрудничество дает возможность передачи технологий, а также участия польской промышленности в строительстве противоракетного щита. Кроме того, рассматриваются возможности разработки радиолокационных и ракетных технологий с участием польской промышленности. Эти перспективы имеют для Польши большое значение в свете нацеленности страны на создание национальной ПРО к 2023 году, которая сможет дополнить ЕвроПРО и при необходимости будет передана под командование НАТО [31, с. 52].

В конгрессе США основным направлением работы лоббистов стало продвижение решения о постоянном американском военном присутствии в Польше. В этой связи было направлено письмо министру обороны США Джеймсу Меттису⁴¹. Лоббисты развивали идеи, изложенные немногим ранее в послании семи конгрессменов, которые призывали Дж. Меттиса обратить внимание на данный вопрос⁴². В результате совместных усилий были созданы две польско-американские рабочие группы: по увеличению присутствия американских войск и по созданию военной базы в Польше.

Письмо от имени BGR содержало несколько аргументов. В частности, лоббисты указывали на военное усиление России на границах Восточного фланга НАТО. Угрозы связывались с активизацией военного сотрудничества России и Беларуси, наращиванием военной группировки России у северной границы Польши и в Калининградской области, а также с «агрессивным поведением» России в отношении Балтийских государств. Особое внимание лоббисты обращали на уязвимость стран Балтии, которые могут быть быстро изолированы от остальных членов НАТО в районе Сувалкского коридора. Эту мысль навеяли итоги российско-белорусских учений «Запад-2017». Красноречивым доказательством агрессивных намерений России послужило и «российское вторжение» в Крыму и на Донбассе. В стратегическом плане России приписывалось намерение расколоть НАТО. Лоббисты убеждали, что эти действия и намерения России должны получить соответствующую реакцию со стороны США в виде размещения военной базы постоянного присутствия американских сил на польской территории.

Выгодность укрепления военного сотрудничества с Польшей лоббисты объясняли тем, что польское государство является самым надежным союзником США по НАТО. В отличие от некоторых союзников по НАТО она неукоснительно выполняет

³⁹ *Nowoczesne i godnie wynagradzane wojsko i więcej współpracy sojuszniczej* — 2018 rok w Ministerstwie Obrony Narodowej // Ministerstwo Obrony Narodowej. URL: <http://m.mon.gov.pl/aktualnosci/artykul/najnowsze/nowoczesne-i-godnie-wynagradzane-wojsko-i-wiecej-wspolpracy-sojuszniczej-2018-rok-w-ministerstwie-obrony-narodowej-i2018-12-31/> (дата обращения: 01.12.2019).

⁴⁰ *Raytheon i PGZ rozszerzyły współpracę* // Ministerstwo Obrony Narodowej. URL: <http://m.mon.gov.pl/aktualnosci/artykul/najnowsze/raytheon-i-pgz-rozszerzyly-wspolprace-o2016-07-04/> (дата обращения: 04.12.2019).

⁴¹ *Support Poland and Respond to Growing Russian Power on NATO Eastern Flank. Letter to Sec'y Mattis Asking for Dipper US-Polish Defense Cooperation*, BGR Government Affairs. LLC. 06.26.2018. URL: <https://s3.amazonaws.com/fara2.opensecrets.org/5430-Informational-Materials-20180626-7.pdf> (дата обращения: 04.12.2019).

⁴² *Szef MON rozmawiał w Waszyngtonie o współpracy wojskowej Polski i USA* // Polsatnews.pl. URL: <http://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2018-09-15/szef-mon-rozmawial-w-waszyngtonie-o-wspolpracy-wojskowej-polski-i-usa/> (дата обращения: 04.12.2019).

обязательства по увеличению расходов на оборону в связи с пожеланиями Д. Трампа. Наконец, Польша имеет уникальное местоположение как самый восточный форпост Запада. По их мнению, постоянное американское военное присутствие создаст потенциал быстрого реагирования на любые угрозы со стороны России.

Но, несмотря на усилия лоббистов, достичь соглашения так и не удалось. Переговорную позицию Польши не спасла даже ее готовность финансировать проект по созданию американской базы, которой поляки заранее дали красноречивое название — «Форт Трамп»⁴³. Более того, Польша столкнулась с ужесточением позиции США, которые предложили универсальную формулу расчета «Цена + 50 %», увеличившую вдвое стоимость размещения американских вооруженных сил на территории других государств⁴⁴. Однако окончательной точкой в обсуждении данного проекта стал отказ конгресса США поддержать соглашение⁴⁵. В то же время США обозначили свою готовность к дальнейшему обсуждению этого проекта в будущем⁴⁶. Таким образом, *BGR* лишь частично реализовала поставленные перед ней задачи.

Другим важным заказчиком лоббистских услуг стало *POLSA*, деятельность которого связана с принятием в 2017 году национальной космической стратегии. Контракт был заключен с частным лоббистом Джоном Ф. Холлом-мл. и предусматривал консультирование по вопросам развития космической деятельности и законодательства США в этой сфере⁴⁷. До этого Дж. Холл многие годы проработал в НАСА, где курировал экспорт космических технологий. В течение 2018 года им были организованы встречи президента *POLSA* с исполнительным секретарем Национального космического совета Белого дома и НАСА; экспертные консультации в комитете ООН по использованию космического пространства в мирных целях в Вене; встречи с офицерами базы ВВС Ванденберг. В ходе встреч обсуждались возможности запуска польских спутников в рамках программы НАСА по изучению планеты Марс, а также визиты ученых НАСА в Польшу для углубления сотрудничества⁴⁸.

В дальнейшем Дж. Холл сосредоточился на установлении более тесных контактов с НАСА и Белым домом, включая взаимодействие по вопросам Совместного заявления о намерениях в области космического сотрудничества. Он консультировал и сопровождал участие Польши в Международном космическом симпозиуме в апреле 2019 года, в Парижском авиасалоне в мае 2019 года, на заседаниях комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях⁴⁹. Кроме того, Дж. Холл подготовил для *POLSA* справочные материалы о космической деятель-

⁴³ *Polsko-amerykańskie negocjacje* // Polska zbrojna. 29.10.2018 URL: <http://www.polska-zbrojna.pl/home/articleshow/26776?t=Polsko-amerykanskie-negocjacje> (дата обращения: 05.12.2019).

⁴⁴ *Трамп захотел в пять раз больше денег за размещение войск США в других странах* // Lenta.ru. 10.03.2019. URL: <https://lenta.ru/news/2019/03/10/trmp/> (дата обращения: 05.12.2019).

⁴⁵ *США и Польша договорились укрепить восточный фланг НАТО* // ТРК ВС РФ «ЗВЕЗДА». 11.05.2019. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/2019511647-lzu11.html (дата обращения: 05.12.2019).

⁴⁶ *Zwiększenie obecności wojsk USA w Polsce to większe bezpieczeństwo dla kraju i całego NATO*, Ministerstwo Obrony Narodowej. URL: <https://www.gov.pl/web/obrona-narodowa/zwiakszenie-obecnosci-wojsk-usa-w-polsce-to-wieksze-bezpieczenstwo-dla-kraju-i-calego-nato> (дата обращения: 05.12.2019)

⁴⁷ *Report of the Attorney General to the Congress of the United States on the Administration of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended, for the six months ending June 30, 2018* // U.S. Department of Justice. P. 201. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/page/file/1194051/download> (дата обращения: 10.12.2019).

⁴⁸ *Supplemental Statement Pursuant to the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended for Six Month Period Ending 11/30/2018*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/6555-Supplemental-Statement-20190128-2.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

⁴⁹ *Supplemental Statement Washington, dc 20530 Pursuant to the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended for Six Month Period Ending 05/31/2019*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/6555-Supplemental-Statement-20190604-3.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

ности США и принимал участие в телевизионных интервью⁵⁰. Сотрудничество с Дж. Холлом помогло *POLSA* подготовить подписание в апреле 2019 года соглашения со Стратегическим командованием США об обмене данными о событиях в космосе⁵¹ и значительно расширило взаимодействие *POLSA* с НАСА.

К услугам американских лоббистов обращалось и Министерство национальной обороны Польши. Договор на оказание консультационных услуг с *BGR* сроком на 1 год был заключен в феврале 2019 года⁵². В перечень услуг входят помощь в укреплении контактов с правительством США, конгрессом, с другими государственными ведомствами, СМИ и экспертным сообществом. Консультации предназначены для помощи Польше в вопросах планирования военной политики и укрепления военно-технического сотрудничества с США. Кроме того, лоббисты обязались продвигать интересы Польши в конгрессе и ведомствах исполнительной власти США по мере необходимости. Министерство национальной обороны Польши обязалось ежемесячно выплачивать 70 000 дол. а фирма *BGR* предоставлять каждый месяц отчеты о деятельности и расходовании средств. Таким образом, за год стоимость контракта составила 840 000 дол.

В рамках контракта лоббисты провели встречи с конгрессменами нижней палаты и их помощниками. Среди них были демократ Филемон Вела (из подкомитета по кибербезопасности, защите инфраструктуры и технологиям безопасности), а также члены комитета по делам вооруженных сил демократы Джон Гараменди, Рик Ларсен, Джо Кортни и республиканец Мак Торнберри (глава комитета)⁵³. В целом лоббисты успешно сотрудничали с представителями обеих партий, что немаловажно для достижения их целей на уровне принятия решений.

Особенностью контракта 2019 года стало продвижение интересов Польши по линии американских «мозговых центров», университетов и бизнес-корпораций. Активная электронная переписка велась с представителями консервативного фонда «Наследие», Атлантического совета, Фонда Карнеги, Центра анализа европейской политики, Совета по международным отношениям, Центра стратегических и международных исследований. Подобная практика не выглядит случайной, поскольку сотрудников этих учреждений часто приглашают на слушания конгресса в качестве экспертов⁵⁴. Среди корпораций особое внимание лоббистов было направлено на компании *LMCO* и *Raytheon*, которые являются потенциальными партнерами Польши для расширения военно-технического сотрудничества и совместного производства.

⁵⁰ *Supplemental Statement Washington, dc 20530 Pursuant to the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending 11/30/2019*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/6555-Supplemental-Statement-20191205-4.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

⁵¹ *Polska Agencja Kosmiczna podpisała porozumienie z Dowództwem Strategicznym USA o wymianie danych dotyczących zdarzeń w kosmosie (SSA) // Polska Agencja Kosmiczna*. URL: <https://polsa.gov.pl/wydarzenia/komunikaty/1014-polska-agencja-kosmiczna-podpisała-porozumienie-z-dowodztwem-strategicznym-usa-o-wymianie-danych-dotyczacych-zdarzen-w-kosmosie-ssa> (дата обращения: 12.12.2019).

⁵² *Consulting Services Agreement between the Minister of National Defense for Republic of Poland and BGR Government Affairs. LLC. 09.02.2019*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/5430-Exhibit-AB-20190209-71.pdf> (дата обращения: 12.12.2019).

⁵³ *Supplemental Statement Pursuant to the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending 05/31/2019*. URL: <https://efile.fara.gov/docs/5430-Supplemental-Statement-20190630-39.pdf> (дата обращения: 12.12.2019).

⁵⁴ *Hearings. U.S. Policy Toward the Baltic States. March 22, 2017 // US House of Representatives, Committee on Foreign Affairs*. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/hearings?ID=63894FAA-968D-40C1-9F19-1B3A5F57B0E1> (дата обращения: 12.12.2019).

Лоббисты продолжили консультации по укреплению безопасности восточного фланга НАТО, возвращаясь к проекту постоянного военного присутствия США на территории Польши⁵⁵. В итоге летом 2019 года было принято решение об увеличении численности американского военного контингента в Польше с 4500 до 5500 человек⁵⁶. Продолжается обсуждение наиболее подходящего места в Польше для дислокации на постоянной основе бронетанковой бригады армии США. Таким образом, по многим направлениям наметилась вполне успешная динамика в продвижении интересов Польши в области военной безопасности, военно-технического сотрудничества и развития космических программ.

Заключение

Политика Польши, направленная на развитие стратегического партнерства с США, остается константой независимо от того, какая из двух партий, пользующихся наибольшим влиянием, приходит к власти. «ПиС» делает относительно больший акцент на военное сотрудничество, рассматривая его как локомотив для развития всестороннего партнерства. В свою очередь, «ГП» считает, что главным приоритетом должно стать экономическое сотрудничество. В этом смысле в перспективе можно ожидать снижения лоббистской активности в случае прихода к власти «ГП» и роста в случае победы «ПиС».

Использование услуг профессиональных лоббистских организаций позволяет Польше постепенно развивать каналы влияния в конгрессе США, ведомствах исполнительной власти, американских «мозговых центрах» и предприятиях ВПК. Это обеспечивает усиление влияния на принятие решений в США в свою пользу, как это видно на примере первых шагов по расширению сотрудничества от военной к космической сфере.

На первых шагах Польша столкнулась с рядом трудностей в достижении целей через лоббистские организации. Среди них неверная расстановка приоритетов при постановке задач лоббистам, нерегулярная и недостаточно скоординированная работа с лоббистскими организациями, нестабильность собственного внешнеполитического курса, связанная с поочередным приходом к власти партий «ПиС» и «ГП», неудачная смена внешней конъюнктуры из-за прихода к власти в США администрации Б. Обамы, изменившего повестку безопасности, а затем Д. Трампа. Последний фактор — сильная зависимость Польши от политики США — и впредь будет оказывать решающее влияние.

И все же лоббирование Польшей национальных интересов в области военной политики с привлечением лоббистских организаций США показало себя вполне эффективным инструментом внешней политики государства. Варшава быстро усвоила ошибки первых шагов: отказалась от ставки на поддержку одной партии в конгрессе США, перейдя к поиску двухпартийной поддержки своих инициатив; научилась занимать более гибкую позицию в переговорах с США; привлекает в качестве принципалов не только правительственные органы и министерства, но и профильные корпорации, не ослабляя государственного контроля; совершенствует координацию лоббистской деятельности и работу традиционных внешнеполитических ведомств и официальных лиц.

⁵⁵ *Joint Statement by U.S. Under Secretary of Defense for Policy Rood and Polish Deputy Minister of National Defence Szatkowski* // The U.S. Embassy and Consulate in Poland. URL: https://pl.usembassy.gov/joint_statement_rood_szatkowski/ (дата обращения: 14.12.2019).

⁵⁶ *Joint Declaration on Defense Cooperation Regarding United States Force Posture in the Republic of Poland* // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-declaration-defense-cooperation-regarding-united-states-force-posture-republic-poland/> (дата обращения: 12.12.2019).

Практика лоббизма способствовала углублению двустороннего сотрудничества в военной сфере, которое имеет следующие перспективы, прямо затрагивающие интересы безопасности России: военно-техническое сотрудничество, совместное военное производство, постоянное военное присутствие США на территории Польши, наращивание инфраструктуры НАТО и элементов системы ПРО. Польша использует тезис о российской военной угрозе для углубления связей с США, стремясь взять на себя роль самого важного партнера по обеспечению безопасности на восточном фланге НАТО. Однако помимо тесного сотрудничества Польша имеет в виду и более широкую перспективу — «перетекание» (spill over) сотрудничества на высокотехнологические гражданские сферы экономики за счет локализации производства. Сделаны первые шаги в налаживании сотрудничества Польши с США в космической отрасли.

Список литературы

1. *Лисякевич Р.* Основные причины обострения отношений между Польшей и Россией // Современная Европа. 2015. № 6. С. 99—113. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope6201599113>.
2. *Худoley К.К.* «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 4—24. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-1.
3. *Воловой В., Баторшина И.А.* Система безопасности в Балтийском регионе как проекция глобального противостояния России и США // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 27—43. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-2.
4. *Лошкарёв И.Д.* Изменение политики США в Центральной и Восточной Европе // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 169—183. doi: 10.31249/ape/2019.01.08.
5. *Sliwa Z., Gornikeiwicz M.* Security cooperation between Poland and the Baltic region // Baltic Security & Defence Review. 2013. Vol. 15, is. 2. P. 146—182.
6. *Ознобищев С.* Россия и Европа в новом измерении безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2016. Вып. 42(58). С. 10—12.
7. *Szklarski B., Płowski P.* Searching for Solid Ground in Polish-American Relations in the Second Year of the Trump Administration // International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal. 2019. Vol. 23, is. 1. P. 65—82. doi: 10.18778/1641-4233.23.05.
8. *Графов Д.Б.* Работа израильского лобби в США XXI века // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6, № 2. С. 107—127.
9. *Baumgartner F., Berry J., Hojnacki M.* Lobbying and Policy Change. Chicago, 2009.
10. *Руденкин В.Н.* Лоббизм, группы интересов и коррупция в США // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2008. № 5. С. 76—92.
11. *Drutman L.* The business of America is lobbying: How corporations became politicized and politics became more corporate. N.Y., 2015.
12. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* О понятийном аппарате и исследованиях феномена лоббизма // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 6. С.100—107.
13. *Holman C.* Origins, evolution and structure of the Lobbying Disclosure Act // Public Citizen. 2006. URL: <https://www.citizen.org/wp-content/uploads/ldaorigins.pdf> (дата обращения: 14.02.2020).
14. *Erskine K.* American Public Diplomacy with Chinese Characteristics: The Genesis of the China Lobby in the United States, and how Missionaries Shifted American Foreign Policy between 1938 and 1941 // Journal of American-East Asian Relations. 2018. Vol. 25, is. 1. P. 33—59. doi: 10.1163/18765610-02501003.
15. *Slimia A., Othman M., Osman N.* Israel-lobby and U.S foreign policy toward Israeli-Palestinian conflict during Obama's presidential term 2009—2017// International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2019. Vol. 6, is.1. P. 1—25.
16. *Hafsa L.* The Role of Arab American Advocacy Groups in Shaping American Foreign Policy // Society. 2014. Vol. 51, is. 5. P. 513—523. doi: 10.1007/s12115-014-9817-7.
17. *Pienkos D.* Origins of the Polish American Congress // Polish American Congress. URL: <http://www.pac1944.org/pac-history/origins-of-the-polish-american-congress/> (дата обращения: 22.11.2019).

18. *Pienkos D.E.* The Polish American Congress and the Organized Polish American Community Since 1999 Defining a New Mission After Poland's Entry to NATO // *The Polish Review*. 2015. Vol. 60, № 1. P. 73—84.

19. *Bauer E., Pielucha P., Thiel M.* Lobbying Regulation Framework in Poland // European Parliamentary Research Service. 2016. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/595848/EPRS_BRI\(2016\)595848_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/595848/EPRS_BRI(2016)595848_EN.pdf) (дата обращения: 22.11.2019).

20. *Kwiatkowski B.* Lobbying — a risk or an opportunity? Lobbying regulation in the Polish, Slovak, and Czech perspective. Kraków, 2016. URL: https://en.frankbold.org/sites/default/files/publikace/analiza_lobbying_web.pdf (дата обращения: 22.11.2019).

21. *Indraszczyk A.* Problem bezpieczeństwa państwowego i międzynarodowego w programach polskich partii politycznych // *Doctrina Studia Społeczno-Polityczne*. 2008. № 5. S. 31—47.

22. *Скворцова Е.М.* Оборонная политика современной Польши с точки зрения теории «баланса угроз» // *Международные отношения*. 2019. № 2. С. 26—46. doi: 10.7256/2454-0641.2019.2.29586.

23. *Трунов Ф.О.* Германо-польские отношения на современном этапе: политико-военное измерение // *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 3. С. 169—190. doi: 10.31249/ape/2019.03.08.

24. *Офицеров-Бельский Д.В.* Проблемы и противоречия модернизации вооруженных сил Польши // *Вестник Московского университета*. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8, № 3. С. 100—135.

25. *Strosin M.* The politics and policy of US bases in Poland: a political-military analysis. Monterey, 2012. URL: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/27909/12Dec_Strosin_Marek.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 22.11.2019).

26. *Мясников Е.В.* Воздушно-космическая угроза России // *Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество?* / под ред. А. Арбатова и В. Дворкина ; Моск. центр Карнеги. М., 2012. С. 116—141.

27. *Скворцова Е.М.* Польско-американское сотрудничество в области противоракетной обороны: вызовы для России // *Ежегодный Российско-американский семинар в Санкт-Петербургском государственном университете*. СПб., 2018. С. 202—214.

28. *Kulesa L.* Poland and ballistic missile defense: The limits of Atlanticism // *Proliferation Papers*. 2014. № 48.

29. *Лыкошина Л.С.* «Польско-польская война»: политическая жизнь современной Польши. М., 2015.

30. *Futter A.* The elephant in the room: US ballistic missile defence under Barack Obama // *Defence and Security Analysis*. 2012. Vol. 28, № 1. P. 3—16.

31. *Кобышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В.* Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Балтийском и Североевропейском регионах // *Балтийский регион*. 2016. Т. 8, № 1. С. 48—64. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-3.

Об авторах

Валерий Николаевич Кобышев, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

E-mail: konyshv06@mail.ru

Екатерина Михайловна Скворцова, аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2877-3174>

E-mail: ek.m.skvortsova@gmail.com

FOREIGN LOBBYING AS AN INSTRUMENT OF DEFENSE COOPERATION BETWEEN POLAND AND THE UNITED STATES

V. N. Konyshov,
E. M. Skvortsova

St Petersburg State University
7–9 Universitetskaya emb., St Petersburg, 199034, Russia

Received 16 February 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-1
© Konyshov V.N., Skvortsova E.M., 2020

Defence cooperation between Poland and the United States significantly affects the security agenda of Russia, the Baltic region, and Europe as a whole. On the one hand, Poland intends to become a key partner of the US in ensuring European security. On the other hand, it has ambitions to take the leading position in the security area among the Baltic States. The Polish leadership sees an additional advantage in expanding military cooperation with the United States, regarding it as a jumping board to accelerating its economic and technological development. This article examines a mechanism underlying defence cooperation between the US and Poland, i.e. lobbying Poland's interests in another state. This allows Warsaw to actively promote its interests in the US. The research methodology employed includes the periodisation of Polish lobbying activities in the US and an empirical study of lobbying based on analysis of original documents, many of which have been analysed for the first time. It is shown that, under the existing party system, Poland will not abandon strategic partnership with the United States, primarily in security and defence. Over the study period, Poland quickly gained experience in promoting its interests in the US through direct lobbying, showing flexibility in negotiations, relying on the two-party support in the US Congress, successfully coordinating the activities of its governing bodies and various corporations which are submitted to tight state control.

Keywords:

foreign lobbying, USA, Poland, defence cooperation

References

1. Lisiakiewicz, R. 2015, The main reasons for Polish-Russian relations' deterioration, *Sovremennaya Evropa*, no. 6, p. 99–113. doi: 10.15211/soveurope6201599113 (in Russ.).
2. Khudoley, K.K. 2019, The 'cool war' in the Baltic Sea Region: consequences and future scenarios], *Balt. reg.*, vol. 11, no. 3, p. 4–24. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-1.
3. Volovoy, V., Batorshina, I.A. 2017, Security in the Baltic region as a Projection of Global Confrontation between Russia and the USA, *Balt. reg.*, vol. 9, no. 1, p. 18–29. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-2.
4. Loshkarev, I.D. 2019, Change of the US policy in Central and Eastern Europe, *Aktual'nye problemy Evropy* [Urgent Problems of Europe], no. 1, p. 169–183. doi: 10.31249/ape/2019.01.08 (in Russ.).
5. Sliwa, Z., Gornikeiwicz, M. 2013, Security cooperation between Poland and the Baltic region, *Baltic Security & Defence Review*, vol. 15, no. 2, p. 146–182.
6. Oznobishchev, S. 2016, Russia and Europe in the new dimension of security, *Evropeyskaya bezopasnost'* [European Security], no. 42(58), p. 10–12 (in Russ.).

7. Szklarski, B., Ilowski, P. 2019, Searching for Solid Ground in Polish-American Relations in the Second Year of the Trump Administration, *International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal*, vol. 23, no. 1, p. 65–82. doi: 10.18778/1641-4233.23.05.
8. Grafov, D.B. 2013, The Work of the Pro-Israeli Lobby in the USA in the 21st Century, *Is-toricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology & Sociology], vol. 6, no. 2, p. 107–127 (in Russ.).
9. Baumgartner, F., Berry, J., Hojnacki, 2009, M. *Lobbying and Policy Change*, Chicago, University of Chicago Press, 357 p.
10. Rudenkin, V.N. 2008, Lobbying, Groups of Interests and Corruption in the USA, *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law], no. 5, p. 76–92 (in Russ.).
11. Drutman, L. 2015, *The business of America is lobbying: How corporations became politicized and politics became more corporate*, New York, Oxford University Press, 288 p.
12. Konyshov, V.N., Sergunin, A.A. 2011, On the conceptual apparatus and studies of the phenomenon of lobbying, *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU Vestnik. Humanities and social science], no. 6, p.100–107 (in Russ.).
13. Holman, C. 2006, Origins, evolution and structure of the Lobbying Disclosure Act, *Public Citizen*, available at: <https://www.citizen.org/wp-content/uploads/ldaorigins.pdf> (accessed 14 February 2020).
14. Erskine, K. 2018, American Public Diplomacy with Chinese Characteristics: The Genesis of the China Lobby in the United States, and how Missionaries Shifted American Foreign Policy between 1938 and 1941, *Journal of American-East Asian Relations*, vol. 25, no. 1, p. 33–59. doi: 10.1163/18765610-02501003.
15. Slimia, A., Othman, M., Osman, N. 2019, Israel-lobby and U.S foreign policy toward Israeli-Palestinian conflict during Obama's presidential term 2009–2017, *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, vol. 6, no.1, p. 1–25.
16. Hafsa, L. 2014, The Role of Arab American Advocacy Groups in Shaping American Foreign Policy, *Society*, vol. 51, no.5, p. 513–523. doi: 10.1007/s12115-014-9817-7.
17. Pienkos, D. 2020. Origins of the Polish American Congress, Polish American Congress, available at: <http://www.pac1944.org/pac-history/origins-of-the-polish-american-congress/> (accessed 22 November 2019).
18. Pienkos, D.E. 2015, The Polish American Congress and the Organized Polish American Community Since 1999 Defining a New Mission After Poland's Entry to NATO, *The Polish Review*, vol. 60, no.1, p. 73–84.
19. Bauer, E., Pielucha, P., Thiel, M. 2016, Lobbying Regulation Framework in Poland, *Briefing December 2016. European Parliamentary Research Service*, available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/595848/EPRS_BRI\(2016\)595848_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/595848/EPRS_BRI(2016)595848_EN.pdf) (accessed: 26 November 2019).
20. Kwiatkowski, B. 2016, *Lobbying—a risk or an opportunity? Lobbying regulation in the Polish, Slovak, and Czech perspective*, Kraków, Frank Bold, 42 p., available at: https://en.frankbold.org/sites/default/files/publikace/analiza_lobbying__web.pdf (accessed 22 November 2019).
21. Indraszczyk, A. 2008, Problem bezpieczeństwa państwowego i międzynarodowego w programach polskich partii politycznych, *Doctrina Studia Społeczno-Polityczne*, no.5, p. 31–47.
22. Skvortsova, E.M. 2019, Defense policy of modern Poland from the perspective of the “balance of threat” theory, *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International Relations], no.2, p. 26–46. doi: 10.7256/2454-0641.2019.2.29586 (in Russ.).
23. Trunov, Ph.O. 2019, Modern German-Polish relations: Political-military dimension, *Aktual'nye problemy Evropy* [Urgent Problems of Europe], no.3, p. 169–190. doi:10.31249/ape/2019.03.08 (in Russ.).
24. Ofitserov-Bel'skii, D.V. 2016, Challenges of Modernization of the Polish Armed Forces, *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 8, no. 3, p. 100–135 (in Russ.).
25. Strosin, M. 2012, *The politics and policy of US bases in Poland: a political-military analysis*, Monterey, Naval Postgraduate School, 72 p., available at: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/27909/12Dec_Strosin_Marek.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 22 November 2019).
26. Miasnikov, E.V. 2012, The air-space threat to Russia. In: Arbatov, A., Dvorkin, V. (eds.) *Protivoraketnaya oborona: protivostoyaniye ili sotrudnichestvo?* [Missile Defense: Confrontation or Cooperation?], Moscow, p. 116–141 (in Russ.).

27. Skvortsova, E.M. 2018, Polish-American Missile Defense Cooperation: Challenges for Russia, *XXVI Ezhгодnyy Rossiysko-amerikanskiy seminar v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* [XXVI International Russian-American Seminar at Saint-Peterburg State University], p. 202—214 (in Russ.).

28. Kulesa, L. 2014, Poland and ballistic missile defense: The limits of Atlanticism, *Proliferation Papers*, no.48, p.1—39.

29. Lykoshina, L.S. 2015, *Pol'sko-pol'skaya voyna»: Politicheskaya zhizn'sovremennoy Pol'shi* [“Polish-Polish War”: The political life of modern Poland], Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 258 p. (in Russ.).

30. Futter, A. 2012, The elephant in the room: US ballistic missile defence under Barack Obama, *Defence and Security Analysis*. vol.28, no.1, p.3—16.

31. Konyshchev, V.N., Sergunin, A.A., Subbotin S.V. 2015, The US ballistic missile defence policy in the Baltic and Nordic regions, *Balt. Reg.*, vol. 8, no. 1, p. 33—44. doi: 10.5922/2079-8555-2016-1-3.

The authors

Prof. Valery N. Konyshchev, St Petersburg State University, Russia.

E-mail: konyshchev06@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

Ekaterina M. Skvortsova, PhD student, St Petersburg State University, Russia.

E-mail: ek.m.skvortsova@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2877-3174>

«СОКРЫТЫЙ СОЮЗ» ИЛИ «СВОБОДА ОТ СОЮЗОВ»? ДИСКУССИИ В ШВЕЦИИ И ФИНЛЯНДИИ О ВОЗМОЖНОМ ВСТУПЛЕНИИ В НАТО В 1991—2016 ГОДАХ

С. Ю. Болдырева
Р. Ю. Болдырев
Г. С. Рагозин

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова,
163002, Россия, Архангельск, Наб. Северной Двины, 17

Поступила в редакцию 25.08.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-2
© Болдырева С. Ю., Болдырев Р. Ю.,
Рагозин Г. С., 2020

Затрагивается проблема взаимоотношений НАТО и нейтральных государств Северной Европы (Швеции и Финляндии) в 1991—2016 годах. В статье подчеркивается, что Финляндия и Швеция обладают высокой стратегической привлекательностью для НАТО и оборонительной политики ЕС. Рассматриваются тенденции сотрудничества Организации Североатлантического договора и внеблоковых стран Северной Европы, а также предпосылки, перспективы и возможные последствия их вступления в НАТО. Большое внимание уделяется эволюции нейтралитета этих стран в сторону его большей ограниченности в условиях вхождения обеих стран в Европейский союз. В статье дана оценка эволюции позиции основных политических сил и руководства Швеции и Финляндии по перспективам развития и реализации политики нейтралитета в 1991—2016 годах. Сделан вывод, что Финляндия и Швеция могут стать членами блока НАТО лишь в случае прямой угрозы своей безопасности. Российская политика в регионе может их спровоцировать к такому шагу. Проведение референдума в обеих странах по вхождению в блок представляется бесперспективным: даже после крымских событий численность сторонников НАТО хоть и возросла, но они остались меньшинством. Авторы пришли к заключению, что обе страны вовлечены в «ползучую» интеграцию со структурами НАТО при включении в оборонительную стратегию ЕС с минимальной вероятностью превращения в полноценных членов альянса. Нейтральность обеих стран тем не менее стала фантомом, особенно по отношению к России.

Ключевые слова:

нейтралитет, «финляндизация», превентивная дипломатия, НАТО, ЕС, «свобода от союзов»

Введение

В сложном механизме взаимодействия стран НАТО с нейтральными государствами особую роль играли две Северные страны — Швеция и Финляндия. Оба государства занимают очень важное военно-стратегическое положение: Швеция рас-

Для цитирования: Болдырева С. Ю., Болдырев Р. Ю., Рагозин Г. С. «Сокрытый союз» или «Свобода от союзов»? дискуссии в Швеции и Финляндии о возможном вступлении в НАТО в 1991—2016 годах // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 23—39. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-2.

положилась практически вдоль всего западного берега Балтийского моря, связывает воедино территории Дании и Норвегии, вместе с первой контролируя выход из Балтийского моря в Северное; Финляндия протянулась на 1265 км с юга на север вдоль российской границы, контролирует северный берег Финского залива. Не являясь членами Альянса, Швеция и Финляндия отличались активным взаимодействием с этой организацией в таких вопросах, как обмен информацией, в том числе военной и разведывательной, участие в миротворческих операциях, в том числе под эгидой ООН, тем самым содействуя деятельности Альянса (и на территории у северных рубежей России), несмотря на сохранение формально внеблокового статуса.

Целью данной статьи является выявление предпосылок вступления Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс, сформировавшихся в 1991—2016 годах. Вопрос о присоединении обеих стран к Альянсу актуализировался после вхождения обоих государств в Европейский союз в 1995 году и включения соседних прибалтийских государств в НАТО в 2004 году. В результате этих двух событий обе страны, во-первых, находятся в тесном контакте со своими соседями — членами Альянса, а во-вторых, через общую политику безопасности и внешнюю политику Европейского союза стали вовлекаться в единое оборонное пространство европейских союзников США и Канады.

Методология и методы

В отечественной политической мысли и историографии общепринятое мнение состоит в том, что «главным условием сохранения стабильности на Севере Европы является политика неучастия в военных союзах Финляндии и Швеции» [1, с. 71]. Такая позиция во многом ограничивает подход к объективному анализу политики этих государств. В последние годы, особенно после присоединения Крыма к России, появился ряд весьма критических статей в отечественных СМИ о возможных вариантах вступления Швеции и Финляндии в НАТО¹. Однако в целом вопрос о перспективе вступления этих стран в Альянс так и остается дискуссионным, что и обуславливает актуальность данной научной работы.

Швеция и Финляндия обладают длительной историей взаимоотношений с Россией и значительным опытом взаимодействия с ней в различных формах. При этом военный фактор оставался в числе определяющих, был связан с геополитическими интересами России и Швеции, а с 1917 года Финляндии, а также других стран (Франции, Великобритании, Германии, США), создавая напряженность в Европе и расширяя потенциал для возникновения конфликтов. По итогам противостояния с Россией, Данией и Пруссией Швеция утратила статус одной из главных держав Европы к 1721 году, а также единоличный контроль над акваторией Балтийского моря. Окончательно Стокгольм перестал играть одну из главных ролей на Балтике с утратой Финляндии в 1808 году и разрывом Шведско-норвежской унии в 1905 году.

Страна сохраняла нейтралитет в обеих мировых войнах, допуская существенные отступления от него в пользу Германии в вопросах торговли стратегическим сырьем и транзита войск через Лапландию, что сделало политику Швеции объек-

¹ Хассельбах К., Алексеева Ю. Финляндия и Швеция стремятся более тесно сотрудничать с НАТО // Deutsche Welle. 31.08.2014. URL: <https://www.dw.com/ru/финляндия-и-швеция-стремятся-более-тесно-сотрудничать-с-нато/a-17890512> (дата обращения: 12.02.2020); Сергей Шойгу пообещал ответить на «втягивание» Финляндии и Швеции в НАТО // Коммерсантъ. 24.07.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3695400> (дата обращения: 12.02.2020); Грицай Ю. Финляндия, Швеция и США укрепляют военное сотрудничество // Коммерсантъ. 09.05.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3623863> (дата обращения: 12.02.2020).

том критики как внутри страны, так и за ее пределами. Попытка создания во второй половине 1940-х годов Северного оборонительного союза, в который предполагалось включить Норвегию и Данию, провалилась в связи с вхождением последних в блок НАТО, и страна формально обладала «свободой от альянсов». Данный концепт активно используется как исследователями, так и политиками в Швеции для обозначения отказа от членства в военных блоках наравне с общепринятым термином «нейтралитет». В годы холодной войны страна с целью обеспечения своего внеблокового статуса вкладывала значительные ресурсы в развитие собственного ВПК и поддержание постоянной боеготовности вооруженных сил [2]. При этом Швеция де-факто оказывала содействие блоку НАТО в части обмена разведывательной информацией о ситуации в Балтийском регионе, а также развернула сотрудничество в сфере обороны с Данией и Норвегией. После окончания холодной войны произошло значительное сокращение вооруженных сил и ВПК, а также расширение кооперации Швеции с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» и обмена информацией.

Финляндия, получив суверенитет в 1917 году, находилась в конфликтных отношениях с СССР вплоть до 1947 года. Это было связано с территориальными спорами, опасениями СССР из-за возможности нападения на Ленинград с финской территории или перекрытия выхода из Финского залива для советских судов и с созданием образа врага в обеих странах. Сложившаяся ситуация вылилась в войну 1939—1940 годов и в участие Финляндии в войне против Советского Союза на стороне Германии в 1941—1944 годах, по итогам которой были утверждены современные границы между СССР / Россией и Финляндией, а также ряд обязательств последней, в том числе в сфере обороны. Советские войска располагались на базе Порккала-Удд до 1956 года, откуда были выведены с возвращением полуострова под суверенитет Финляндии. Дальнейшее сотрудничество в вопросах обороны заключалось в обмене информацией, экспорте советских вооружений в Финляндию. При этом значительные объемы приобрела торговля между странами, доходя до четверти от всего внешнеторгового оборота Финляндии [3], а также началось сотрудничество в сфере образования, культуры, молодежных обменов и побратимских связей городов [4], которое расширилось после 1991 года уже с Россией. В оценках экспертов и политиков такая модель кооперации, когда страна формально обладала внеблоковым статусом, но была втянута во взаимодействие со страной — главой одного из противоборствующих блоков, получила название «финляндизации».

Изучение данной тематики ведется с различных подходов, а тема в целом сохраняет высокий уровень политизированности. С 1945 года по настоящее время «свободу от альянсов» Финляндии и Швеции обычно изучали порознь ввиду различного исторического опыта обеих стран, а также их втягивания в сотрудничество с одной из великих держав. В случае со Швецией это было ее взаимодействие с Германией в годы Второй Мировой войны, а применительно к Финляндии, исходя из «финляндизации», то есть формально внеблокового статуса, — это значительные политические обязательства перед сверхдержавой (СССР) и расширенное экономическое сотрудничество. Тенденция к сравнительным исследованиям проявилась недавно.

На сегодняшний день можно считать преобладающими два подхода: первый, представленный М. Хольмстрёмом в монографии «Сокрытый союз: тайные отношения Швеции и НАТО», вышедшей в 2011 году, заключается в утверждении, что страна даже без формального членства в блоке уже обладает значительным уровнем интеграции в его структуры и участвует в его деятельности [20]. Эта же точка зрения, только в отношении Финляндии, представлена К. Корхоненом в работе «Переходный договор: втягивание Финляндии в НАТО» (2015) и И.Н. Новиковой, Н.М. Межевичем [15; 19]. Второй подход основан на взглядах о региональном со-

трудничестве обеих стран в сфере оборонительной политики друг с другом и со своими соседями, вне зависимости от блоковой принадлежности, с сохранением «свободы от альянсов». Этому подходу придерживаются Г. Оселиус, Х. Ойянен, Й. Таркка, Т. Форсберг [2; 8; 13; 18]. Он может быть также представлен с позиций анализа культуры в сфере оборонительной стратегии, привязки к конкретному партнеру во взаимоотношениях, регионализма во внешней политике выбранной страны. У. Меллер и У. Бьергельд в то же время опираются на концепт «постнейтралитета», под которым понимают эволюционирующее понятие и стратегию формального неприсоединения в динамике и под постоянным переосмыслением как в политическом, так и в идеологическом смыслах [16].

Результаты и дискуссия

Дискуссии о вступлении Швеции и Финляндии в НАТО начались еще с начала 1990-х годов. В связи с объединением Германии осенью 1990 года финское правительство объявило, что статьи мирного договора 1947 года, касающиеся обязательств Финляндии отразить германскую агрессию, утратили свою силу. Кроме того, Финляндия перестала считать себя связанной военными и техническими ограничениями, вытекающими из договора. Двадцатого января 1992 года² Российская Федерация и Финляндия подписали друг с другом договор, заменявший прежний Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР от 6 апреля 1948 года [5]. В соответствии с новым договором у Финляндии отныне отсутствовали препятствия для заключения политических или военных альянсов с третьей стороной [6, с. 206]. Уже в мае 1992 года в своей речи финский премьер-министр Эско Ахо (Esko Aho) сделал акцент на историческом значении НАТО как гаранта безопасности Дании и Норвегии [7, с. 360], что свидетельствовало об изменении подхода к политике в отношении Альянса со стороны Финляндии [8].

Однако официальной позицией Швеции и Финляндии по-прежнему остается приверженность принципу неприсоединения к военным альянсам, что объясняется в первую очередь геополитическими факторами: территориальной близостью и, соответственно, особой чувствительностью к позиции России³.

Способствовало сближению обеих стран с НАТО то обстоятельство, что в число задач Североатлантического альянса входило также урегулирование кризисных ситуаций и развитие партнерских отношений с другими странами. Это соотносилось с основными задачами внешней политики Финляндии и Швеции, которые большое внимание уделяли превентивной дипломатии. В 1992 году обе страны стали наблюдателями в Совете североатлантического сотрудничества (ССАС), преобразованного впоследствии в Совет евроатлантического партнерства (СЕАП), а также вступили в программу «Партнерство ради мира» (ПРМ)⁴. Финляндия и Швеция принимали участие в операции воинского контингента НАТО по выполнению Дейтонских соглашений по Боснии, а затем в заменивших его Силах по стабилизации.

² Кучинская М.Е. Куда идут бывшие «Евронейтралы» (на примере Швеции и Финляндии). URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2012/6/10.pdf> (дата обращения: 26.09.2018).

³ *Valtioneuvoiston ulko- ja turvallisuuksipoliittinen selonteko*. 2016. URL: http://valtioneuvosto.fi/documents/10616/1986338/VNKJ072016_fi.pdf/9a3a074a-d97f-43c4-a1d8-e3ddb8d1da (дата обращения: 22.11.2019); *Bringéus K., Eriksson C.M. Säkerhet i ny tid. Betänkande av Utredningen om Sveriges försvars- och säkerhetspolitiska samarbeten*. Stockholm, 2016. URL: http://www.sou.gov.se/wp-content/uploads/2016/09/SOU-2016_57_webb.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

⁴ Трухачев В. НАТО готовит неожиданный «удар» в Европе. URL: <https://www.pravda.ru/world/europe/european/22-08-2008/280291-nato-0/> (дата обращения: 26.09.2018).

(Stabilization Force, SFOR, СФОР)⁵. Также обе страны способствовали вовлечению России и стран Балтии в деятельность в рамках «Партнерства ради мира». Финляндия в отличие от Швеции более активно лоббирует интересы России, в частности в рамках вышеупомянутой программы, будучи более заинтересованной в стабильных отношениях с восточным соседом.

Необходимость пересмотра основных принципов внешней политики Швеции в условиях изменившейся международной ситуации стала активно обсуждаться в связи с приходом к власти в 1991 году правительства Карла Бильдта (Carl Bildt). Именно тогда и был поставлен вопрос о необходимости сохранения ставшего уже традиционным внешнеполитического нейтралитета. Карл Бильдт и руководство правивших тогда в стране Христианско-демократической партии (Kristdemokraterna) и Народной партии — либералов (Folkpartiet-liberalerna) полагали, что страна должна отказаться от своего нейтрального статуса [9]. При этом в качестве главного довода министр обороны Андерс Бьёрк (Anders Björck) выдвинул необходимость поддержания обороноспособности страны в условиях правительственного курса на сокращение военных расходов⁶.

Достигнутый в ходе дискуссии первой половины 1990-х годов внутри шведской политической элиты компромисс выражался в «сохранении принципа неприсоединения Швеции к военным альянсам с целью обеспечить ей возможность сохранять нейтралитет в случае начала войны»⁷. В конце 1995 года парламент страны подтвердил, что основные принципы внешней политики — нейтралитет и высокая обороноспособность — остаются неизменными. Новый министр иностранных дел Швеции Анна Линд (Ylva Anna Maria Lindh), выступая в 1998 году в Шведском институте международных отношений, отметила, что нейтралитет страны по-прежнему способствует достижению безопасности в регионе Балтийского моря [21, р. 180—181].

Тем не менее шведская армия активно сотрудничает с Организацией Североатлантического договора, участвуя в многочисленных военных учениях и совместных военных операциях. Также следует учесть и экономическую составляющую: шведская армия требует значительного ежегодного финансирования, что составляет 1,7 % ВВП страны (9,5 млрд дол.). Поэтому членство в НАТО расценивается многими шведскими политиками как возможность решения проблем недостаточного финансирования собственной обороны [10].

Особая роль Швеции во взаимоотношениях с НАТО в нынешнее время проявляется и в форме созданного еще в 2009 году субрегионального Северного оборонного сотрудничества, куда кроме Швеции и Финляндии входят также три члена НАТО: Дания, Исландия и Норвегия. Не являясь членом НАТО, Швеция во многом обладает схожей позицией с Альянсом, что обеспечивает единство оборонительной политики стран-участников. В 2014 году Швеция осудила присоединение Крыма к России и приняла участие в антироссийских санкциях. В апреле 2014 года Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания и Исландия подписали документ о более тесном военном сотрудничестве. Этот документ некоторые аналитики уже назвали «Ат-

⁵ В соответствии с Дейтонскими соглашениями от 21 ноября 1995 года на территорию Боснии и Герцеговины был введен воинский контингент стран НАТО — Implementation Force (IFOR). Миссия SFOR была создана на основании резолюции Совета безопасности ООН № 1088 от 12 декабря 1996 года как миссия-продолжение IFOR.

⁶ Малмквист Х. Швеция и НАТО: 23 года спустя. URL: <https://www.nato.int/docu/Review/2018/Also-in-2018/sweden-and-nato-23-years-down-the-road-defence-security/RU/index.htm> (дата обращения: 26.09.2018).

⁷ Кучинская М.Е. Куда идут бывшие «Евронейтралы» (на примере Швеции и Финляндии). URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2012/6/10.pdf> (дата обращения: 26.09.2018).

лантическим мини-НАТО». Швеция возобновила военное присутствие на острове Готланд⁸. Многие политики напрямую связывают решение о размещении там войск с украинским кризисом и позицией страны по крымскому вопросу. В мае 2016 года шведы ратифицировали договор с НАТО о сотрудничестве, согласно которому натовский контингент допускается для участия в учениях на шведской территории. Кроме того, предусматривается, что в случае начала войны в регионе шведы будут готовы одобрить размещение натовских войск на своей территории⁹.

Украинский кризис 2014 года нашел отражение в программных документах Умеренно-коалиционной партии Швеции применительно к оборонной политике: «Российская агрессия в отношении Украины вместе с растущей военной активностью России ведут к росту напряженности и конфронтации, что не исключает риск вооруженных конфликтов, в которые может быть втянута Швеция». Особенно подчеркивается, что «современные угрозы безопасности в мире — гораздо более комплексные, чем ранее, что и обуславливает объединение усилий и развитие сотрудничества с другими странами и организациями, в особенности с НАТО»¹⁰.

Позиция ныне правящей Социал-демократической рабочей партии в вопросе о «свободе от союзов» (*Alliansfrihet*)¹¹ заключается в сохранении сотрудничества с НАТО в рамках определенных программ, миротворческих операций, проводимых при наличии мандата ООН, борьбы с международным терроризмом, расширения сотрудничества в сфере обороны на Балтике. При этом подчеркивается, что от участия в операциях, проходящих без санкции ООН, следует воздержаться.

Третья по численности голосов консервативно-националистическая партия «Шведские демократы» (*Sverigedemokraterna*) (17,6% на выборах 2018 года) полагает, что оборона страны должна обеспечиваться за счет повышения расходов на оборону страны (до 2,5% ВВП) и увеличения численности вооруженных сил, а не при помощи поддержки НАТО. Членство в блоке партия считает «невыгодным для страны» по причине вероятности втягивания в войну на стороне блока и «нежелания большинства шведов рисковать жизнями своих солдат ради интересов других государств». При этом кооперация с государствами Балтийского региона и участие в программе «Партнерство во имя мира» полагаются необходимыми¹². Образ «российской угрозы» как один из главных в определении внешней политики партия не использует.

Таким образом, три крупнейшие партии Швеции не имеют однозначной позиции по сохранению внеблокового статуса страны. Если Умеренно-коалиционная партия в своей предвыборной программе исходит напрямую от «российской угрозы», то «Социал-демократы» и «Шведские демократы» обосновывают позицию страны на

⁸ В период с 2005 по 2016 год на острове Готланд не было регулярных воинских частей шведской армии. В сентябре 2016 года на нем проводились учения 150 военнослужащих мотопехотной роты, которые по завершению учений получили приказ остаться там на постоянной основе.

⁹ *Bringéus K., Eriksson C.M. Säkerhet i ny tid. Betänkande av Utredningen om Sveriges försvars- och säkerhetspolitiska samarbeten. Elanders Sverige AB, Stockholm, Sweden. URL: http://www.sou.gov.se/wp-content/uploads/2016/09/SOU-2016_57_webb.pdf (дата обращения: 31.01.2020).*

¹⁰ *Moderaterna. Den nya svenska Modellen. URL: <https://moderaterna.se/forsvar> (дата обращения: 01.12.2018).*

¹¹ Именно этот термин употребляется в программных документах и материалах Социал-демократической партии Швеции применительно к нейтралитету. См.: *Socialdemokraterna. Alliansfrihet* (дата обращения: 21.02.2018). URL: <https://www.socialdemokraterna.se/var-politik/attill-o/alliansfrihet/> (дата обращения: 30.11.2018).

¹² *Sverigedemokraterna. Forsvarspolitik. URL: <https://sd.se/vad-vi-vill/forsvarspolitik/> (дата обращения: 02.12.2018).*

миротворческой деятельности и участия в противодействии глобальным угрозам. Во всех трех случаях о членстве в НАТО либо не говорится, либо оно открыто обозначается как несоответствующее национальным интересам. Вопрос о членстве в НАТО остается одной из проблем, потенциально ведущих к расколу политической элиты в стране, и может, в теории, стать детонатором к политическому кризису в стране.

Круг сторонников идеи вхождения в НАТО в финляндской политической элите достаточно узок, хотя и в ней начались споры по этому вопросу. Побудительным мотивом для этого стал процесс постепенного расширения Североатлантического альянса на восток, начавшийся в 1990-е годы в связи с объединением Германии и падением режимов просоветской ориентации в странах Центральной и Восточной Европы. Одним из идейных сторонников присоединения Финляндии к альянсу являлся, например, известный финский дипломат и политический обозреватель Макс Якобсон (Max Jakobson), который полагал, что вступление в НАТО в 1999 году таких стран, как Польша, Чехия и Венгрия, настолько изменило баланс сил в Европе, что шведский и финский нейтралитет должен быть пересмотрен¹⁵. При этом он считает, что финны опасаются ухудшения отношений с Россией в результате включения стран Балтийского региона в НАТО, подрыва стабильности в Северной Европе. По его мнению, Россия в любом случае заинтересована в сохранении своего доминирования в Балтийском регионе, невзирая на то, какую позицию по вопросу о вступлении в Альянс займут Швеция и Финляндия. Следовательно, неразумно ставить позицию Финляндии в зависимость от возможной реакции страны, на действия которой финское правительство не может повлиять. Более того, «если НАТО останется гарантом европейской безопасности, нейтралитет Финляндии и Швеции поставит их в положение второстепенных игроков в процессе принятия решений в отношении европейской безопасности»¹⁴.

И все же, несмотря на развернувшуюся в финском обществе дискуссию по вопросу о вхождении в Североатлантический альянс, официальный курс правительства страны остается неизменным: Финляндия по-прежнему не присоединяется к существующим военно-политическим блокам, членство в НАТО рассматривается как очень отдаленная перспектива¹⁵. В правительственном докладе «Безопасность в меняющемся мире» еще в 1995 году было отмечено: «На фоне происходящих в Европе изменений Финляндия будет продолжать проводить политику неприсоединения к военным альянсам. Финляндии удалось самостоятельно создать надежный оборонный потенциал, пользующийся международным доверием»¹⁶. Военное руководство страны постоянно подчеркивает, что собственная обороноспособность страны — самый надежный гарант избежания войны в случае начала какого-либо незначительного кризиса¹⁷. Вступление в НАТО не является насущной необходи-

¹⁵ Ребро О. Оборонная политика Финляндии и Швеции: перспективы вступления в НАТО. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/oboronnaya-politika-finlyandii-i-shvetsii-perpektivy-vstupleniya-v-nato/> (дата обращения: 26.09.2018).

¹⁴ Якобсон М. Страховка по-фински. URL: <http://www.rg.ru/2004/02/20/finlyandiya.html> (дата обращения: 26.09.2018).

¹⁵ Bergquist M., Heisbourg F., Nyberg R., Tiilikainen T. Arvio Suomen mahdollisen Natojäsenyyden vaikutuksista. Suomen ulkoasianministeriö, Helsinki, 2016. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/79159/IP1601374_UM_Nato-arvioFI_13371.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.09.2018).

¹⁶ Цит. по: Михайлов Д. Политика национальной безопасности Северных стран после окончания «холодной войны»: проблемы и перспективы Северного сотрудничества. URL: http://old.nasledie.ru/politvne/18_10/article.php?art=29 (дата обращения: 12.03.2020).

¹⁷ Малышкин А. РФ в кольце «друзей»: Швеция и Финляндия задумались о членстве в НАТО. URL: <https://ria.ru/world/20140903/1022627620.html> (дата обращения: 26.09.2018).

мостью, по мнению многих финских политиков: они считают, что страна не нуждается в гарантиях безопасности со стороны военного альянса. Напротив, вступление Финляндии в число членов Организации североатлантического договора существенно изменило бы обстановку и создало угрозу стабильности в регионе.

Внутри Финляндии есть немногочисленная группа политиков, выступающих за вступление этой страны в НАТО. Изначально это были небольшая партия «Молодые финны» (*Nuorsuomalaiset*) и ее лидер Ристо Пенттиля (Risto Penttilä). Кроме нее активно поддерживал вопрос о вхождении в Североатлантический альянс бывший глава военного комитета ЕС и руководитель Министерства обороны Финляндии генерал Густав Хэгглюнд (Gustav Hägglund). В 2004 году он даже выдвинул идею о превращении общей внешней политики ЕС в «европейскую опору» НАТО. При этом непосредственно «американская опора НАТО» занималась бы повсеместной борьбой с терроризмом, а «европейская опора» — кризисным урегулированием в региональном масштабе¹⁸ [1]. Интересной является точка зрения финского исследователя Кристера Пурсиайнена (Christer Pursiainen). Он считает, что вступление Финляндии в НАТО необходимо по той причине, что, несмотря на свой формальный нейтральный статус, Финляндия «косвенно поддерживает идею, что Россия и НАТО — противники». По его мнению, членство Финляндии в НАТО даст стране новые возможности для дальнейшей интеграции России в западные институты: «Не являясь членом НАТО, Финляндия также остается вне развития отношений между НАТО и Россией и поэтому не может влиять на огромное количество факторов, напрямую связанных с ее безопасностью» [1, с. 77]. Однако официальная позиция Хельсинки основывается на политике неприсоединения к военным альянсам.

Известный финский политик, один из кандидатов в президенты страны на выборах 2018 года Матти Ванханен (Matti Vanhanen) приветствовал партнерство и дискуссию о более тесном сотрудничестве Финляндии и НАТО, но подчеркивал, что оно не будет шагом к членству в альянсе¹⁹. Президент Финляндии Сауле Ниинистё (Sauli Niinistö) и бывший руководитель МИД страны Александр Стубб (Alexander Stubb) активно пропагандируют идею вступления Финляндии в НАТО. Александр Стубб в одном из интервью в 2014 году заявил: «Пусть лично я и выступаю за членство моей страны в НАТО, однако не думаю, что для этого наступил подходящий момент. К тому же надо понимать, что эту идею одобряют лишь 25 % финнов»²⁰. Сауле Ниинистё полагает, что благоприятный момент для вступления в НАТО появился в начале 1990-х годов, но был упущен²¹. В то же время министр иностранных дел страны в 2011 — 2015 годах Эрkki Туомиоя (Erkki Tuomioja) дал весьма уклончивую оценку перспектив вступления страны в НАТО: «Как записано в программе правительства, Финляндия не является членом военного альянса, однако сотрудничает с НАТО и сохраняет возможность подачи заявки на получение членства в ней»²².

В качестве аргументов сторонники вступления Финляндии в НАТО выдвигают следующие. Во-первых, самое главное — это безопасность страны, поэтому даже

¹⁸ Sierla A. Suomen mahdollisen Nato-jäsenyyden vaikutukset. Suomen ulkoasianministeriö. Helsinki, 2007. URL: editex.filmuut_julkaisut/4931 (дата обращения: 26.09.2018).

¹⁹ Малышкин А. Указ. соч.

²⁰ Цит по: Ермолаева Н. Финляндия не будет вступать в НАТО // Российская газета. 30.09.2014. URL: <https://rg.ru/2014/09/30/finlandiya-site-anons.html> (дата обращения: 26.09.2018).

²¹ Tasavallan presidentti Sauli Niinistön uudenvuodenpuhe. 01.01.2015. URL: <http://presidentti.fi/public/default.aspx?contentid=319058&nodeid=44810&contentlan=1&culture=fi-FI> (дата обращения: 05.10.2016).

²² Будут ли Швеция и Финляндия в НАТО? URL: <https://topwar.ru/33690-budut-li-shveciya-i-finlyandiya-v-nato.html> (дата обращения: 26.09.2018).

под угрозой потери части суверенитета следует искать защиту у более сильного политического игрока. По мнению ряда финнов, в современной системе международных отношений одной из главных угроз международной безопасности являются терроризм и имперские амбиции России [12; 13]. Во-вторых, вступление в НАТО может повысить статус и значимость государства на международной арене. Хотя, например, авторы коллективной монографии «Северная Европа — регион нового развития» полагают, что расширение НАТО за счет Финляндии и Швеции может, наоборот, существенно снизить возможности этих стран сохранять влиятельную роль в рамках того же Европейского союза. Также может пострадать сложившаяся система регионального и субрегионального сотрудничества, и прежде всего с Россией [14, с. 418—440].

Но в политическом истеблишменте Финляндии есть и те, кто негативно относятся к идее вступления в НАТО и считает, что это превратит страну в удобный плацдарм для размещения военной инфраструктуры Альянса в непосредственной близости от границ России. Многие финские политики утверждают, что НАТО хочет от несостоящих в ней государств лишь более активного участия в кризисных операциях и сопутствующих им процессах принятия решений, что помогло бы альянсу получить больше военнослужащих для таких сложных миссий. Бывший финский посол в Российской Федерации Хейкки Талвитие (Heikki Talvitie) полагает, что вхождение Финляндии в НАТО не приведет к усилению безопасности, так как страны Запада на самом деле не заинтересованы в обороне финской территории. Под вопросом останется как размер гипотетической помощи Альянса, так и в целом сама готовность других стран-членов ее оказывать. Поэтому для Финляндии было бы опрометчиво начинать конфронтацию с Россией, имея столь призрачные гарантии безопасности со стороны НАТО. Не ставя под сомнение выгоду вхождения в Североатлантический альянс в отдаленной перспективе, Хейкки Талвитие высказался против форсирования этого процесса и осложнения ситуации на границе с Россией в настоящее время²³.

Тем временем для вовлечения Финляндии в Североатлантический альянс сделано уже многое [15]: вооруженные силы и системы вооружения страны были переведены на стандарты НАТО, в ходе военных учений и в рамках программы «Партнерство ради мира» неоднократно отработывались навыки практического взаимодействия войск. Желая подчеркнуть хорошие отношения с Североатлантическим альянсом, в 2013 году Финляндия заказала у США различные типы ракет и дополнительное оборудование к ним на общую сумму 277 млн дол.²⁴ Адмирал Юхани Каскеала (Juhani Kaskeala) заявил, что финская армия полностью готова к вступлению в НАТО. Это высказывание бывшего командующего финской армии в 2001—2009 годах подтверждает, что внеблоковый статус страны не означает, что она всегда будет нейтральной [6; 16].

При проведении своей внешней и оборонной политики оба государства исходят из необходимости поддержания связей с Североатлантическим альянсом для сохранения стабильности в Балтийском регионе: «НАТО является единственной международной организацией, способной осуществлять кризисное управление, требующее военного вмешательства, и военные операции по принуждению к миру», а «расширение... НАТО повысило уровень безопасности в сопредельных с Финляндией территориях» [17, с. 28]. Многие шведские политики подчеркивают, что ни одна

²³ *Talvitie H.* У Финляндии нет необходимости вступать в НАТО «из принципа» (“*Keskisuomalainen*”, Финляндия). URL: <http://apn-nn.com/90527-510357.html> (дата обращения: 26.09.2018).

²⁴ *Будут ли Швеция и Финляндия в НАТО?* URL: <https://topwar.ru/33690-budut-li-shveciya-i-finlyandiya-v-nato.html> (дата обращения: 26.09.2018).

крупная европейская держава не должна в одностороннем порядке доминировать в североευропейском регионе, и присутствие США видится как противовес подобной ситуации. Также обе страны приветствуют различного рода «невоенное» сотрудничество в НАТО (в области минимизации экологического ущерба от военной деятельности, в проведении миротворческих операций, при ликвидации чрезвычайных ситуаций) [10]. Особое значение придается программе «Партнерство ради мира», центральная часть кооперации в рамках которой — «повышение оперативной совместимости вооруженных сил участвующих стран с целью более успешного участия в совместных операциях»²⁵. Важно подчеркнуть, что операции под руководством Альянса с участием стран-партнеров во внешнеполитической доктрине обоих северных государств признаются первичными в европейском кризисном урегулировании, хотя ЕС и его общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) также являются важным инструментом политики безопасности обеих стран.

Поддержка Швецией и Финляндией трансатлантической солидарности особенно возросла в начале 2000-х годов после событий 11 сентября 2001 года. Финский и шведский министры иностранных дел заявили, что «если государство-член ЕС подвергнется террористической атаке и Финляндия, и Швеция, несомненно, предоставят соответствующую помощь»²⁶. Обе страны также сделали практические шаги в этом направлении, выступив с предложением об улучшении функций Совета европеико-атлантического партнерства для борьбы с этой угрозой. Однако Хельсинки и Стокгольм и сегодня не считают необходимым, чтобы в процессе борьбы с терроризмом была создана альтернатива НАТО.

Можно с уверенностью утверждать, что Финляндия и Швеция присоединятся к НАТО только тогда, когда почувствуют для себя реальную, а не мифическую угрозу. Еще в начале 1990-х годов министр иностранных дел Швеции Маргарета аф Угглас (Margaretha af Ugglas) подчеркнула, что «политика неприсоединения — всего лишь средство, но не конечная цель»²⁷. Однако дальше этого в официальных заявлениях вплоть до сегодняшнего времени шведское правительство не заходит. Несмотря на неоднократные заявления консерваторов (из Умеренной коалиционной партии — *Moderaterna*) и либералов (*Liberalerna*) о необходимости вступления в НАТО, правительство твердо придерживается своей линии.

Социал-демократ Эррки Туомиоя (Erkki Tuomioja), который с 2011 по 2015 год занимал пост министра иностранных дел Финляндии, считает, что Финляндии следует рассмотреть возможность более тесного военного сотрудничества со Швецией. В качестве одного из направлений сотрудничества он предлагает объединение систем воздушной и морской обороны двух стран²⁸. Многие политики и в Финляндии, и в Швеции сегодня открыто заявляют, что двустороннее военное сотрудничество — приоритет оборонной политики обеих нейтральных стран. Говорить о новом военном блоке пока рано, но шведско-финское взаимодействие вполне может привести к созданию юридически оформленного оборонного союза. К этому может

²⁵ Петров В., Огнев А. Программа НАТО «Партнерство ради мира» (2013). URL: http://factmil.com/publ/strana/avstrija/programma_nato_partniorstvo_radi_mira_2013/54-1-0-351 (дата обращения: 26.09.2018).

²⁶ Цит. по: Кантокоски О.А. Сотрудничество стран Скандинавии и Финляндии в сфере борьбы с международным терроризмом. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/tubrikator/03/03_05/978-5-88431-162-6/ (дата обращения: 26.09.2018).

²⁷ Цит. по: Поплавский А. Формирование политики безопасности Норвегии и Швеции в 1990-е гг. URL: <http://www.evolutio.info/content/view/907/215/> (дата обращения: 26.09.2018).

²⁸ Бондина В. Финляндия и Швеция могут создать военный союз: против кого? URL: <http://gpolitika.com/evropa/finlyandiya-i-shveciya-mogut-sozdat-voennyj-soyuz-protiv-kogo.html> (дата обращения: 26.09.2018).

подтолкнуть восприятие политики России в регионе как «враждебной» или «агрессивной». Так, главнокомандующий вооруженными силами Швеции²⁹ генерал Микаэль Бюден (Micael Bydén) открыто заявил, что вероятность конфликта между НАТО и Россией в регионе Балтийского моря возросла. В ходе визита в Литву в феврале 2016 года он подчеркнул, что прибытие военной техники НАТО в регион в то время, когда Россия «демонстрирует желание использовать военные средства для достижения политических целей», увеличивает возможность конфликта и провокаций³⁰.

Министерство обороны Швеции в данный момент изучает юридические последствия создания договора о военном сотрудничестве с Финляндией. Политическая поддержка юридически оформленного союза возрастает в обоих государствах. Так, бывший премьер-министр Финляндии Матти Ванханен (Matti Vanhanen) уверен, что создание союза может послужить основным компонентом будущего механизма совместной обороны двух стран: «Я поддерживаю ту точку зрения, согласно которой в вопросах войны и мира нужно быть очень аккуратным. Мы никогда не можем быть уверены, что в случае необходимости в нашем распоряжении будут ресурсы соседа, если сотрудничество с Швецией происходит на добровольной основе... Оборонительный союз между двумя странами не может быть функциональным или даже возможным, пока нет общей внешней политики. Лишь в этом случае возможен подлинный союз двух национальных государств»³¹ [18, р. 1177]. Двусторонний договор и оборонительный союз, по его мнению, позволили бы заложить основу для прояснения различных неопределенностей в будущем и обозначить рамки для использования общих ресурсов.

Председатель оборонной комиссии парламента Швеции Аллан Видман (Allan Widman) полагает, что правительству королевства прежде всего необходимо выявить долгосрочные перспективы шведско-финского сотрудничества. Либеральная партия (*Liberalerna*), в которой он состоит, в целом поддерживает создание юридически закрепленного военного союза, рассматривая его как начало возможного пути двух государств в НАТО. Эту инициативу также поддерживает оппозиционная Умеренная коалиционная партия (*Moderaterna*), требующая от правительства создать дорожную карту вступления Швеции в НАТО. «Умеренные» считают, что поправки, которые сегодня предлагают внести в «Договор о поддержке принимающей стороны» между НАТО и Швецией (2014), по-прежнему оставляют королевство изолированным, незащищенным и без гарантий того, что в случае нападения Альянс придет на помощь. Этот договор позволил НАТО осуществлять транзит войск через территорию Швеции, однако лишь в мирное время. Главный акцент в нем был сделан на участии сил НАТО в военных учениях на территории Швеции. В настоящий момент в Швеции рассматривают изменения к этому документу, которые позволили бы силам Альянса перемещаться по территории страны, но уже не только в мирное время, но и в случае вооруженного конфликта.

Однако $\frac{2}{5}$ граждан Финляндии и Швеции выступают за то, чтобы каждая страна решала вопросы обороны самостоятельно, независимо от другой. В то же время примерно каждый четвертый выступает за совместную политику в области обороны³². По мнению шведских экспертов, причина этого феномена кроется не в недоверии к Финляндии, а в скептическом отношении к военным блокам вообще. Судя по всему, то же самое можно сказать и о финнах.

²⁹ Верховный главнокомандующий Шведских вооруженных сил (Swedish: Överbefälhavaren) — это военный офицер самого высокого ранга в вооруженных силах Швеции, по терминологии НАТО соответствует начальнику обороны Швеции (Swedish chief of defence).

³⁰ Цит. по: Бондина В. Указ. соч.

³¹ Цит. по: Малышкин А. Указ. соч.

³² Малышкин А. Указ. соч.

Этот вывод косвенно подтверждается и отношением к НАТО. Более половины опрошенных граждан Финляндии убеждены, что сотрудничество с НАТО не следует углублять. В Швеции подобных взглядов придерживаются примерно столько же. В обеих странах около 40 % опрошенных выступают за расширение сотрудничества с НАТО³³. Социологи зафиксировали, что число сторонников вступления в НАТО выросло после вступления Крыма в состав России. Но все же они пока в меньшинстве. Голоса «атлантистов» публично звучат лишь на уровне отдельных партий или «частных мнений». Примером может служить предложение шведских либералов («Партии центра» — *Centerpartiet*) пересмотреть нейтральный статус страны. Однако, как уже отмечалось выше, политическая элита обеих стран продолжает проявлять сдержанность в этом вопросе³⁴.

В случае вступления в Североатлантический альянс высоко развитых в военном отношении Финляндии и Швеции произойдет полное изменение военно-политического баланса сил в Балтийском регионе в частности и во всей Северной Европе в целом. Линия соприкосновения России с государствами-членами НАТО пройдет через всю северную часть европейского континента от Баренцева моря до Калининграда и Пскова [6]. Россия должна будет разработать разные сценарии проведения своей политики по отношению к государствам Балтийского региона и к Североатлантическому альянсу, потребовать гарантии собственной безопасности, в том числе и на взаимовыгодных для стран региона условиях³⁵. Об этом свидетельствуют регулярные взаимные государственные визиты президентов России и Финляндии. Учитывая вступление Прибалтийских государств в НАТО, которое привело к выходу Альянса на ближние подступы к Санкт-Петербургу, финский фактор становится одним из решающим для обеспечения безопасности Северо-Запада России, свободного выхода из Финского залива, беспрепятственного морского сообщения с Калининградской областью и Атлантическим океаном, прокладки газовых магистралей по дну Балтийского моря.

На вопрос о возможном вступлении одного из ближайших соседей — Финляндии — в НАТО В.В. Путин ответил: «В различных политических и общественных кругах Финляндии время от времени постоянно возникает этот вопрос. Наше отношение к расширению военно-политических блоков вообще и Североатлантического альянса в частности известно, мы не думаем, что это будет способствовать укреплению безопасности в мире. Финляндия — полноценный член западного сообщества, член ЕС. Приближение военной инфраструктуры за счет финской территории к границе России не будет способствовать улучшению атмосферы в отношениях между нашими странами. Но самое-то главное заключается в том, что современные угрозы, они сосредоточены главным образом в сфере борьбы с терроризмом, с распространением наркотиков, с торговлей людьми, с организованной преступностью, с распространением оружия массового уничтожения и средств его доставки. Вот эти проблемы мы можем решить только совместно и на внеблоковой основе. Насколько мне известно, руководство Финляндии с этим согласно. Но окончательный выбор, конечно, за финским народом и за финским правительством»³⁶.

³³ Ермолаева Н. Указ. соч.

³⁴ *Muilu H.* Miten Suomen ja Ruotsin Nato-selvitykset eroavat toisistaan? URL: <http://yle.fi/uutiset/3-9155066> (дата обращения: 27.02.2020).

³⁵ *Жарский А.П., Кориунов Э.Л.* Северные соседи: прощай нейтралитет. URL: <https://vpk-news.ru/articles/5540> (дата обращения: 26.09.2018).

³⁶ *Латухина К.* Путин предупредил о последствиях вступления Финляндии в НАТО. URL: <https://rg.ru/2016/07/01/putin-predupredil-o-posledstviiah-vstupleniia-finlandii-v-nato.html> (дата обращения: 26.09.2018).

Бывший премьер-министр Финляндии, кандидат на выборах президента страны в 2018 году Матти Ванханен считает, что вступление в НАТО было бы для Финляндии «подлинным выбором» несмотря на то, что добавятся риски со стороны России³⁷. По его мнению, интерес Финляндии к НАТО спровоцировали агрессивные действия России в регионе и за его пределами. Нынешний министр иностранных дел Финляндии Тимо Соини подчеркивает важность общей политики безопасности и обороны ЕС, но при этом, с его точки зрения, для страны фоном должна служить сама возможность в любой момент вступить в НАТО³⁸.

Выводы

Дискуссия об интеграции в НАТО Швеции и Финляндии в политическом истеблишменте столкнулась со следующими ключевыми проблемами.

1. Стратегия Стокгольма и Хельсинки по сотрудничеству с НАТО: в целом и Швеция, и Финляндия достаточно плотно взаимодействуют с блоком посредством программ и советов по сотрудничеству, а также совместного участия в военных операциях. Страны стремятся вовлекаться не только в исполнительную компоненту, но и в механизмы принятия решения в блоке. Основным опорным пунктом является противодействие терроризму. При этом само членство они видят в целом либо неприемлемым, либо приемлемым в отдаленной перспективе. Обе страны делают ставку также на двустороннюю кооперацию в сфере обороны. В то же время среди высшего руководства Финляндии последнего времени членство в блоке получает оценку как «необходимое», но «упущенное», тогда как Швеция опирается на принцип «свободы от союзов». Кооперация в рамках оборонных структур ЕС также представляется приоритетом, хотя фактически это способствует «ползучей интеграции» в Альянс.

2. Основные группы сторонников и противников в правительствах и партиях: в целом представители правоцентристских и либеральных партий показали себя более склонными поддерживать членство в НАТО. Наиболее ярко это проявляется у Умеренно-коалиционной, Центристской и Либеральной партий в Швеции и Национальной коалиции в Финляндии. Социал-демократические и националистически ориентированные партии относятся к членству в НАТО критично, считая его наложением на страны дополнительных обязательств с минимальным перекрытием издержек.

3. Позиции военного руководства стран и их военный потенциал: обе страны еще в конце 1990-х — начале 2000-х годов завершили перевооружение и реформатирование своих вооруженных сил по стандартам НАТО. Военное руководство обеих стран в целом выражает готовность к членству в блоке. Различие по этому критерию состоит в потенциале ВПК: Швеция имеет свое военное производство с минимальной долей импорта по ряду пунктов номенклатуры вооружений, в то время как Финляндия больше зависима от импорта вооружений. Позиция Стокгольма связана с проблемами расширения своего ВПК и восприятия страны как формально независимой от крупных игроков на мировой арене. При этом проблема взаимоотношений с Россией для финского руководства представляется более чувствительной.

4. Возможный референдум в странах о членстве в НАТО представляется перспективным исходя как из опросов общественного мнения, так и из результа-

³⁷ Цит. по: *Бондина В.* Указ. соч.

³⁸ Цит. по: *Domínguez Cebrián B.* No veo la necesidad de un Ejército europeo // *El País*. (22.01.2018). URL: https://elpais.com/internacional/2018/01/18/actualidad/1516296250_831321.html (дата обращения: 20.02.2020).

тов парламентских выборов: сторонники вступления в НАТО в Швеции потерпели поражение, а «протестное голосование», когда третьими по числу мест в Риксдаге стали «Шведские демократы», привело к растущему расколу в руководстве страны.

5. Перспектива членства Швеции и Финляндии в НАТО: в обоих случаях о вхождении в блок говорится как о «долгосрочной перспективе». Стокгольм и Хельсинки постоянно подчеркивают важность кризисного урегулирования и превентивной дипломатии в противовес развитию непосредственно военной силы НАТО. При этом вопрос действительной внеблоковой политики уходит на второй план, уступая место «ползучей интеграции» в структуры НАТО. Тем самым формальный внеблоковый статус Швеции и Финляндии, особенно в отношении к РФ, становится все более призрачным.

Список литературы

1. Дерябин Ю.С. Все ли так спокойно на Севере Европы? // Современная Европа. 2003. № 4. С. 68—79.
2. Åselius G. Swedish strategic culture after 1945 // Cooperation and conflict. Vol. 40, № 1. P. 25—44.
3. Дробот Е.В., Ильина Д.Д. Перспективы развития внешнеэкономических связей Российской Федерации и Финляндии // Российское предпринимательство. 2017. Т.18, № 9. С. 147—1160.
4. Вавулинская Л.И. Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950—1970-е гг. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 228—249.
5. Жарский А.П., Коршунов Э.Л. Военная политика государств Северной Европы // Защита и безопасность. 2009. № 2. С. 34—36.
6. Мейнандер Х. История Финляндии. М., 2006.
7. Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998.
8. Ojanen H. Ruotsin ulko-, turvallisuus- ja puolustuspolitiikka // Suomen turvallisuuspoliittisen ratkaisun lähtökohtia / F. Blomberg (ed.). Helsinki, 2016. P. 131—165
9. Blydal C.J. Foreign-policy discussions in Sweden after 1990. From Neutrality to NATO? // KAS International reports. 2012. Vol. 5. P. 19—32.
10. Berndtsson J. Realizing the “market-state”? Military transformation and security outsourcing in Sweden // International Journal. Vol. 69, № 4. P. 542—558.
11. Погодин С.Н. Международная деятельность Финляндии в сфере безопасности // Международные отношения и диалог культур. 2012. № 1. С. 8—26.
12. Kuusisto R. Turvallisuusretoriikkaa: Nato ja Suomi // Suomi ja Nato — eurooppalaisia näkökulmia sotilasliitosta / M. Kangaspuro, T. Matinpuro (ed.). Helsinki, 2003.
13. Tarkka J. Venäjän vieressä — Suomen turvallisuusilmasto 1990—2012. Helsinki, 2015.
14. Северная Европа. Регион нового развития / отв. ред. Ю.С. Дерябин, Н.М. Антюшина. М., 2008.
15. Korhonen K. Luovutussopimus // Näin Suomea viedään. Alajärvi, 2015.
16. Möller U., Bjergeld U. From Nordic Neutrals to post-neutral Europeans: Differences in Finnish and Swedish policy transformations // Cooperation and conflict. Vol. 45, № 4. P. 363—386.
17. Болдырева Е.Л. Стратегия Министерства обороны Финляндии «Безопасно в будущее» // Международные отношения и диалог культур. 2012. № 1. С. 27—31.
18. Forsberg T. The rise of Nordic defense cooperation: a return to regionalism? // International affairs. Vol. 89, № 5. P. 1161—1181.
19. Новикова И.Н., Межевич Н.М. Финляндия и НАТО: как забвение уроков прошлого может привести к их повторению // Управленческое консультирование. 2016. № 4. С. 27—39.
20. Holmström M. Den dolda alliansen. Sveriges hemliga NATO-förbindelser. Stockholm, 2011.
21. Malmberg M. af. Neutrality and State-building in Sweden. N.Y., 2001.
22. Munro E. Challenges for neutral and non-aligned countries in Europe and beyond. Geneva, 2005.

23. *Pursiainen Chr., Forsberg T.* The Psychological Dimension of Russian Foreign Policy: Putin and the Annexation of Crimea // *Global Society*. 2017. Vol. 31, is. 2. P. 220—244.

24. Ojanen H. *Neutrality and non-alignment in Europe today*. Helsinki, 2003.

Об авторах

Славяна Юрьевна Болдырева, кандидат исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail: s.boldyreva@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0677-6312>

Роман Юрьевич Болдырев, кандидат исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail: r.boldyrev@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4262-7285>

Герман Сергеевич Рагозин, кандидат исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail: gragozin92@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8695-4096>

A 'SECRET ALLIANCE' OR 'FREEDOM FROM ANY ALLIANCES'? NATO ACCESSION DEBATE IN SWEDEN AND FINLAND, 1991–2016

S. Yu. Boldyreva

R. Yu. Boldyrev

G. S. Ragozin

Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, Russia, 163002

Received 25 August 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-2

© Boldyreva S. Yu., Boldyrev R. Yu.,
Ragozin G. S., 2020

The authors analyze the policy of NATO towards Sweden and Finland, the neutral states of Northern Europe, in 1991–2016. The authors emphasize that Finland and Sweden have always been of high strategic importance for NATO and the EU defence policy. The authors investigate the main areas of cooperation between NATO and the non-aligned countries of Northern Europe. The authors describe the prerequisites, prospects and possible consequences of Sweden and Finland's membership in NATO. Special attention is paid to the evolution of the policy of neutrality of these countries before and after their accession to the European Union. The aim of this research is to assess the evolution of political views of Sweden and

To cite this article: Boldyreva S. Yu., Boldyrev R. Yu., Ragozin G. S. 2020, A 'Secret alliance' or 'Freedom from any alliances'? NATO accession debate in Sweden and Finland, 1991–2016, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 2, p. 23–39.
doi: 10.5922/2078-8555-2020-2-2.

Finland on the development and implementation of the policy of neutrality in 1991–2016. To achieve this goal, the authors use a comparative analysis to explore the stance of the governments of Sweden and Finland on the cooperation with NATO or membership in it. The authors reflect on the concepts of “Finlandisation”, “freedom from alliances”, “neutrality” and “secret alliance”, which are often used in academic descriptions of the evolution of the position of both countries towards NATO. The authors hold that Finland and Sweden may become NATO members only if there is a direct threat to their security. Russian politics in the region may provoke them to take such a step. A referendum on joining the bloc seems to be highly unlikely; even though after the Crimean events, the number of NATO supporters in the two countries increased, they remained a minority. The authors conclude that both countries are involved in a “creeping” integration with NATO after they have become actors of the EU defence strategy. There is a minimum probability of Sweden and Finland’s becoming full members of the Alliance. However, the traditional policy of neutrality of both countries is often compromised, particularly towards Russia.

Keywords:

neutrality, Finlandisation, preventive diplomacy, NATO, EU

References:

1. Deryabin, Yu.S. 2003, Is it all so resilient in the Northern Europe? *Sovremennaya Evropa*, no. 4, p. 68–79 (In Russ.).
2. Åselius, G. 2005, Swedish strategic culture after 1945, *Cooperation and conflict*, vol. 40, no. 1, p. 25–44.
3. Drobot, E.V., Ilyina D.D. 2017, Prospects for the Development of Foreign Economic Relations of the Russian Federation and Finland, *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship], Vol. 18, no. 9, p. 1147–1160 (in Russ.).
4. Vavulinskaya L.I. 2018, 4. Intercultural Communication in the Dialogue of Karelia and Finland in the 1950s and 1970s, *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniy* [Almanac of North European and Baltic Studies], no. 3, p. 228–249 (in Russ.).
5. Zharsky, A.P., Korshunov, E.L. 2009. Military policy of the Nordic states, *Zashchita i bezopasnost'* [Protection and safety], no. 2, p. 34–36 (In Russ.).
6. Meinander, H. 2006. *Istoriya Finlyandii* [History of Finland], Moscow (In Russ.).
7. Jussila, O., Hentilä, S., Nevakivi, J. 1998, *Politicheskaya istoriya Finlyandii* [Political history of Finland], Moscow (In Russ.).
8. Ojanen, H. 2016, Ruotsin ulko-, turvallisuus- ja puolustuspolitiikka [Sweden's Foreign, Security and Defense Policy]. In: Blomberg, F. (ed.) *Suomen turvallisuuspoliittisen ratkaisun lähtökohtia* [Starting Points of Finland's Security Policy Solution], National Defence University, Helsinki, p. 131–165.
9. Blydal, C.J. 2012, Foreign-policy discussions in Sweden after 1990. From Neutrality to NATO? *KAS International reports*, vol. 5, p. 19–32.
10. Berndtsson, J. 2014, Realizing the “market-state”? Military transformation and security outsourcing in Sweden, *International journal*, vol. 69, no.4, p. 542–558.
11. Pogodin, S.N. 2012, International activity of Finland in the security sphere, *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur* [International relations and dialogue of cultures], no. 1, p. 8–26 (In Russ.).
12. Kuusisto, R. 2003, Security Rhetoric: NATO and Finland. In: Kangaspuro, M., Matinpuro T. (ed.) *Suomi ja Nato – eurooppalaisia näkökulmia sotilasliitosta* [Finland and NATO – European perspectives of a Military Alliance], Like, Helsinki (In Finnish).
13. Tarkka, J. 2015, *Venäjän vieressä – Suomen turvallisuusilmasto 1990–2012* [Close to Russia – Finland's Security Climate 1990–2012], Helsinki, Otava (In Finnish).
14. Deryabin, Yu.S., Antyushina, N.M. (eds.) 2008, *Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya* [Northern Europe. Region of the new development], Moscow (In Russ.).
15. Korhonen, K. 2015, Luovutussopimus. In: *Näin Suomea viedään* [A Transfer Treaty. In This Way Finland is Being Dragged], Alajärvi, VS-Kustannus (In Finnish).

16. Möller, U., Bjergeld, U. 2010, From Nordic Neutrals to post-neutral Europeans: Differences in Finnish and Swedish policy transformations, *Cooperation and conflict*, vol. 45, no. 4, p. 363—386.
17. Boldyreva, E.L. 2012, Strategy of the Ministry of defense of Finland “Safely to the future”, *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur* [International relations and dialogue of cultures], no. 1, p. 27—31 (in Russ.).
18. Forsberg, T. 2013, The rise of Nordic defense cooperation: a return to regionalism? *International affairs*, vol. 89, no. 5, p. 1161—1181.
19. Novikova, I.N., Mezhevich, N.M. 2016, Finland and NATO: How ignorance towards the lessons of past can lead to their repeat, *Urpavlencheskoye konsultirovanie* [Management consulting], no.4, p. 27—39 (in Russ.).
20. Holmström, M. 2011, *Den dolda alliansen. Sveriges hemliga NATO-förbindelser*, Stockholm (In Swed.).
21. Malmborg, M. af. 2001, *Neutrality and State-building in Sweden*, Hampshire.
22. Munro, E. 2005, *Challenges for neutral and non-aligned countries in Europe and beyond*, Geneva.
23. Pursiainen, Chr., Forsberg, T. 2017, The Psychological Dimension of Russian Foreign Policy: Putin and the Annexation of Crimea, *Global Society*, vol. 31, no. 2, p. 220—244.
24. Ojanen, H. 2003, *Neutrality and non-alignment in Europe today*, Helsinki.

The authors

Dr Roman Yu. Boldyrev, Northern Arctic Federal University
named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: r.boldyrev@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4262-7285>

Dr Slavyana Yu. Boldyreva, Northern Arctic Federal University
named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: s.boldyreva@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0677-6312>

Dr German S. Ragozin, Northern Arctic Federal University
named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: gragozin92@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8695-4096>

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКО-ЕВРОСОЮЗОВСКОГО И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧИЙ: ОПЫТ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Р. Х. Симонян ^{а, б}

Л. Н. Слуцкий ^б

^а Московский государственный институт
международных отношений МИД Российской Федерации,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

^б Институт экономики РАН,
117997, Россия, Москва, Нахимовский просп., 32

Поступила в редакцию 19.01.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-3

© Симонян Р.Х., Слуцкий Л.Н., 2020

Регионоведение в условиях уникального разнообразия российских регионов становится жизненно необходимой наукой для обеспечения устойчивости и развития России. При этом, если материальные и социальные характеристики российских регионов последовательно изучаются, накоплена обширная библиография, публикуются социально-экономические рейтинги, то исследование регионального сознания остается белым пятном, в то время как сознание формирует поведение, направляет деятельность людей, результаты которой во многом определяют развитие регионов. Предметом статьи является исследование духовной сферы регионов, внутреннего мира людей, составляющего основу человеческого капитала, что особенно актуально в отношении наиболее активных социальных групп, прежде всего молодежи. Общественная востребованность анализа состояния массового сознания молодежи в последние годы постоянно возрастает. На этом проблемном поле региональная специфика проявляется наиболее рельефно, в том числе по линии «Запад — Восток». Сравнение западных и восточных рубежей нашей страны представляет геополитический интерес в связи с растущим взаимодействием Европы и Азии. В русле формируемого нового научного направления — приграничного регионоведения — авторами представлены результаты впервые проведенного компаративного исследования регионального сознания студенческой молодежи российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничий, основанного на данных опроса выпускников Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград) и Амурского государственного университета (Благовещенск). В статье рассмотрен социологический феномен «региональное сознание», обоснованы критерии выбора объектов исследования и впервые в социологической науке построены логистические регрессионные модели, отражающие особенности регионального сознания. Цель статьи — подтвердить множественность регионального

Для цитирования: Симонян Р.Х., Слуцкий Л.Н. Сравнительный анализ массового сознания студенческой молодежи российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничий: опыт математического моделирования // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 40–53. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-3.

сознания, показать, что и в этой однородной социальной группе — российские студенты-выпускники — региональные различия присутствуют даже в случае сходства оценок и представлений о происходящих общественных процессах.

Ключевые слова:

регионоведение, региональное сознание, приграничные регионы, активные социальные группы, социологический опрос, логит-модели, асимметрия

Региональное сознание

В общественном дискурсе современной России общим местом стало утверждение, что мы плохо знаем свою страну [1; 2]. Это утверждение, содержащее в себе определенную долю критики в адрес российских обществоведов, не является новым. Разумеется, оно имеет под собой объективную основу — составляющие Россию регионы отличаются чрезвычайным разнообразием: географическим, экономическим, социальным, демографическим, историко-культурным, этническим, конфессиональным, политическим, административно-правовым, экологическим. В силу неравномерности развития в постсоветское время эти различия стали еще более резкими, прежде всего в фундаментальной сфере общества — экономике. По данным Всемирного банка, Россия имеет самый высокий уровень регионального неравенства среди других крупных стран с развивающейся экономикой, таких как Бразилия, Индия, Китай, ЮАР¹.

Задача познания современной России является, по сути, задачей познания ее регионов, что объясняет востребованность регионоведения. Острая актуальность этого сравнительно недавно возникшего научного направления объясняется заботой общества об устойчивости и социально-экономическом развитии страны.

Региональные особенности России отражаются в массовом сознании населения регионов и, в свою очередь, влияют на все общественные сферы, включая и приобретающую сегодня все большую актуальность — экологическую. Исследование сознания — индивидуального, группового, общественного — важно как в теоретическом, так и в практическом аспектах, ибо действия людей представляют собой продукт их мыслей и чувств. Это относится и к региональному сознанию — одной из форм восприятия групповой общности, возникшей на основе ощущения единства территории, что акцентирует политический аспект регионального сознания.

Как регион, являющийся взаимосвязанной частью страны в целом, — самостоятельная область познания, так и региональное сознание, выступающее частью общественного сознания страны в целом, — самостоятельная область познания.

Одна из основополагающих концепций, сформулированных классиками социологии сознания: особенность анализа массового сознания заключается в том, что как одну из форм описать его состояние можно только на вполне определенном реальном уровне, постоянно имея в виду конкретные особенности субъекта массового сознания [3—5]. Российский теоретик социологии массового сознания Б.А. Грушин в фундаментальной работе «Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования» обосновал концепцию множественности массового сознания, существующего в различных частях общества, и показал необходимость изучения *конкретных* носителей массового сознания [6], что получило развитие в последующих, российских [7—10] и зарубежных [10—12], исследованиях. Конкретность объекта повышает операциональность исследования.

Исторически сложившееся региональное сознание является одной из наиболее устойчивых форм практического существования общественного сознания. Регио-

¹ Фейнберг А. Экономические перекосы на местах // РБК. 27.09.2018. С. 6.

нальное воплощает общественное сознание в строго определенном состоянии как отражение повседневности — наиболее постоянной сферы человеческого опыта, характеризующейся особой формой восприятия и переживания данной среды. В этом смысле региональное сознание взаимосвязано с территориальной идентичностью, значение которой, как показывает практика, возрастает. Особенности регионов отражаются в особенностях сознания людей, населяющих этот регион. Весомость этого обстоятельства особенно отчетливо проявляется в процессе регионализации, сопровождающей глобализацию.

Одним из наиболее значимых глобальных процессов является рост интенсивности межцивилизационного, межкультурного и межгосударственного взаимодействия. При этом возрастает роль приграничных регионов, где эти взаимодействия непосредственно осуществляются. Для России это особенно актуально, так как она обладает самой протяженной в мире границей и существует с самым большим количеством цивилизаций, культур, государств. Из 85 субъектов Федерации России 46 — приграничные. При этом приграничные регионы помимо общих региональных различий имеют целый ряд специфических. Как правило, приграничный регион — это далекая от центра периферия, территории со слабо развитой промышленностью, что связано с естественным стремлением избегать строительства крупных хозяйственных комплексов вблизи государственных границ. Отсюда и малолюдность этих российских окраин, и ограниченность выбора вариантов экономического развития.

Важная особенность приграничных регионов заключается в амбивалентности их статуса: с одной стороны, это, как правило, глубокая провинция, а с другой — политически значимый центр и важнейший узел взаимодействия двух соседних государств, двух соседних социумов, в результате которого образуется третий, промежуточный, социум приграничья, являющийся объектом исследования нового направления регионоведения — приграничного регионоведения. В исследовании регионального сознания населения приграничных регионов была использована авторская концепция социальных мезосистем [13, с. 22—23], показавшая свою продуктивность в ранее проведенных исследованиях [14].

Граница не только международно-правовой институт, обеспечивающий взаимодействие с соседними странами и неприкосновенность государственной территории, но и объект деятельности жителей приграничных районов, выполняющих эти функции. Граница в их сознании отражается как важный символический знак государственной принадлежности [15]. Особенность менталитета жителей приграничья была давно замечена учеными-обществоведами. Так, еще в начале XX века Г. Зиммель справедливо подметил, что «граница — это не пространственный факт с социологическим эффектом, но социологический факт, который пространственно оформляется» [16, с. 599].

Исследуя массовое сознание и повседневное поведение жителей приграничья, можно понять, как формируется это пространство межкультурного диалога, как функционируют его элементы, какие правила определяют поведенческие стратегии населения, какую роль играет в этих процессах граница и как приграничные регионы различаются по этим и другим параметрам.

Для решения этой задачи в середине 2018 года был проведен сравнительный анализ массового сознания студентов-выпускников университетов российско-евросоюзского и российско-китайского приграничий. Выбор молодежи был обоснован наибольшей информационной продвинутой и пространственной динамичностью этой гомогенной социальной группы, активность которой проявляется во всех сферах общества, поскольку все происходящие в нем процессы прямо или косвенно сказываются на ее жизни, ее положении в обществе и представлениях о будущем. Со своей стороны, общество и его властные институты все больше ори-

ентируются на молодежь как на самую перспективную, содержащую наибольший инновационный потенциал возрастную группу в структуре общества для решения задач по социально-экономическому развитию России [17; 18].

В последнее десятилетие на всей территории России наблюдается тенденция резкого возрастания политической активности молодежи, поэтому изучение молодежи становится особенно актуальным: психология нового, постсоветского поколения россиян вызывает сегодня острый общественный интерес. В отличие от старших поколений эта мобильная социальная группа обладает большей информацией, открыта к освоению иной культуры, отличается от старших поколений меньшей привязанностью к территории и, соответственно, меньше подвержена идеология почвенничества, что делает сравнительный анализ массового сознания приграничья Запада и Востока более объективным, более «лабораторно чистым». К теоретико-методологическому аспекту следует добавить и практический: именно этой социальной группе, и прежде всего выпускникам российских вузов, в ближайшем будущем предстоит решать проблемы приграничья.

Исходя из цели статьи была выдвинута следующая гипотеза. Социально-политическое сознание молодежи приграничий Запада и Востока в значительной степени определяется основными формами массового сознания: экономической, правовой, исторической, цивилизационно-культурной и экзистенциальной. Для проверки гипотезы были выбраны соответствующие факторы.

1. Экономический — материальное положение респондента.
2. Правовой, формирующий через знание законодательства представления о функциях государства, о приоритетности (сильное государство или качество жизни населения), характеризующий уровень правосознания респондента и его политические ориентации — либеральные или этатические.
3. Исторический, связанный с восприятием наследия прошлого и с представлением о будущем страны.
4. Цивилизационно-культурный, показывающий влияние цивилизационной идентичности респондента на его представления и оценки.
5. Экзистенциальный, характеризующий представления о безопасности и жизнеспособности страны.

Критерии выбора объектов сравнения

Критерии выбора приграничных регионов были основаны на двухконтинентальности России и ее геостратегическом положении между двумя из трех ведущих центров мировой экономики — Евросоюзом (22,6 % мирового ВВП) и Китаем (16,5 % мирового ВВП). Российско-евросоюзовское приграничье (Запад) включает пять регионов — Мурманскую, Ленинградскую, Псковскую, Калининградскую области и Республику Карелию. Российско-китайское приграничье (Восток) составляют также пять регионов: Забайкальский, Хабаровский, Приморский края, Амурскую и Еврейскую автономные области. Из региональных центров были выбраны те, которые наиболее полно представляют Запад и Восток. В качестве главных критериев репрезентативности выступают степень экономического и социокультурного взаимодействия региона с соседним государством и близость столицы региона к государственной границе.

Если Калининградская область имеет преимущество перед другими регионами Запада — она находится внутри Евросоюза, то на Востоке Амурская область обладает самой протяженной границей с Китаем — 1250 км, которая проходит по Амуру и на всем протяжении которой осуществляется интенсивное взаимодействие жителей России и Китая. Из 19 районов области 13 — самые многонаселенные — располагаются вдоль Амура.

Калининградский анклав, расположенный между Польшей и Литвой, в наиболее полной мере воплощает особенности российского приграничья на Западе, социокультурная диффузия между РФ и ЕС здесь наиболее интенсивна. В области действуют многочисленные совместные с литовским и польским бизнесом предприятия. Внешняя торговля со странами Евросоюза составляет 65—70 % торгового оборота Калининградской области. К этому стоит добавить еще один фактор — небольшую территорию области (всего 15 тыс. км² — треть Московской области), столица которой находится в 37 км от границы с Польшей. Такая близость позволяет хорошо «чувствовать границу». Для калининградцев Литва и особенно Польша — территории частого пребывания. Чтобы попасть в Россию, калининградцам нужно пересечь территорию двух государств — Литвы и Беларуси.

Амурская область также наиболее полно воплощает специфику «приграничья» на Востоке: расположение, историческое прошлое, традиции соседства. Особенно ярко это проявляется в областном центре — Благовещенске, отличающемся интенсивностью экономических, туристических и прочих контактов и прежде всего тесными межличностными контактами русских и китайцев. Ширина Амура, разделяющего Благовещенск и китайский город Хэйхэ, — 520 м. Эти два города, по существу, единая агломерация с множеством взаимных связей: административных, экономических, образовательных, культурных, бытовых, информационных.

На российско-китайском приграничье другого города, равного Благовещенску по широте и интенсивности межцивилизационного взаимодействия, нет. Таким образом, и Калининградская, и Амурская области в полной мере раскрывают характерные свойства социокультурного феномена «приграничье», а население Калининграда и Благовещенска репрезентирует городское население российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничий.

Региональное сознание молодежи: различия между Западом и Востоком

Для проведения сравнительного анализа состояния массового и группового сознания двух приграничий в октябре 2018 года было опрошено по 200 студентов-выпускников калининградского и благовещенского университетов. Выборку, репрезентирующую количество факультетов и специализаций выпускников университетов, рассчитывали сотрудники кафедр социологии, которые проводили опросы.

В целом особенности регионального сознания Запада и Востока проявились здесь весьма отчетливо.

Хотя в рейтинге регионов по уровню жизни Амурская область (52-е место в 2018 году) отстает от Калининградской (37-е), благовещенцы оценивают свое материальное положение как хорошее в 40 % случаев против 29 % у калининградцев, что в значительной мере объясняется особенностями формирования самооценки — они сравнивают себя с жителями Китая, а не с более материально благополучными прибалтами и поляками.

Существенные различия обнаружились в оценке культурно-цивилизационной принадлежности России: среди тех, кто считает, что Россия не входит в европейскую цивилизацию, а представляет собой особую цивилизацию, на Востоке — 22 %, на Западе — 32 %. Разница объясняется более реальными представлениями калининградцев о европейской цивилизации.

Резкие различия между двумя приграничьями выявлены в оценке внешних и внутренних угроз нашему государству. На Востоке больше опасаются внешних угроз — 52 %, меньше внутренних — 26 %, на Западе, наоборот: на опасность внешних угроз указал 31 % респондентов, на опасность внутренних — 54 %. Если соседи калининградцев — малые страны, то у благовещенцев рядом огромная, амбициозная, быстро развивающаяся держава с десятикратно превосходящим Россию населением и ВВП.

Тех, кто верит в великое будущее России, на Востоке незначительно больше, чем на Западе (32,5 против 29%), но на Востоке гораздо меньше пессимистов: только 11,5% считают, что «великая Россия — это уже прошлое», в то время как на Западе — 21%. Удаленность от центра ключевых событий глобализации придает благовещенцам больше оптимизма в оценке будущего.

На фоне доминирования различий были определены и общие для двух приграничных представления и оценки. Не было выявлено статистически значимых различий в ответах на вопросы, относящихся к правовой сфере. На Западе считающих, что государственные законы прежде всего должны быть направлены на создание сильного государства, — 16%. Тех же, кто думает, что они в первую очередь должны быть нацелены на обеспечение высокого качества жизни населения, — 78%. На Востоке соответственно это 14,5 и 74,5%.

Также не было обнаружено существенных различий в оценке общественно-политических процессов. На Западе полностью или частично согласных с тем, что дела в нашей стране идут в правильном направлении, — 38%, на Востоке — 36%. «Несо согласных или частично несо согласных» также практически одинаково: на Западе — 53%, на Востоке — 51%.

Приведенная нами статистика, относящаяся к политической ($q_{\text{полит}}$), экономической ($q_{\text{экон}}$), правовой ($q_{\text{прав}}$), культурно-цивилизационной ($q_{\text{цивил}}$), исторической ($q_{\text{истор}}$) и экзистенциальной ($q_{\text{экзист}}$) формам сознания, суммирована в таблице 1.

Таблица 1

Статистика ответов респондентов, %

Вопрос	Ответ	Запад	Восток
Дела в нашей стране идут в правильном направлении ($q_{\text{полит}}$)	Согласен или скорее согласен (1)	38	36
	Не согласен или скорее не согласен (2)	53	51
	Затрудняюсь ответить (3)	9	13
Оцените материальное положение своей семьи ($q_{\text{экон}}$)	Хорошее (1)	29	40
	Среднее или ниже среднего (2)	71	60
Государственные законы должны быть направлены прежде всего ($q_{\text{прав}}$)	На создание сильного государства (1)	16	14,5
	На обеспечение высокого качества жизни населения (2)	78	74,5
	Затрудняюсь ответить (3)	6	11
Русские входят в общеевропейскую цивилизацию ($q_{\text{цивил}}$)	Да, входят (1)	54	49,5
	Нет, не входят (2)	32	22
	Затрудняюсь ответить (3)	14	28,5
Историческая судьба России ($q_{\text{истор}}$)	У России великое будущее (1)	29	32,5
	Великая Россия — это уже прошлое (2)	21	11,5
	Затрудняюсь ответить (3)	50	56
Что для нашей страны представляет наибольшую опасность ($q_{\text{экзист}}$)	Внешние угрозы (1)	31	52
	Внутренние угрозы (2)	54	26
	Затрудняюсь ответить (3)	15	22

Количество неопределившихся по каждому из вопросов находилось в диапазоне от 6 до 56%. Единственный вопрос, на который не смогли дать определенный ответ 50% и более респондентов как на Западе, так и на Востоке — $q_{\text{истор}}$. На Востоке по всем позициям было больше неопределившихся.

В таблице 2 приведен статистический анализ разницы между ответами на Западе и Востоке.

Таблица 2

Статистический анализ разницы (d) между ответами респондентов на Западе и Востоке

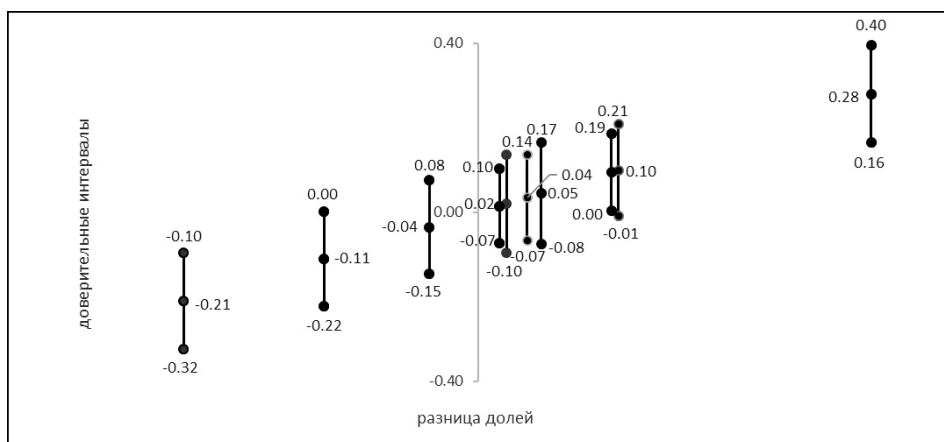
Вопрос	Разница, d_{sample}	95 %-ный доверительный интервал	Значимость
$q_{\text{полит}, 1}$	0,020 (0,059)	$-0,10 < d_{\text{полит}, 1} < 0,14$	—
$q_{\text{полит}, 2}$	0,020 (0,061)	$-0,10 < d_{\text{полит}, 2} < 0,14$	—
$q_{\text{экон}, 1}$	-0,110 (0,057)	$-0,22 < d_{\text{экон}, 1} < 0,00$	*
$q_{\text{прав}, 1}$	0,015 (0,045)	$-0,07 < d_{\text{прав}, 1} < 0,10$	—
$q_{\text{прав}, 2}$	0,035 (0,052)	$-0,07 < d_{\text{прав}, 2} < 0,14$	—
$q_{\text{цивил}, 1}$	0,045 (0,120)	$-0,08 < d_{\text{культ}, 1} < 0,17$	—
$q_{\text{цивил}, 2}$	0,100 (0,055)	$-0,01 < d_{\text{культ}, 2} < 0,21$	*
$q_{\text{истор}, 1}$	-0,035 (0,111)	$-0,15 < d_{\text{истор}, 1} < 0,08$	—
$q_{\text{истор}, 2}$	0,095 (0,047)	$0,00 < d_{\text{истор}, 2} < 0,19$	**
$q_{\text{эксист}, 1}$	-0,210 (0,058)	$-0,32 < d_{\text{эксист}, 1} < -0,10$	***
$q_{\text{эксист}, 2}$	0,280 (0,059)	$0,16 < d_{\text{эксист}, 2} < 0,40$	***

Примечание 1: *, **, *** — 10, 5, и 1 %-ный уровни значимости соответственно.

Примечание 2. В таблице не приведены результаты, относящиеся ко второму ответу ($q_{\text{экон}, 2}$) — материальное положение среднее или ниже среднего, так как они являются зеркальным отражением ответов на первый вопрос: $d_{\text{экон}, 2} = -d_{\text{экон}, 1}$. Также не приведены результаты, относящиеся к ответу «Затрудняюсь ответить».

Наибольшая разница (на уровне значимости 1 %) между Востоком и Западом наблюдалась в отношении оценки внешних и внутренних угроз ($q_{\text{эксист}}$). Обращает на себя внимание асимметрия в ответах о судьбе России ($q_{\text{истор}}$). В то время как ответ «У России великое будущее» дало примерно одинаковое количество респондентов, разница в числе ответивших «Великая Россия — это уже прошлое» была значимой на уровне 5 %.

На рисунке 1 представлены графически результаты, приведенные в таблице 2.

Рис. 1. График 95 %-ных доверительных интервалов для d

Примечание: средние точки доверительных интервалов соответствуют значениям разниц между ответами на Западе и Востоке.

Моделирование различий регионального сознания между российским Западом и Востоком

Для проверки гипотезы, сформулированной в конце первого раздела, были выбраны пять факторов, влияющих на оценку социально-политического сознания молодежи нашей страны — $q_{\text{полит}}$: экономический ($q_{\text{экон}}$), правовой ($q_{\text{прав}}$), культурно-цивилизационный ($q_{\text{цивил}}$), исторический ($q_{\text{истор}}$) и экзистенциальный ($q_{\text{экзист}}$) [19]. Для каждого фактора, кроме $q_{\text{экон}}$, предлагалось три ответа (см. табл. 1, с. 45), последний из которых был «Затрудняюсь ответить». Для фактора $q_{\text{экон}}$ предлагалось только два ответа. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, распределение ответов по вопросам были неодинаковыми для Запада и Востока. Учитывая, что разницы между ответами на зависимую переменную ($q_{\text{полит}}$) были статистически незначимыми, разумно предположить, что влияние факторов отличалось для обоих регионов. Поэтому были построены две модели полиномиальной логистической регрессии: одна для Запада, а другая — для Востока. Результаты оказались неудовлетворительными. Для каждой из регрессий только фактор $q_{\text{истор}}$ был значимым². Это и не удивительно, так как моделировалась в том числе неопределенность [20], заложённая в ответе «Затрудняюсь ответить».

В результате были построены четыре модели логистической регрессии с бинарными регрессорами: по две модели, отдельно для Запада и Востока. Все вычисления производились в статистическом пакете SPSS 24 и в Microsoft Excel.

Модели логистической регрессии (логит-модели) широко используются в социологии, в частности при статистическом анализе результатов опросов населения [21]. Логит-модели предпочитают в социологии пробит-моделям ввиду более простой интерпретации результатов [22]. При логистической регрессии моделируется вероятность p наступления события y , принимающего значения 0 или 1, в зависимости от ряда сопутствующих факторов (регрессоров) x_1, x_2, \dots, x_k . Основное допущение³ логит-модели можно записать в виде формулы

$$p(y = 1 | x_1, x_2, \dots, x_k) = \frac{1}{1 + e^{-(B \cdot X)}} = \frac{1}{1 + e^{-(b_0 + b_1 x_1 + \dots + b_k x_k)}} \quad (1)$$

где $X = (1, x_1, \dots, x_k)$, $B = (b_0, b_1, \dots, b_k)$ — вектор параметров модели, которые требуется определить, а скобки $\langle \rangle$ — скалярное произведение векторов.

Обычно формула (1) записывается в виде

$$\text{logit}(p) = \ln \frac{p}{1-p} = b_0 + b_1 x_1 + \dots + b_k x_k, \quad (2)$$

где $p = p(y = 1 | x_1, x_2, \dots, x_k)$. При этом предполагается, что ни при каком наборе значений x_1, x_2, \dots, x_k , $p = 0$ или $p = 1$.

Трактовка коэффициентов логит-модели отличается от той, которая принята при анализе обычной линейной регрессии. Так, коэффициент b_i , $i = 1, \dots, k$ при факторе x_i трактуется как изменение значения функции $\text{logit}(p)$ при увеличении x_i на единицу; коэффициент b_0 равен значению $\text{logit}(p)$ при «выключенных» регрессорах, то есть при $x_1 = x_2 = \dots = x_k = 0$.

Функция правдоподобия, соответствующая событиям y_1, \dots, y_N

$$L(B; y_1, y_2, \dots, y_N) = \prod_{i=1}^N \left(\frac{1}{1 + e^{-(B \cdot X_i)}} \right)^{y_i} \left(1 - \frac{1}{1 + e^{-(B \cdot X_i)}} \right)^{1 - y_i}, \quad (3)$$

где X_i — вектор регрессоров, соответствующий наблюдаемому объекту i . За оценку максимального правдоподобия вектора параметров B принимается вектор $\hat{B} = (\hat{b}_0, \hat{b}_1, \dots, \hat{b}_k)$, максимизирующий правую часть формулы (3).

² Под значимым, при отсутствии указания уровня значимости, везде в статье понимается 95%-ный уровень значимости.

³ Другое допущение модели: наблюдения взаимно независимы.

Каждый из факторов $q_{\text{прав}}$, $q_{\text{цивил}}$, $q_{\text{истор}}$, $q_{\text{экист}}$ представлен двумя бинарными регрессорами. Так, фактор $q_{\text{истор}}$ представлен регрессором $q_{\text{истор},1}$ (1 — у России великое будущее, 0 — другой ответ) и регрессором $q_{\text{истор},2}$ (1 — великая Россия — это уже прошлое, 0 — другой ответ). Мы заметим, что эти регрессоры не являются дополнительными, то есть $q_{\text{истор},2} \neq 1 - q_{\text{истор},1}$. Аналогично для трех других факторов (см. табл. 1, с. 45). Фактор $q_{\text{экон}}$ представлен одним регрессором — $q_{\text{экон},2}$ (материальное положение среднее или ниже среднего).

Были построены две логит-модели, отдельно для Запада и Востока, для зависимой бинарной переменной $q_{\text{полит},1}$ и две логит-модели для бинарной переменной $q_{\text{полит},2}$.

Выбор моделей производился методом исключения. В первоначальную регрессию входили все девять регрессоров. В качестве критерия отбора модели использовался тест отношения правдоподобия. Окончательные результаты логит-регрессий приведены в таблице 3.

Таблица 3

Оценка параметров моделей

Фактор	Модель I (согласен, для Запада)	Модель II (согласен, для Востока)	Модель III (не согласен, для Запада)	Модель IV (не согласен, для Востока)
$q_{\text{экон},2}$	—	—	—	0,73** (0,34) 0,08 < b < 1,37
$q_{\text{прав},1}$	1,97** (0,78) 0,44 < b < 3,51	0,86* (0,47) -0,07 < b < 1,79	—	—
$q_{\text{прав},2}$	—	—	1,63** (0,73) 0,20 < b < 3,06	—
$q_{\text{цивил},1}$	1,39** (0,56) 0,28 < b < 2,50	—	—	0,62* (0,34) -0,01 < b < 1,26
$q_{\text{цивил},2}$	—	—	1,42** (0,63) 0,19 < b < 2,65	—
$q_{\text{истор},1}$	2,24*** (0,58) 1,09 < b < 3,39	1,84*** (0,35) 1,16 < b < 2,53	-2,39*** (0,66) -3,68 < b < -1,09	-1,58*** (0,34) -2,27 < b < -0,89
$q_{\text{экист},1}$	—	0,97*** (0,35) 0,29 < b < 1,65	—	—
$q_{\text{экист},2}$	—	—	0,87* (0,51) -0,13 < b < 1,87	1,08*** (0,34) 0,33 < b < 1,82
Constant	-2,31	-1,92	-1,46	-0,46
% верно предсказанных единиц	55,3	48,6	90,6	78,4
Общий % верно предсказанных	79,0	76,9	78	68,3
Число наблюдений, N	200	200	200	200

В каждом из разделов таблицы 3, соответствующих регрессорам, в первой строке находится значение оценки коэффициента при этом регрессоре, в скобках — стандартное отклонение оценки⁴; во второй строке — 95 %-ный доверительный интервал для коэффициента. В таблицу вошли оценки коэффициентов только при тех регрессорах, которые были включены в окончательные модели. Так как регрессор $q_{\text{истор},2}$ не вошел ни в одну из моделей, его нет в таблице. Для классификации наблюдений был выбран порог отсека, равный 0,5. Для первых двух моделей оказались низкими доли верно предсказанных единиц и высокими — верно предсказанных нулей. Чтобы получить более сбалансированные предсказания, можно воспользоваться ROC-кривыми для выбора значения порога отсека [23, с. 228 — 230].

⁴ Точнее, его асимптотическая оценка (см. [23, с. 193—194]).

Для каждой пары моделей проявились как сходства, так и различия между двумя регионами.

Для первой пары I и II значимыми были ответы «Государственные законы должны быть прежде всего направлены на создание сильного государства» (на уровне 5 и 10 % соответственно) и «У России великое будущее» (на уровне 1 % для обоих регионов). Однако только для Запада оказался значимым ответ «Русские входят в общеевропейскую цивилизацию», в то время как для Востока (на уровне 1 %) — «Для нашей страны наибольшую опасность представляют внешние угрозы».

Для второй пары III и IV также значимым был ответ «У России великое будущее» (на уровне 1 % для обоих регионов)⁵. Ответ «Для нашей страны наибольшую опасность представляют внутренние угрозы» был значимым на уровне 10 % для Запада и на уровне 1 % для Востока. Только для Запада был значимым ответ «Законы должны быть прежде всего направлены на обеспечение высокого качества жизни населения», для Востока ответ «Материальное положение семьи среднего или ниже среднего» был значимым⁶. Интересно отметить, что для вопроса о принадлежности России к общеевропейской цивилизации значимыми оказались различные ответы. Для Запада «Русские не входят в общеевропейскую цивилизацию», для Востока (на уровне 10 %), наоборот, — «Русские входят в общеевропейскую цивилизацию». Это связано с тем, что в силу географического положения у калининградцев сформировалось реальное представление о европейской цивилизации, в то время как у благовещенцев оно в значительной мере условное, опосредованное.

Единственный ответ, который оказался значимым для всех моделей (на уровне 1 %), был об исторической судьбе России.

В заключение были построены две объединенные модели, включающие все наблюдения — как по Западу, так и по Востоку (всего 400 наблюдений), отдельно для каждой из зависимых переменных $q_{\text{полит, 1}}$ и $q_{\text{полит, 2}}$. В модели кроме исходных десяти регрессоров (включая константу) вошли еще десять регрессоров, полученных умножением каждого из них на фиктивную переменную — $q_{\text{восток}}$ (1 — респондент с Востока, 0 — респондент с Запада). Модели подтвердили значимость и знаки всех регрессоров, полученных для отдельных моделей, с учетом принадлежности наблюдений к соответствующим регионам. Однако для регрессоров, общих для Запада и Востока, имеющих одинаковый знак, не было подтверждено, что коэффициенты различаются значимо.

Заключение

Впервые проведенный сравнительный анализ регионального сознания студенческой молодежи западных и восточных рубежей России позволил сделать вывод, что даже в функционально однородных регионах — приграничных — в этой наиболее гомогенной социальной группе выявились существенные региональные различия, что во многом связано с географическим фактором. Различия зафиксированы и в доле неопределившихся: тех, кто ушел от ответа, на восточном приграничье значительно больше. Если на Западе многие общественные явления уже осмыслены, то Восток еще находится в этом процессе. При доминировании региональных различий было обнаружено и сходство, которое заключается в состоянии социально-политического сознания студенческой молодежи. Но даже и в этом случае проявились региональные особенности: сходные оценки нынешней траектории развития России стали результатом сопряжения различных для каждого приграничья факторов.

⁵ Интересно отметить, что это был единственный ответ, имеющий отрицательные знаки перед регрессорами. Это означает, что в целом эта группа респондентов предпочла отрицание того, что «у России великое будущее», согласно с тем, что «великая Россия — это уже прошлое».

⁶ Модель IV была единственной, для которой фактор $q_{\text{экон}}$ оказался значимым.

Построенные четыре модели логистической регрессии подтвердили гипотезу, что социально-политическое сознание студенческой молодежи двух российских приграничий в значительной степени определяется базовыми формами массового сознания: экономической, правовой, исторической, цивилизационно-культурной и экзистенциальной. Каждый из регрессоров был значимым на уровне 5 % хотя бы для одной из моделей. Модели имеют достаточно хорошие предсказательные свойства. У первых трех моделей общий процент верно предсказанных наблюдений был выше 75 %, у четвертой модели он был равен 68,3 %, что приводит к выводу об эффективности моделирования в изучении регионального сознания.

При анализе данных был обнаружен «эффект асимметрии массового сознания», который заключается в том, что при альтернативных вопросах некоторые факторы для Запада и Востока меняются неодинаково. Например, ответ «У России великое будущее» не выявил значимых различий между Востоком и Западом, в то время как разница в количестве ответивших «Великая Россия — это уже прошлое» была статистически значимой. Этот эффект имеет в своей основе неопределенность, присутствующую у респондентов. Эффект асимметрии подтвержден при анализе моделей. Например, фактор $q_{\text{экон}}$ был незначимым как для Запада, так и для Востока для первой пары моделей, но значимым для Востока и незначимым для Запада при ответе на альтернативный вопрос «Не согласен или скорее не согласен, что дела в нашей стране идут в правильном направлении».

Построенные модели экспериментально подтвердили, что региональные различия присутствуют даже в случае сходства оценок и представлений о происходящих в стране общественно-политических процессах.

Список литературы

1. *Тиме Г.А.* Путешествие из Петербурга в Москву с остановкой в Берлине (Пути самоидентификации России в XX веке) // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 16—31.
2. *Волков Ю.Г., Лубский А.В.* Социология как способ самопознания общества // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 3—12.
3. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2002.
5. *Маркузе Г.* Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. М., 2011.
6. *Грушин. Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987.
7. *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.
8. *Зинченко В.П.* Сознание как продукт и дело психологии // Психологические методы и история психологии. 2006. № 1. С. 207—231.
9. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Современная социология российской молодежи: новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. М., 2017. С. 12—48.
10. *Kubátová H.* Collective memory and collective identity of hlúčín region inhabitants in the 20th century // Historická Sociologie. 2016. № 1. P. 11—32.
11. *Smoliak P., Smoliak O.* Ethnographic boundaries of western Podillya: History of formation and ethnic identity // Astra Salvensis. 2019. № 7 (13). P. 45—59.
12. *Gao Y.* Completing a new official history: significance of White-Deer Plain // Neohelicon. 2014. № 2 (41). P. 517—542.
13. *Симонян Р.Х.* От национально-государственных объединений к региональным (проблемы мезоуровня в организации общественных систем) // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 20—29.
14. *Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М.* Приграничное взаимодействие России и Евросоюза: тенденции и моделирование // Полис. 2014. № 5. С. 41—49.
15. *Prokkola E.-K.* Regional con-sciousness and the hierarchy of border crossing mobilities: Residents' perspectives in Lappeenranta and Tornio // Terra. 2019. № 2. P. 81—95.

16. Зиммель Г. Избранное : в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996.
17. Луков В.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М., 2012.
18. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // Социс. 2012. № 1. С. 37—48.
19. Слуцкий Л.Н. Определение априорного распределения в байесовском анализе при наличии исходной информации, основанное на минимизации информационной метрики // Прикладная эконометрика. 2015. № 4. С.129—141.
20. Слуцкий Л.Н. Анализ стабильности модели линейной регрессии во времени // Прикладная эконометрика. 2007. № 2 (6). С. 125—136.
21. Hastie T, Tibshirani R, Friedman J. The Elements of Statistical Learning. 2nd ed. Springer, 2017.
22. Слуцкий Л.Н. Моделирование причинных зависимостей в экономике. М., 2019.
23. Agresti A. Categorical Data Analysis. 2nd ed. Wiley & Sons, Inc. 2002.

Об авторах

Ренальд Хикарович Симонян, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России, Россия; главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, Россия.

E-mail: sim@isras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9364-4363>

Лев Наумович Слуцкий, доктор математики, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН, Россия.

E-mail: levslutskin@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3834-8291>

COMPARATIVE ANALYSIS OF STUDENTS' COLLECTIVE CONSCIOUSNESS IN THE RUSSIA-EU AND RUSSIA-CHINA BORDER REGIONS: MATHEMATICAL MODELLING

R. H. Simonyan ^{a, b}

L. N. Slutskin ^b

^a MGIMO University,
76 Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia

^b Institute of Economics Russian Academy of Sciences,
32 Nahimovskiy pr., Moscow, 117218, Russia

Received 19 January 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-3

© Simonyan R. H., Slutskin L. N., 2020

Given the unique diversity of Russian regions, regional studies are becoming particularly important for ensuring the stability and development of Russia. There is an extensive body of literature on the economic and social characteristics of Russian regions, their types and ranking whereas the study of collective consciousness requires further attention. It is the

To cite this article: Simonyan R. H., Slutskin L. N. 2020, Comparative analysis of students' collective consciousness in the Russia-EU and Russia-China border regions: mathematical modelling, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 2, p. 40–53.
doi: 10.5922/2078-8555-2020-2-3.

collective consciousness that shapes human activity, the results of which largely determine the development of countries and their regions. The authors study the spiritual sphere of regions, the inner world of people, who are human capital. This study is particularly important in relation to Russian youth, who have become one of the most active social groups. The public demand for the analysis of collective consciousness has been constantly growing. The authors argue that there are regional differences in collective consciousness, which are manifested most prominently in the comparison of eastern and western regions. The growing intensity of interaction between Europe and Asia makes the comparison of the western and eastern border regions of Russia particularly important from the geopolitical point of view. The authors employ the principles of an emerging scientific direction, border regional studies, for a comparative analysis of the collective consciousness of students from two border regions located on the Russia-European Union and Russia-China borders. The authors present the results of the survey they conducted in the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad) and Amur State University (Blagoveshchensk). They examine the sociological phenomenon of 'regional consciousness' and substantiate the criteria for selecting the objects of research. It is the first time in sociology that logistic regression models reflecting the main characteristics of regional consciousness have been built. The article aims to confirm the multiplicity of types of regional consciousness and to demonstrate that in the socially homogeneous group, Russian graduate students, there are still regional differences even in the generally similar assessments of the ongoing social processes.

Keywords:

regional studies, regional consciousness, border regions, active social groups, sociological surveys, logit models, asymmetry

References

1. Time, G.A. 2009, Travel from St. Petersburg to Moscow with a stop in Berlin (Ways of self-identification of Russia in the XX century), *Voprosy filosofii*, no. 10, p. 16–31 (In Russ.).
2. Volkov, Yu.G., Lubskey, A.V. 2018, Sociology as a way of self-knowledge of society, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, p. 3–12 (In Russ.).
3. Fromm, E. 1998, *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness], Moscow (In Russ.).
4. Ortega y Gasset, J. 1930, *The Revolt of the Masses*.
5. Marcuse, G. 2011, *Kriticheskaya teoriya obshchestva: Izbrannye raboty po filosofii i social'noj kritike* [Critical theory of society: Selected works on philosophy and social criticism], Moscow (In Russ.).
6. Grushin, B.A. 2010, *Massovoe soznanie: Opyt opredeleniya i problemy issledovaniya*. [Mass consciousness: Experience of definition and research problems], Moscow (In Russ.).
7. Simmel, G. 1996, Favourites. In 2 vols, *T.2. Sozercanie zhizni* [Vol. 2. Contemplation of life], Moscow (In Russ.).
8. Sokolov, A.V. 2002, *Obshchaya teoriya socialnoji kommunikacii* [General theory of social communication], St. Petersburg (In Russ.).
9. Zinchenko, V.P. 2006, Consciousness as a product and business of psychology, *Psichologicheskie metody i istoriya psihologii* [Psychological methods and history of psychology], no. 1, p. 207–251 (In Russ.).
10. Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. 2017, Modern sociology of Russian youth: new theoretical approaches. In: *Rossiia reformiruyushchayasya* [Russia reforming], Moscow, p. 12–48 (in Russ.).
11. Kubátová, H. 2016, Collective memory and collective identity of hlučín region inhabitants in the 20th century, *Historicka Sociologie*, no. 1, p.11–32.
12. Smoliak, P., Smoliak, O. 2019, Ethnographic boundaries of western Podillya: History of formation and ethnic identity, *Astra Salvensis*, no. 7 (13), p.45–59.
13. Gao, Y. 2014, Completing a new official history: significance of White-Deer Plain, *Neohelicon*, no. 2 (41), p.517–542.
14. Simonyan, R.H. 2005, From national-state associations to regional ones (meso-level problems in the organization of public systems), *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], no. 3, p.20–29 (In Russ.).

14. Simonyan, R.H., Kochegarova, T.M. 2014, Border interaction between Russia and the European Union: trends and modeling, *Polis*, no. 5, p.41—49 (In Russ).
15. Prokkola, E.-K. 2019, Regional con-sciousness and the hierarchy of border crossing mobilities: Residents' perspectives in Lappeenranta and Tornio, *Terra*, no. 2, p.81—95.
16. Simmel, G. 1996, Favorites. In 2 vols. *T.2. Sozertsanie zhizni* [V. 2. Contemplation of life], Moscow (In Russ.)
17. Lukov, V.A. 2012, *Teorii molodezhi: Mezhdisciplinarnyj analiz*. [Theories of youth: an Interdisciplinary analysis], Moscow (In Russ.).
18. Simonyan, R.H. 2012, Reforms of the 1990s and the modern social structure of Russian society, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, p. 37—48 (In Russ).
19. Slutskin, L.N. 2015, Determination of a priori distribution in Bayesian analysis in the presence of initial information, based on minimizing the information metric, *Applied econometrics*, no. 4, p.129—141 (In Russ.).
20. Slutskin, L.N. 2007, Stability Tests for Linear Regression Models, *Applied econometrics*, no. 2 (6), p.126—135 (In Russ.).
21. Hastie, T., Tibshirani, R., Friedman, J. 2017, *The Elements of Statistical Learning*, 2th edition, Springer.
22. Slutskin, L.N. 2019, Modeling of causal dependencies in Economics, Moscow (In Russ.).
23. Agresti, A. 2002, *Categorical Data Analysis*, 2th edition, Wiley & Sons, Inc.

The authors

Prof. Renald H. Simonyan, Senior Researcher, Center for European Studies, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia;
Senior Researcher, Institute of Economics Russian Academy of Science, Russia.

E-mail: sim@isras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9364-4363>

Prof. Lev N. Slutskin, Leading Researcher, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: levslutskin@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3834-8291>

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПРОВОДНИК ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТВИИ

Е. Е. Уразбаев^а

Э. Н. Ямалова^б

^а Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

^б Башкирский государственный университет,
450076, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32

Поступила в редакцию 21.10.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-4

© Уразбаев Е. Е., Ямалова Э. Н., 2020

Статья посвящена Народному фронту Латвии — массовому этнополитическому движению, деятельность которого обеспечила независимость современной Латвийской Республики. Цель авторов состоит в определении степени его влияния на становление этнического национализма, который, укоренившись в государственности и став основой политики идентичности, до сих пор способствует неравному положению групп в полиэтнической стране.

В статье выделяются и рассматриваются ключевые этапы развития Народного фронта Латвии, а также предпосылки его появления. Посредством контент-анализа программных документов исследуется изменение идеологических установок движения. Показывается, как изменение приоритетов в ходе борьбы за политическую и экономическую самостоятельность Латвии в 1988—1991 годах способствовало установлению недемократического политического режима. Отдельное внимание уделяется предложениям по принципам «восстановления» государственности и предоставления гражданства, решению национального вопроса. Делается акцент на обстоятельствах и причинах прекращения деятельности Народного фронта и его главных соперников, представляющих надэтническую оппозицию.

Утверждается, что Народный фронт Латвии создал условия для установления приоритета «титულიной» нации, а также исключения из политической жизни и лишения ряда прав около трети постоянного населения страны. Авторы приходят к выводу, что движение, фактически отойдя от демократических принципов в процессе трансформации, стало главным проводником институционализации этнического национализма.

Ключевые слова:

Латвийская Республика, Народный фронт Латвии, национализм, этнополитическое движение

Введение

Изучение современных стран Балтии представляет научный и практический интерес в связи с тем, что отношения с «нетитульными» этносами, проживающими на их территориях, при официальном декларировании либерально-демократических идеалов до сих пор строятся на принципах политического и социального неравенства. Особого внимания заслуживает институционализация национализма

Для цитирования: Уразбаев Е. Е., Ямалова Э. Н. Этнополитическое движение как проводник институционализации национализма в современной Латвии // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 54—69. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-4.

в Латвии, Литве и Эстонии, обеспеченная деятельностью массовых этнополитических движений, которые, заполучив власть, не только способствовали обретению странами Балтии независимости, но и заложили основы для становления политических режимов, характеризующихся экспертами как этнические демократии. По определению С. Смухи, подобные режимы отличаются формированием символов, законов и политики государств исключительно в интересах этнической нации, которая является большинством, а меньшинства при этом могут восприниматься как угроза [1]. Исследование указанной проблемы имеет значительный потенциал и может обеспечить развитие теориям национальных движений, методам исследования национализма, проблематике этнополитической мобилизации и встраивания национализма в государственную политику идентичности.

Этнополитические движения в советских прибалтийских республиках, в частности в Латвийской ССР, в первую очередь зародились благодаря одобренной «сверху» активности национальной интеллигенции, чьи идеи впоследствии распространились среди масс, а организации, получив поддержку на фоне либерализации и гласности, обрели влияние на политические процессы. Предпосылками для консолидации подобных движений стали кризисы советской системы, требования республиканских властей о расширении полномочий, рост протестных и сепаратистских настроений, дискуссии о пересмотре историй стран Балтии, появление неконтролируемых объединений по инициативе «снизу». Важным толчком как в Латвии, так и в Литве и Эстонии послужил официальный советский курс на перестройку — кардинальные реформы в целях совершенствования общественно-политического и экономического строя, провозглашаемые с 1985 года.

Приверженцами реформ стали «политические фронты» — гражданские, так называемые всенародные открытые объединения с собственными координационными органами и популярными политическими программами. Первоначально, с одной стороны, они олицетворяли оппозицию «старому коммунизму», борьбу против недостатков и проблем советской системы, с другой — выступали союзниками центральной власти во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым и помогали контролировать социальные настроения, а также деятельность различных группировок и коллективов. «Народным фронтам» стран Балтии удалось мобилизовать общества, но конечной их целью стало отнюдь не реформирование СССР.

Различные аспекты становления массовых этнополитических движений в Латвии, Литве, Эстонии и формирования этноцентричных режимов в указанных странах рассмотрены и изучены в научных работах ряда авторов. Наиболее значимые для данной статьи современные публикации логично разделить на две группы. В первую входят работы, которые затрагивают вопросы возникновения, развития и деятельности этнополитических движений в странах Балтии, а также посвящены обстоятельствам их выхода из состава СССР. К ним относятся публикации В.И. Гущина [2], Р. Карклинса и Б. Зепы [3], С.М. Кинки [4], М. Лазды [5], А.К. Потапова [6], Р.Х. Симоняна [7], Ю.С. Ульяновой [8], Д. Эглитис [9] и т.д. Во вторую группу входят работы, в которых изучены особенности этнонациональной политики и проявления этнического национализма в странах Балтии с момента распада СССР. В их число входят труды Т. Агарина [10], В.В. Воротникова [11], М. Дакин [12], А.Р. Дюкова и В.В. Симиндея [13], В.И. Мусаева [14], В.А. Смирнова [15], А.Н. Сытина [16], А. Ческина [17]. Нельзя не отметить одну из наиболее заметных работ по этнополитическим проблемам Латвии, Литвы и Эстонии «Этническая политика в странах Балтии» [18].

Анализ научных работ позволяет сделать вывод, что при всем их множестве зачастую исследователи не останавливаются подробно на проблеме прямой зависимости политического развития Латвии, Литвы и Эстонии от трансформации этнополитических движений, обеспечивших им независимость.

Цель статьи — определить степень влияния движения на становление этнического национализма в современной Латвии. Для этого авторы решают следующие задачи: рассмотреть ключевые этапы развития массового этнополитического движения в Латвии после 1985 года; определить и сравнить его идеологические установки; охарактеризовать процесс трансформации и обозначить его роль в установлении этноцентричного политического режима.

Методология исследования

Авторы основываются на том, что национализм предстает политической идеологией и практикой, которые устремлены к установлению приоритета нации и формированию специфичной идентичности, выраженной в осмыслении и ощущении индивидами принадлежности к ней. При этом этнический национализм подразумевает доминирование определенной этнической группы, якобы обладающей первичным правом на государственность и территорию, над другими в политической и других сферах общественной жизни.

Изучение институционализации национализма в предлагаемом статье аспекте должно быть в первую очередь основано на теоретических принципах конструктивизма. Данный подход предполагает, что этничность, построенная на представлениях или вере в общую культуру и историю, выступает формой социального конструирования культурных различий и допускает воздействие политических акторов на процесс формирования наций и развитие национализма.

Аналитическую и информационную базу исследования составили научные работы по избранной теме, программные документы, материалы средств массовой информации. Для анализа идеологических установок этнополитического движения Латвии использовался метод сопоставительного качественного контент-анализа. Также при изучении развития и проявлений латышского национализма в работе применялся исторический метод.

Народный фронт Латвии на пути к реформам

Официальное появление «народных фронтов» в Латвии, Литве и Эстонии приходится на 1988 год, однако идеи об их создании обсуждались при участии представителей ЦК КПСС в течение нескольких лет после объявления союзным руководством реформ. Латвийские инициаторы объединения в массовое движение заявили о себе в июне 1988 года в ходе расширенного пленума творческих союзов, который был организован в Риге председателем Союза советских писателей Латвийской ССР, членом ЦК Коммунистической партии Латвии Я. Петерсом. Участие в мероприятии преимущественно принимали представители партийного руководства республики и интеллигенции, ставшей впоследствии основой Народного фронта Латвии (НФЛ) и воодушевленной выступлениями против советской власти [6, с. 38]. Так мероприятие деятелей искусства фактически стало площадкой для политических дискуссий о статусе латышского языка, демографической ситуации и миграции, легитимности вступления Латвии в состав СССР. При этом на пленуме главенствовала идея о необходимости массовой сопричастности перестройке «снизу» в целях обеспечения необратимости реформ. После его проведения сторонники НФЛ, к которым относились довольно разнородные группы поддержки, присоединились к оппозиционным публичным мероприятиям. В их повестках главным постепенно становился вопрос о самостоятельности республики. «Символическое восстановление нации было центральным элементом во время начального периода деятельности оппозиции. Хотя открытые политические требования все еще были рискованными и лишь немногие в оппозиции были готовы требовать полную наци-

ональную независимость, символические требования, связанные с охраной окружающей среды, или действия, обозначающие сталинскую массовую депортацию прибалтов, были важны потому, что они обнажили проблемы, которые, по общему мнению, являлись симптомами более крупной проблемы. Эта проблема — сам советский режим», — пишет исследователь Д. Эглитис, говоря об общественной активности в Латвии с 1986 года до решения о создании консолидировавшего оппозицию Народного фронта [9, р. 37].

Учредительный конгресс НФЛ прошел 8—9 октября 1988 года и собрал 1100 делегатов, представляющих, по разным оценкам, до 110 тыс. человек. Первым фактором такой популярности «фронт»», несомненно, является рост оппозиционных настроений и усиление антикоммунистической солидарности [3, р. 335], вторым — поддержка массовых народных движений, которые должны были стать «двигателями» перестройки, М.С. Горбачевым и его окружением. По заявлениям оппонентов НФЛ, с 1988 года консультированием представителей творческой интеллигенции и других групп перед учреждением организации занимались идеологи из ЦК КПСС, деятельность инициаторов негласно обеспечивалась органами государственной безопасности, им предоставили полный доступ в республиканские СМИ, а в первичные партийные организации направлялись директивы о формировании групп НФЛ¹. Можно допустить, что союзное руководство, действительно, рассчитывало с помощью «фронт» ограничить влияние консервативной КПСС. Д.А. Лукашевич связывает активность движений с планами М.С. Горбачева и его сторонников по введению в СССР многопартийности. «М.С. Горбачев понимал, что КПСС уже перестает быть инструментом, с помощью которого он до этого проводил перестройку, теперь партия превращается в тормоз перестройки, угрожая политической целостности генсека, а значит, эту партию надо “обуздать”, а самому получить гарантию “необратимости перестройки”, заняв пост президента СССР», — отмечает исследователь [19, с. 48].

По итогам первого конгресса был избран состав руководящего органа Народного фронта — думы — из 100 человек и председатель, которым стал журналист Д. Иванс, были приняты устав политического движения [20, л. 200—207], программа [20, л. 207—224] и резолюции². Отметим, что основным информационным ресурсом НФЛ стала выходившая на латышском и русском языках газета *Atmoda*, название которой в переводе означает «пробуждение» и отсылает к пробуждению национального самосознания. Так же называют сам Народный фронт и этап прибалтийской «Поющей революции» в Латвии.

Главной целью НФЛ заявлялось «создание подлинного народовластия и демократического правового государства, расцвет экономики и культуры, урегулирование национальных проблем» [20, л. 200]. В соответствии с этим первая редакция программы НФЛ была посвящена вопросам роли и принципов общественно-политической организации, демократизации и подлинному народовластью, правам человека, национальным отношениям, культуре, этике, образованию и науке, социальной справедливости и гуманизации, экономике, экологии, здравоохранению и спорту. В наиболее радикальных пунктах документа озвучивалась борьба со сталинизмом, административно-бюрократической системой неосталинизма, централизацией. Предлагалось предоставить Латвийской Республике право вето по всем решениям, которые касаются ее интересов, и право самостоятельно вступать в отношения с международными организациями, исходя из этого поднималось требование о необходимости суверенитета. Как подчеркивалось в программе, «граждане

¹ «Ни слова о русских оккупантах». Депутат Верховного Совета Латвии Виктор Алкснис о крахе СССР // Лента.Ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/02/25/alksnis1> (дата обращения: 13.09.2019).

² *Latvijas Tautas frontes dibināšanas kongress*. 1988. g. 8., 9. oktobris. Rezolūcijas // *Padomju Jaunatne*. 1988. g. 19. oktobrī.

Латвии должны быть хозяевами на своей земле и самостоятельно решать все вопросы» [20, л. 209]. Также было заявлено о необходимости создания независимого конституционного суда, обеспечения контроля, в том числе силами республиканской прокуратуры, разделения властей в республике, разграничения функций государства и партии. Этими положениями оспаривалась ведущая роль и политическая монополия КПСС, однако о необходимости конфронтации с правящей партией открыто не заявлялось, как и не говорилось о возможности выхода Латвии из состава СССР. Более того, все идеи и планы НФЛ декларировались как соответствующие установкам ленинизма, советской перестройки, принципам демократического социализма и гуманизма, а в итоговых резолюциях провозглашалась «смелая и неуклонная» поддержка курса КПСС на обновление.

Согласно программе, Народный фронт предложил реформировать законодательство о гражданстве, остановить иммиграцию и провести ревизию этнонациональной политики. НФЛ, призывающий к поиску объективной трактовки истории Латвии, там же потребовал признать, что включение республики в состав СССР было проведено с применением силы, а советская политика «национального нигилизма» стала причиной деформации и обострения национальных отношений, что вместе с миграцией якобы привело к потерям для латышей и других этносов. Как утверждалось в программе, «неконтролируемая миграция привела к тому, что латвийский народ впервые за всю свою историю становится на своей территории национальным меньшинством, его дальнейшее существование и государственность находятся под угрозой» [20, л. 213]. НФЛ был против выдворения «некоренных» жителей, но позиционировал приезжих из других советских республик как «жертв сталинской национальной политики», которым в случае добровольного желания латвийские власти должны были помочь вернуться на родину. Также Народный фронт осудил «механическое объединение национальностей», в первую очередь в школах и детских садах.

НФЛ озвучил требование закрепить латышский язык на официальном государственном уровне и поднял проблему представительства «титულიной» нации в советах республики, предлагая в качестве «гарантии самоопределения» обеспечить ей квоты при формировании составов законодательных и представительных органов власти. «НФЛ исходит из того, что латышский народ имеет в республике статус коренной нации, ибо Латвия является исторической территорией латышей, единственным местом в мире, где могут сохраняться и развиваться латышская нация, латышский язык и латышская культура» [20, л. 213], — пояснялось в программе. Вместе с этим поддерживались права на образовательную и культурную автономию любого национального меньшинства, что прежде всего должно было обеспечить лояльность со стороны русскоязычного населения и привлечь новых сторонников «фронта». «Нетитульные» этносы на тот момент составляли около половины населения республики. «НФЛ принимает активное участие в защите этнических интересов всех национальностей, проживающих в Латвии, их языка, культуры, образования и религиозного сознания и категорически отвергает разжигание национальной розни, “кормление и унижение национального достоинства любого жителя Латвийской ССР. Защита родного языка и родной культуры должна стать долгом каждого гражданина республики, независимо от его национальной принадлежности» [20, л. 213], — декларировалось в программе.

Таким образом, главными требованиями сторонников реформирования советской системы стали суверенитет и широкая республиканская автономия в рамках федеративной структуры. Будущее Латвии с точки зрения межнациональных отношений виделось в построении единого, полиэтнического государства при учете интересов большинства. Тем не менее фактически уже на этапе создания НФЛ была заложена основа для этнополитической мобилизации латышей путем апелляции к их «коренному» происхождению и «ущемленному» положению в годы советской власти.

Становление этнополитического движения

НФЛ сразу получил поддержку в рядах республиканского руководства, в то же время союзный центр терял идеологический и кадровый контроль над элитами Латвии. Идеи Народного фронта оказались близки части коммунистической номенклатуры — так называемым национальным кадрам. Более того, как полагает А.Н. Сытин, представители хозяйственного и партийного руководства прибалтийских республик в основном потворствовали «народным фронтам», пытаясь встроиться в популярные движения ради сохранения собственных позиций [16]. При этом противники движения из числа партийно-государственного аппарата обвинялись в получении выгоды из застоя и в создании провокационной атмосферы.

Одним из наиболее влиятельных сторонников НФЛ стал секретарь ЦК Коммунистической партии Латвии по вопросам идеологии А.В. Горбунов, избранный 6 октября 1988 года председателем президиума Верховного Совета Латвийской ССР. В этот же день он подписал постановление высшего органа государственной власти «О статусе латышского языка»³, по которому латышский признавался государственным языком на территории республики, а органам исполнительной власти поручалось проработать меры по его закреплению в Конституции, изучению в образовательных учреждениях всех уровней, использованию в официальной сфере. Постановление обосновывалось соответствием принципам ленинской национальной политики, резолюциям XIX Всесоюзной конференции КПСС, а также утверждением, что в Латвии ранее не уделялось достаточного внимания защите национальных ценностей, в том числе латышского языка. Русскому языку, согласно документу, была оставлена роль языка федеральных отношений, сохранялось право на его использование гражданами в общении и при обращении в органы государственной власти. Тем не менее первый шаг по установлению приоритета латышского языка расценивается как элемент институционализации этнического национализма в практическом аспекте [21].

Непосредственное представительство в органах власти НФЛ приобрел после своего первого электорального успеха, который пришелся на март — апрель 1989 года. Тогда по итогам выборов народных депутатов СССР в высший орган власти Союза попали 30 представителей Латвийского народного фронта, заявившего о стремлении к обновлению всего государства, политическому и экономическому суверенитету республики. Избиратели Латвии выбирали депутатов по 40 национально-территориальным и территориальным округам. Всего по 5 мандатов удалось получить Коммунистической партии Латвии и Интернациональному фронту трудящихся (Интерфронт). Важно подчеркнуть, что преимущество НФЛ было отчасти обеспечено за счет формирования границ избирательных округов, повлекшего непропорциональное представительство городского и сельского населения, «титულიной» нации и меньшинств [12, р. 17—18].

Весной-летом 1989 года НФЛ при подготовке ко второму конгрессу радикально пересмотрел свои предложения по дальнейшему общественно-политическому развитию Латвии. Тридцать первого мая правление думы опубликовало призыв к членам Народного фронта, в котором утверждалось о невозможности получения республикой суверенитета при нахождении в составе СССР и обосновывалось стремление к обретению политической и экономической независимости путем парламентской борьбы и преобразования структуры государственной власти. В первую очередь руководство НФЛ видело необходимость в изменении Конституции с целью отменить на территории Латвии главенство законов СССР, а также в приня-

³ *Latvijas PSR Augstākās padomes lēmums par latviešu valodas statusu*, URL: <http://www.vvk.lv/index.php?sadala=135&id=167> (дата обращения: 13.09.2019).

тии Верховным Советом Латвийской ССР декларации о суверенитете и законодательства об экономической самостоятельности. Призыв Народного фронта, скорее, следует связывать с окончательным разочарованием в перестройке [22, л. 5], однако последовательность дальнейших решений НФЛ дает основания предлагать о предварительной проработке сценария выхода из состава СССР его руководством.

Пятнадцатого июля 1989 года была принята «Идеологическая платформа НФЛ для консолидации латвийского населения разных национальностей...» [20, л. 261 — 262], в которой главной целью движения провозглашалось обретение демократической Латвией независимости. Основой суверенитета была названа латышская нация. Примечательно, что в документе при признании всех прав и свобод жителей республики, несмотря на их социальное положение, национальное происхождение или религиозные убеждения, предлагалось предоставлять гражданам только лицам, разделяющим идею о независимости и прожившим на территории Латвии не менее 10 лет до момента регистрации. С одной стороны, эта мера должна была остановить иммиграционный поток, но с другой — ее главным последствием стало бы ограничение в правах большей части русскоязычного населения, не желавшего покидать республику. Идея о введении ценза оседлости оказалась настолько спорной, что Народный фронт к осени 1989 года перестал настаивать на немедленном принятии нового законодательства о гражданстве [2, с. 19].

Однако в соответствии с призывом НФЛ созданию дополнительных условий для выхода из состава СССР способствовали другие нормативно-правовые акты, принятые Верховным Советом республики в 1989 года, включая декларацию «О государственном суверенитете Латвии»⁴. Документом провозглашалось, что Латвия должна стать преемницей независимой демократической республики, государственность которой строилась в 1917—1920 годы и суверенитет которой был утрачен в результате «криминальной внешней политики Сталина». Определился путь именно на «восстановление» государственности, как утверждалось, созданной во исполнение права латышского народа, сохранившего уникальность, язык и культуру, на своеобразное развитие и национальное самоопределение. Такой подход идеологически обосновывал новый курс [23]. Хотя в декларации и отмечалось, что самостоятельность народа Латвии гарантирует процветание латышской нации и всех остальных проживающих в ней этнических групп, она дала толчок официальному противодействию советскому наследию, выраженному в изменении интерпретации исторического прошлого. Это впоследствии напрямую коснулось этнонациональной политики, так как дальнейшее формирование оккупационной доктрины способствовало не только противоречиям, но и стало поводом для проведения дискриминационной политики в отношении национальных меньшинств. Следует также согласиться с позицией В.В. Воротникова, который отмечает, что миф об оккупации также способствовал конструированию образа извечного внешнеполитического врага в лице России, якобы проводящей имперскую и агрессивную политику в отношении малых народов, и оправданию курса на «возвращение в Европу» [11].

В октябре 1989 года состоялся второй конгресс НФЛ, в ходе которого движение окончательно отказалось от перестройки в пользу «национально-демократической революции» [8, с. 141]. К тому моменту Народный фронт объединял около 210 тыс. человек, представленных на конгрессе 1061 делегатом, абсолютное большинство которых составляли этнические латыши. По итогам мероприятия Д. Иванс сохранил за собой пост председателя НФЛ, был переизбран состав думы, а путь к «восстановлению» государственной независимости и устройству демократической парламентской республики с рыночной экономикой потребовал внесения изменений в основные документы организации.

⁴ *Latvijas PSR Augstākās padomes deklarācija par Latvijas valsts suverenitāti*. URL: http://www.saeima.lv/4maijs/docs/d_28julijs.htm (дата обращения: 15.09.2019).

Во второй редакции программы НФЛ появились разделы, посвященные политической системе и независимости Латвии, а также свободе совести и религии, экологии и демилитаризации⁵. Значимыми в документе стали положение, открыто отрицающее монопольное право КПСС на власть, диктат ее идеологии в общественной жизни, и инициатива Народного фронта по участию в предстоящих выборах в Верховный Совет Латвийской ССР в качестве самостоятельной политической силы.

В части решения национального вопроса НФЛ во второй редакции программы отстаивал права и свободы всех людей, независимо от их происхождения, принадлежности к социальным группам, убеждений и рода занятий. Народный фронт выступил за интеграцию в рамках исторически сложившейся многонациональной структуры общества, удовлетворение культурных потребностей всех этносов, отторжение образа врага в идеологии национальных отношений и высокомерия одной нации по отношению к другим, а также против шовинизма, антисемитизма, русофобии, национального протекционизма, нигилизма, имперского мышления. Согласно позиции, озвученной на конгрессе, независимость достигалась только путем демократизации [24, л. 116].

Немаловажными стали резолюции, принятые НФЛ по итогам второго конгресса. В контексте государственного строительства в них содержался призыв к властям республики признать нелегитимной декларацию о вступлении Латвии в СССР в 1940 году и факт аннексии республики. До этого момента, а также до разработки основы правового статуса «постоянного жителя Латвии» предлагалось не решать вопрос о предоставлении латвийского гражданства, что было «несовместимо с потерей статуса гражданина Латвийской Республики и должно происходить только во взаимосвязи с восстановлением государственной независимости»⁶. Позиция Народного фронта по вопросу гражданства не была однозначной, так как в его обновленной программе отсутствовали пункты о необходимости создания каких-либо условий для натурализации постоянных жителей страны. Согласно пункту 2.5, оно было обещано всем, кто «декларирует обрести гражданство Латвии и однозначно связывает свою судьбу с латвийским государством»⁷. Таким образом Народный фронт Латвии до выхода республики из состава СССР стремился поддерживать ожидания о демократической инклюзивности у русскоязычных и об этнической демократии у латышей [25, р. 18].

Отметим, что инклюзивные программные установки, заявленные движением, либо политические призывы его членов в 1988—1989 годах, дают основания некоторым западным исследователям относить его к гражданским и «трансэтническим», «транснациональным» объединениям. Такую точку зрения высказывает историк М. Лазда, предпринявшая попытку пересмотреть этнонационалистическую интерпретацию деятельности НФЛ [5]. Опираясь на публикации газеты *Atmoda*, состав Народного фронта, его международные взаимодействия, автор делает вывод, что движение было открыто для всех этнических групп, поддерживало создание ассоциации национальных и культурных автономий. М. Лазда считает, что «фронт» увязывал национализм «титულიной» нации с идеями интеграции, дистанцируясь при этом от политики советского интернационализма. Однако она признает, что гражданское и языковое законодательство, принятое впоследствии по инициативе Народного фронта, в том числе ради закрепления независимости Латвии, указывает на отступление от демократических идеалов. Более того, как отмечают другие иностранные исследователи, предпринятые меры были явными попытками содействовать эмиграции нелатышского населения [12, р. 34]. На наш взгляд, необходи-

⁵ *Latvijas Tautas frontes 2. kongress. Programma, Statūti, Rezolūcijas*. URL: <https://web.archive.org/web/20160120180136/http://www.tuvari.com/uploads/ltfii.pdf> (дата обращения: 15.09.2019).

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

мо учитывать трансформацию НФЛ. Так, уже к моменту подготовки к выборам в Верховный Совет Латвийской ССР⁸, которые состоялись в марте — апреле 1990 года, НФЛ из института гражданского общества [26, р. 113—114] превратился в сепаратистское этнополитическое движение, пользующееся поддержкой большей части населения республики и оказывающее значительное влияние на политические процессы в ней. Демократические установки в программе и заявлениях «фронта», действительно, все еще оставались в приоритете, но планы по их реализации утратили первенство.

Поворот к этнократии

После парламентских выборов коалиция во главе с НФЛ получила 131 мандат из 201 — антисистемная оппозиция стала правящей силой. Пост председателя Верховного Совета сохранил сторонник движения А. Горбунов. Д. Иванс стал вице-спикером парламента, а его заместитель на посту председателя «народного фронта» И. Годманис возглавил Совет министров республики. Часть ключевых позиций в правительстве также досталась членам НФЛ.

Четвертого мая 1990 года Верховный Совет Латвийской ССР принял декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики»⁹. Документ был подготовлен НФЛ, за него проголосовало 138 депутатов, в основном представляющих «коренное» население, 1 — воздержался, а еще 57 депутатов отказались от участия в голосовании. Декларация провозгласила военным преступлением «агрессию» СССР в 1940 году, нелегитимность и антиконституционность советской власти и «восстановление» суверенитета Латвии, а также действия четырех статей Конституции республики, принятой в 1922 году, о независимости, власти, принадлежащей народу, территориальных границах, избрании Сейма. С указанного момента в стране наступил переходный период к фактической независимости. Для НФЛ путь к этому был осложнен нарастающим недовольством «нетитульных» этнических групп, отказом союзного центра поддерживать декларацию, принятую Верховным Советом республики, активизацией новой оппозиции, в том числе фракции «Равноправие» в парламенте, юридическими противоречиями, поскольку государству, несмотря на объявленный суверенитет, пришлось одновременно жить как по досоветским и советским законам, так и в соответствии с международными нормами, что формально было гарантировано гражданам при реализации экономических, культурных, социальных и политических прав. До сих пор с юридической точки зрения дискуссионным остается вопрос о компетенции Верховного Совета Латвийской ССР «восстанавливать» законы, включая устаревший основной закон государства, который был сразу отправлен на проработку в новой редакции. Однако стоит отметить, что республиканская Конституция в первую очередь была «возрождена» в символических целях, что подкрепляло официальную оккупационную доктрину.

Идеологические установки переходного периода были утверждены в ходе третьего конгресса НФЛ 6—7 октября 1990 года. На нем сменился председатель движения, которым был избран медик литовского происхождения Р. Ражукас, обсуждался вопрос подготовки новых лидеров «фронта» и «второго эшелона», призванного заменить ушедший в органы власти «первый». Перед ним, в свою очередь, была поставлена задача проработать план развития республики.

⁸ Из-за изменений в Конституции Латвийской ССР в январе 1990 года Коммунистическая партия лишилась особого статуса, а у граждан появилось право создавать независимые политические партии.

⁹ *Latvijas PSR Augstākās padomes deklarācija par Latvijas Republikas neatkarības atjaunošanu*. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=75539&mode=DOC> (дата обращения: 20.09.2019).

Значимым изменением стали принципиально новые акценты в программе¹⁰ — радикализация и открытая ориентация НФЛ на этнический национализм. За основу был принят курс на строительство не только демократической, но и «латышской Латвии», что подразумевало понимание нации исключительно в примордиальном аспекте и огосударствление национализма, который окончательно закрепил за собой роль главной идейной основы для солидарности и формирования идентичности [27, с. 92]. Согласно обновленной программе НФЛ, межнациональные отношения должны были соответствовать реализации права латышей на самоопределение. «НФЛ будет бороться за восстановление латышской нации в интересах ее возрождения и благополучия всех жителей Латвии... Латвийское государство особенно поддерживает экономическое и культурное развитие коренных народов Латвии — латышей и ливов — и способствует ему [24, л. 210]», — провозглашалось в документе. Отметим, что упоминание малочисленной ливской народности скорее несло символический смысл. При этом понятия «национальный» и «латышский» предлагалось уравнивать. «Фронт» же стал позиционироваться как главная организация, защищающая латышский народ, его существование и выживание [24, л. 206]. «НФЛ будет бороться за восстановление латышской нации в интересах ее возрождения и благополучия всех жителей Латвии», — провозглашалось программой.

Примечательно и то, что по итогам третьего конгресса НФЛ потребовал признать гражданство Латвии исключительно за лицами, которые являлись гражданами республики по состоянию на 17 июня 1940 года, а также их родственниками по прямой нисходящей линии. Этого добивались и объявленные председателем союзниками Народного фронта «комитеты граждан» и Движение за национальную независимость, с которыми ранее НФЛ публично не соглашался.

Неприятие новой оппозицией союзным центром, КПСС и, соответственно, Коммунистической партией Латвии планов и политических решений под эгидой НФЛ привело к двоевластию и обострению конфликтной ситуации. Фактически Латвия обрела независимость только в 1991 году: 21 августа республиканский Верховный Совет принял конституционный закон «О государственном статусе Латвийской Республики»¹¹, ознаменовавший окончание переходного периода и возложивший на него всю полноту высшей власти до созыва Сейма; 24 августа указ «О признании государственной независимости Латвийской Республики» подписал президент РСФСР; 6 сентября ее признал Государственный Совет СССР.

Независимость Латвии усугубила неблагоприятные условия как для сторонников сохранения страны в составе СССР, так и для представителей «нетитульных» этносов, в лояльности которых сомневалась республиканская власть. Пятнадцатого октября 1991 года Верховный Совет, отказавшись от автоматического предоставления гражданства всем жителям республики, принял постановление «О восстановлении прав гражданства и основных условиях натурализации». Несмотря на то, что нормативная база по гражданству была разработана более чем через 3 года, сразу же после обретения независимости власти «демократической» Латвии в соответствии планам НФЛ и призывам националистов указанным решением поспособствовали лишению ряда прав около трети населения страны, преимущественно русских и русскоязычных жителей, переселившихся в республику с 1940 года, и их потомков [18, с. 72]. Таким образом, лишь 64 % населения смогли принимать участие в выборах и отстаивать свои интересы в политической сфере [28]. Эта проблема до сих пор не позволяет государству выйти на удовлетворительный уровень демократического развития [29].

¹⁰ *Latvijas Tautas fronte. III kongress. Programma. Statuti. Rezolucijas.* LTF. Rīga, 1990.

¹¹ *Latvijas Republikas konstitucionālais likums par Latvijas Republikas valstisko statusu.* URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 23.09.2019).

Отметим, что русскоязычное население в период выхода Латвии из СССР было разобщено и идеологически дезориентировано. Его часть изначально поддерживала коммунистическую власть, часть — реформы, Народный фронт и независимость республики, доверившись новой власти, которая не спешила афишировать планы по лишению прав «некоренных» граждан, но неразрывно ассоциировала их с наследием «советской оккупации» [14]. На пике позитивное либо нейтральное отношение к деятельности НФЛ было у более чем половины русскоязычного населения, что обеспечило относительно мирный путь Латвии к независимости [15]. Тем не менее антисистемная и надэтническая оппозиция появилась именно в ответ на формирование недостаточно инклюзивной политической системы [30] в попытках политической самоорганизации будущих «неграждан». Это наглядно свидетельствует о том, что Народный фронт не обеспечил реальную демократизацию, уничтожив советский авторитаризм, как считает ряд исследователей [4, с. 127].

Как указывалось выше, противодействие выходу из Советского Союза с октября 1988 года оказывал Интерфронт, некоторые участники которого после выборов в 1990 году входили в партию «Равноправие». Это общественно-политическое движение было основано этнически русскими коммунистами [16] после первых радикальных призывов представителей НФЛ в отношении национальных меньшинств и, по собственной оценке, насчитывало до 300 тыс. сторонников. Интерфронт Латвии, будучи не в силах блокировать решения НФЛ в Верховном Совете республики, приступил к массовым акциям, поднимая вопросы о государственном языке и правах «нетитульного» населения. Движение даже выходило с инициативой ввести чрезвычайное положение с прямым управлением из Москвы. Однако результатов это не принесло, и после признания независимости Латвии руководством СССР Интерфронт был запрещен вместе с Коммунистической партией. Их членам до сих пор официально отказывают в предоставлении латвийского гражданства, если они «действовали против республики» после 13 января 1991 года.

По итогам выборов в Сейм Латвии в июне 1993 года, на которых уже не могло проголосовать около 716 тыс. избирателей, из 100 мандатов 88 досталось этническим латышам. Для сравнения: в Верховном Совете «титульную» нацию представляли 139 человек из 201 члена парламента. При этом НФЛ, набрав по итогам голосования чуть более 2,6 % при 4 %-ном барьере, не попал в Сейм. Через 6 лет, после неудачных попыток стать политической партией Народный фронт принял решение о самоликвидации. Причин провала НФЛ на выборах 1993 года можно выделить несколько: отсутствие новых идей и конкретных программ, лишенных присущего движению популизма, когда суверенитет именовался «благодатью» и якобы должен был обеспечить решение всех проблем; внутренние противоречия и активизация новых партий, в ряды которых вступила часть членов «народного фронта»; нехватка навыков политического управления у лидеров организации; падение уровня популярности НФЛ среди населения и рост недоверия к движению со стороны «нетитульных» этносов; ликвидация ряда первичных отделений из-за утраты влияния Компартии и профсоюзов, изначально контролирующих процесс создания групп поддержки.

Победителем выборов в Сейм стала созданная в 1993 году правая партия «Латвийский путь», получившая 32,4 % голосов. Одним из ее основателей был сторонник НФЛ А. Горбунов, который в очередной раз возглавил парламент. Отметим, что второе место с результатом в 13,3 % получило преобразованное в партию «Движение за национальную независимость». Помимо ставших популярными националистических и правых партий в Сейме Латвии находилась партия «Равенство», которой досталось всего 7 мандатов. Она была создана на базе фракции «Равноправие», ранее имевшей в Верховном Совете 57 депутатов и представляющей интересы русскоязычного населения, бывших коммунистов и сторонников сохранения СССР.

Массовая антисистемная надэтническая оппозиция в Латвии прекратила деятельность по нескольким причинам: нелегальный статус ведущих организаций; отсутствие четкой программы и деморализация ее сторонников после распада СССР;

относительно низкий уровень межнациональной напряженности, в том числе из-за частичной поддержки русскоязычным населением независимости, возможности натурализации и отсутствия барьеров на бытовом уровне для части меньшинств. В условиях этнонациональной политики, направленной на создание привилегированного положения для «титულიной» нации, перед русскоязычным населением, не получившим гражданства, был поставлен выбор: ассимилироваться либо оставаться исключенными из политического процесса. С середины 1990-х годов численность «неграждан» сократилась более чем на 500 тыс. человек, и к 1 июля 2019 года они составили около 10,5% от всего населения¹².

Немногочисленные «русские» партии и иные организации пытались изменить сложившуюся ситуацию, защищая интересы и права общины, но, как правило, они встречали противодействие со стороны властей, а также не заручались ощутимой электоральной поддержкой. Остальные политические силы приняли «правила игры», установленные в свое время при помощи НФЛ, поэтому надэтнические по своим программам оппозиционные партии, выступающие за формирование гражданской нации, сложно отнести к антисистемным. Отметим, что, несмотря на фрагментированный и противоречивый характер идентичности русскоязычного общества, что выражено в недостаточной политической и территориальной консолидации на фоне единения вокруг культурных предпочтений [17], за годы независимости Латвии у него сложилась ориентация на партии преимущественно с левыми, социал-демократическими программами¹³.

Не ставя под сомнение реальные достижения в области демократического строительства в посткоммунистический период, нельзя не отметить, что случай современной Латвии из-за вопроса «неграждан» с точки зрения уровня развития демократии оценивается как наиболее проблемный среди стран Балтии. После объявления независимости ситуация менялась за счет сокращения доли дискриминируемого населения республики, но происходило это не путем интеграции «нетитульных» этносов, а путем ассимиляции либо миграции. На этом фоне этнический национализм остается политической программой элит и обеспечивает доступ к власти, ее ресурсам и ее удержание. Он стал идеологической основой конструирования нации и объединяет «титულიное» население. Сложившуюся ситуацию кардинально менять не намерены ни элиты, ни рядовые граждане-представители этнического большинства, поэтому в обозримый период изменение модели этнической демократии в сторону более совершенной не предполагается.

Заключение

В условиях объявленной руководством СССР политики перестройки на рубеже 1980—1990-х годов НФЛ как созданное для поддержки реформ общественно-политическое движение повел Латвию по пути к независимости. Народный фронт за короткое время трансформировался из позднесоветского института гражданского общества в сепаратистское этнополитическое движение, а затем стал ведущей политической силой. Не получив значительного сопротивления со стороны коммунистов и центральных органов власти, он инициировал «восстановление» суверенитета Латвии, что, в свою очередь, привело к размежеванию населения по линии этнического происхождения.

В ходе смены идеологических установок НФЛ, изначально рассчитывающий на поддержку в том числе национальных меньшинств, отошел от идеи соблюдения де-

¹² *Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde. Latvijas iedzīvotāju skaits pašvaldībās.* URL: https://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/ISPV_Pasvaldibas_iedzivotaju_skaits01072019.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

¹³ Ярким примером на сегодняшний день выступает оппозиционная партия «Согласие», занимающая первое место на парламентских выборах с 2011 года.

мократических прав и защиты интересов всех жителей республики. Он обеспечил этнополитическую мобилизацию латышей и заложил основу для исключения из политического процесса почти всех переселившихся в Латвию после ее вхождения в СССР русскоязычных граждан и их потомков.

Достигнув главной цели — государственной независимости, НФЛ не смог продолжать политическую деятельность и существовать в той системе, которую он же и создал. При этом сформированное НФЛ отношение к меньшинствам, подвергшимся впоследствии политической, социальной, экономической и культурной дискриминации, наряду с установлением приоритета «титულной» нации способствовало институционализации этнического национализма на официальном уровне и созданию специфичного политического режима, о демократическом направлении которого не позволяют судить как минимум ликвидация национального равноправия и отказ от всеобщего избирательного права.

Список литературы

1. *Smooha S.* The Model of Ethnic Democracy: Israel as a Jewish and Democratic State // *Nations and Nationalism*. 2002. № 8 (4). P. 475—503.
2. *Гущин В.И.* Постсоветская Латвия — обманутая страна. Почему НФЛ не привел к демократии? Рига, 2013.
3. *Karklins R., Zepa B.* Political participation in Latvia 1987—2001 // *Journal of Baltic Studies*. 2001. Vol. 32, № 4. P. 334—346.
4. *Кинка С.М.* Политический успех прибалтийских народных фронтов по результатам выборов 1989—1990 годов // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2013. № 6. С. 124—128.
5. *Lazda M.* Reconsidering Nationalism: The Baltic Case of Latvia in 1989 // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2009. Vol. 22, № 4. P. 517—536.
6. *Потапов А.К.* Политические изменения в республиках Прибалтики в 1985—1991 гг. как следствие влияния синергетических процессов // *Омский научный вестник*. 2013. № 5. С. 37—39.
7. *Симонян Р.Х.* Прибалтика в контексте распада СССР // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3. С. 98—108.
8. *Ульянова Ю.С.* Постсоветские «народные фронты» // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2009. № 1. С. 139—142.
9. *Eglitis D.S.* *Imagining the Nation: History, Modernity, and Revolution in Latvia*. University Park, Pennsylvania State University Press, 2002.
10. *Agarin T.* Extending the concept of ethnocracy: Exploring the debate in the Baltic context // *Cosmopolitan Civil Societies Journal*. 2016. Vol. 8, № 3. P. 81—99.
11. *Воротников В.В.* Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. № 6 (33). С. 25—33.
12. *Dakin M.I.* *Nationalism and Democratization: The Case of Ethnic Russians in Newly Independent Latvia*. Washington, DC, 1992.
13. *Дюков А.Р., Симиндей В.В.* В плену у этнократии: о политической ангажированности латвийской официальной историографии // *Свободная мысль*. 2012. № 1/2 (1631). С. 188—204.
14. *Мусаев В.И.* Независимость стран Балтии и «Русский вопрос» // *Новейшая история России*. 2017. № 2 (19). С. 176—191.
15. *Смирнов В.А.* Рекрутирование политических элит в Прибалтике: роль этнического фактора // *Балтийский регион*. 2013. № 4 (18). С. 146—159. doi: 10.5922/2074-9848-2013-4-10.
16. *Сытин А.Н.* Балтия: двадцать лет независимости // *Свободная мысль*. 2010. № 12. С. 35—48.
17. *Cheskin A.* Identity and integration of Russian speakers in the Baltic states: a framework for analysis // *Ethnopolitics*. 2015. Vol. 14, № 1. P. 72—93.
18. *Этническая политика в странах Балтии* / отв. ред. В.В. Полищук, В.В. Степанов ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2013.
19. *Лукашевич Д.А.* *Юридический механизм разрушения СССР*. М., 2016.
20. *Vavarniece I.* *Latvijas Tautas fronte — gads pirmais*. Latvijas Tautas fronte, Riga, 1989.

21. Уразбаев Е.Е. Этнонациональная политика в Латвии и Эстонии в контексте институционализации национализма // Власть. 2017. № 6. С. 146—152.

22. Jundzis T. Latvijas neatkarības atjaunošanas dažādie ceļi: tiesiskais pamatojums un īstenošana (1989—1991) // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis «A» daļa (sociālās un humanitārās zinātnes). 2013. S. 67, № 1/2. L. 4—22.

23. Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 78—97. doi: 10/5922/2074-9848-2015-2-6.

24. Latvijas Tautas fronte 1988—1991: Veltījums Tresajai Atmodai un Latvijas tautas frontes dibināšanas desmitgadei. [sastādītājs J. Škapars]. Rīga: Apgads Jana seta, 1998. 399 lpp.

25. Budryte D. From Ethnic Fear to Pragmatic Inclusiveness? Political Community Building in the Baltic States (1988—2004) // Ethnicity Studies. 2011. № 1 (2). P. 14—41.

26. Mačiukaite-Žviniene S. Challenges for civil society: participation in the Baltic states region building // Viešoju Politika ir Administravimas. 2008. № 26. P. 113—121.

27. Барунов И.И. Траектории нацистроительства в странах Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 12. С. 90—98.

28. Solska M. Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63, № 6. P. 1089—1108.

29. Ямалова Э.Н. Качество демократии: понятие и проблемы измерения // Вопросы политологии. 2016. № 1. С. 38—44.

30. Ямалова Э.Н. Национальная политика в постсоветской Латвии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2015. № 4. С. 69—76.

Об авторах

Евгений Евгеньевич Уразбаев, кандидат политических наук, старший преподаватель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: yrazbaev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5817-1329>

Эльвира Наилевна Ямалова, доктор политических наук, профессор, Башкирский государственный университет, Россия.

E-mail: yamalovaen@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2588-1871>

THE ETHNOPOLITICAL MOVEMENT AS A VEHICLE FOR NATIONALISM INSTITUTIONALISATION IN MODERN LATVIA

E. E. Urazbaev^a

E. N. Yamalova^b

^a Immanuel Kant Baltic Federal University,
14A Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

^b Bashkir State University,
32 Zaki Validi St., Republic of Bashkortostan, Ufa, 450076, Russia

Received 21 October 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-4

© Urazbaev E. E., Yamalova E. N., 2020

This article investigates the Popular Front of Latvia, a public ethnopolitical movement that substantially contributed to the independence of the modern Republic of Latvia. The study

aims to identify how much the movement influenced the development of ethnic nationalism, which has become essential to statehood and the identification of politics. It continues to reinforce group inequality in this multiethnic country. The article describes the background and main landmarks of the movement. Content analysis of manifestos has been carried out to trace changes in the Popular Front's ideological vision. It is shown that the shift in priorities that took place during the 1988–1991 struggle for Latvia's political and economic independence led to a non-democratic political regime. Particular attention is paid to the movement's proposals concerning the principles of statehood restoration and citizenship acquisition as well as to approaches to solving ethnic problems. The focus is on why and under what circumstances the Popular Front dissolved itself and the supra-ethnic opposition, its main rivals, left the political scene. It is argued that the Popular Front of Latvia created conditions both for the titular nation taking precedence over other ethnic groups and for the exclusion of one-third of the country's resident population from political life. It is concluded that, as the movement transformed and gradually abandoned its democratic principles, it became the main vehicle for the institutionalisation of ethnic nationalism in Latvia.

Keywords:

Republic of Latvia, Popular Front of Latvia, nationalism, ethno-political movement

References

1. Smooha, S. 2002, The Model of Ethnic Democracy: Israel as a Jewish and Democratic State, *Nations and Nationalism*, vol. 8, no. 4, p. 475–503.
2. Gushchin, V.I. 2013, *Postsovetskaya Latvija — obmanutaya strana. Pochemu NFL ne privel k demokratii?* [Post-Soviet Latvia is a deceived country. Why didn't the NFL lead to democracy?], Riga, 720 p. (in Russ.).
3. Karklins, R., Zepa, B. 2001, Political participation in Latvia 1987–2001, *Journal of Baltic Studies*, vol. 32, no. 4, p. 334–346.
4. Kinka, S.M. 2013, The political success of the Baltic Popular Fronts following the 1989–1990 election, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU Vestnik], no. 6, p. 124–128 (in Russ.).
5. Lazda, M. 2009, Reconsidering Nationalism: The Baltic Case of Latvia in 1989, *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 22, no. 4, p. 517–536.
6. Potapov, A.K. 2013, Political changes in the republics of the Baltic states in 1985–1991 as a result of the influence of synergetic processes, *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Herald], no. 5, p. 37–39 (in Russ.).
7. Simonyan, R.H. 2014, Baltic States in the context of the collapse of the USSR, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], no. 3, p. 98–108 (in Russ.).
8. Ulyanova, Yu.S. 2009, Post-Soviet “Popular Fronts”, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvenno-gotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University], no. 1, p. 139–142 (in Russ.).
9. Eglitis, D.S. 2002, *Imagining the Nation: History, Modernity, and Revolution in Latvia*, University Park, Pennsylvania State University Press, 265 pp.
10. Agarin, T. 2016, Extending the concept of ethnocracy: Exploring the debate in the Baltic context, *Cosmopolitan Civil Societies Journal*, vol. 8, no. 3, p. 81–99.
11. Vorotnikov, V.V. 2013, Baltic ethnocracy between Russia and Europe: the search for consensus in the context of the economic crisis, *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (33), p. 25–33 (in Russ.).
12. Dakin, M.I. 1992, *Nationalism and Democratization: The Case of Ethnic Russians in Newly Independent Latvia*, Washington, DC, National Council for Soviet and East European Research.
13. Dyukov, A.R., Simindey, V.V. 2012, Captured by Ethnocracy: On the Political Engagement of Latvian Official Historiography, *Svobodnaya mysl'* [Free thought], no. 1/2 (1631), p. 188–204 (in Russ.).
14. Musaev, V.I. 2017, Independence of the Baltic States and the Russian Question, *Noveishaya istoriya Rossii* [The latest history of Russia], no. 2 (19), p. 176–191 (in Russ.).

15. Smirnov, V.A. 2013, The political elite recruitment in the Baltic: the role of the ethnic factor, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 105—115. doi: 10.5922/2079-8555-2013-4-10.
16. Sytin, A.N. 2010, Baltic: twenty years of independence, *Svobodnaya mysl'* [Free thought], no. 12, p. 35—48.
17. Cheskin, A. 2015, Identity and integration of Russian speakers in the Baltic states: a framework for analysis, *Ethnopolitics*, vol. 14, no. 1, p. 72—93.
18. Polishchuk, V.V., Stepanov, V.V. (Ex. eds) 2013, *Etnicheskaya politika v stranakh Baltii* [Ethnic Policy in the Baltic States], Moscow, 407 p. (in Russ.).
19. Lukashovich, D.A. 2016, Yuridicheskii mekhanizm razrusheniya SSSR [The legal mechanism of the destruction of the USSR], Moscow, 520 p. (in Russ.).
20. Vaverniece, I. 1989, *Latvijas Tautas fronte — gads pirmais. Latvijas Tautas fronte*, Riga.
21. Urazbaev, E.E. 2017, Ethnonational policy in Latvia and Estonia in the context of the institutionalization of nationalism, *Vlast'* [Power], no. 6, p. 146—152 (in Russ.).
22. Jundzis, T. 2013, *Latvijas neatkarības atjaunošanas dažādie ceļi: tiesiskais pamatojums un īstenošana (1989—1991)*, *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis «A» daļa (sociālās un humanitārās zinātnes)*, no. 1/2, p. 67.
23. Smirnov, B.A. 2015, The Role of Political Elites in the Development of Politics of Memory in the Baltic States, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 58—72. doi: 10.5922/2079-8555-2015-2-6.
24. Škapars, J. (comp.) 1998, *Latvijas Tautas fronte 1988—1991: Veltījums Tresajai Atmodai un Latvijas tautas frontes dibināšanas desmitgadei*, Riga, Apgads Jana seta, 399 p.
25. Budryte, D. 2011, From Ethnic Fear to Pragmatic Inclusiveness? Political Community Building in the Baltic States (1988—2004), *Ethnicity Studies*, no. 1 (2), p. 14—41.
26. Mačiukaite-Žvinienė, S. 2008, Challenges for civil society: participation in the Baltic states region building, *Viešoji Politika ir Administravimas*, no. 26, p. 113—121.
27. Barinov, I.I. 2015, Nation-building trajectories in Eastern Europe, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 12, p. 90—98 (in Russ.).
28. Solska, M. 2011, Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania, *Europe-Asia Studies*, vol. 6, no. 6, p. 1089—1108.
29. Yamalova, E.N. 2016, The quality of democracy: concept and measurement problems, *Political Science Issues*, no. 1, p. 38—44 (in Russ.).
30. Yamalova, E.N. 2015, National politics in post-Soviet Latvia, *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii* [Questions of national and federal relations], no. 4, p. 69—76 (in Russ.).

The authors

Dr Evgeny E. Urazbaev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: urazbaev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5817-1329>

Prof. Elvira N. Yamalova, Bashkir State University, Russia.

E-mail: yamalovaen@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2588-1871>

ЭФФЕКТИВНАЯ РИСК-КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В ЛОКАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ

М. И. Кришталь
А. В. Щекотуров

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 17.12.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-5

© Кришталь М. И., Щекотуров А. В., 2020

Проблемой современных исследований восприятия экологических рисков является незнание механизмов риск-коммуникации в локальном сообществе, а также влияния различных способов обмена информацией о рисках на формирование протестных настроений. Цель данного исследования — объяснить коммуникативные практики и стратегии представителей локального сообщества в контексте образования протестной реакции на угрозу экологической катастрофы. Научным подходом, положенным в основу данной работы, является культурная теория, развитая в трудах М. Дуглас, К. Дейка, Д. Бремен и др. Согласно этой теории выделяют несколько культурных типов (иерархизм, индивидуализм, коммунитаризм и эгалитаризм), отличающихся спецификой восприятия экологических рисков и формами риск-коммуникации. Исследование проведено на примере отношения жителей пос. Нивенское Калининградской области к разработке месторождения калийных солей. В результате исследования выявлено, что эгалитаристы и коммунитаристы в сравнении с иерархистами и индивидуалистами заметно чаще готовы участвовать в протестных акциях в случае возникновения серьезной экологической угрозы. Респонденты всех культурных типов наиболее всего доверяют информации об экологических рисках, получаемой от людей из близкого круга общения, общественников, а также экологов. Представители бизнес-предприятий, напротив, вызывают у респондентов максимальное недоверие.

Ключевые слова:

риск-коммуникация, культурная теория, локальное сообщество, протест

Риск-коммуникация играет определяющую роль в формировании специфики восприятия рисков, поскольку именно она задает критерии для распознавания ситуаций, связанных с опасностью, и объединяет индивидов с целью предупреждения и минимизации негативных последствий [1]. Существуют научные доказательства того, что неверные формы коммуникации с гражданами усиливают ситуацию риска и неопределенности [2; 3].

На выбор способов риск-коммуникации и восприятие проблемы в целом влияют «локализация и концентрация» экологического конфликта [4, с. 105]. К примеру, наибольшее внимание экологической ситуации уделяют жители столичных мегаполисов, что объясняется их более высоким уровнем жизни и притязаний [5, с. 57 — 58].

Для цитирования: Кришталь М. И., Щекотуров А. В. Эффективная риск-коммуникация как фактор регулирования протестных настроений в локальном сообществе // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 70–83. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-5

Для большинства жителей страны наиболее актуальными проблемами остаются низкие зарплаты и рост цен¹. Однако игнорирование экологических проблем может только усилить неблагоприятную социально-экономическую обстановку.

Экологические риски могут вызывать социальную напряженность и даже общественные протесты, повлечь за собой политические и экономические издержки [6]. При этом простое «разъяснение» технических и научных аспектов проблемы населению не является убедительным решением, поскольку участники коммуникации не рассматриваются друг другом как нейтральные субъекты высказываний. В свою очередь, восприятие и конструирование проблемы и действий участников коммуникации зависят от их положения в социальном пространстве, культурных и политических установок.

Одним из примеров социальной напряженности, связанных с экологическими рисками, является противостояние, которое произошло между руководством комбината по строительству калийно-магниевого рудника и населением пос. Нивенское Калининградской области, где планировалась разработка соляного месторождения. Несмотря на ряд принятых мер (озеленение поселка, увеличение санитарно-защитной зоны и т.п.), ситуация остается сложной ввиду сохранившегося недоверия к действиям руководства комбината [7]. Незнание механизмов конструирования представлений о рисках в локальном сообществе, распространения информации внутри коммуникативных сетей сообщества, а также влияния на процессы конфигурации социального пространства локального сообщества и агентов коммуникации может привести к новой волне протестных настроений.

Цель данного исследования — раскрыть роль риск-коммуникации в формировании протестных настроений среди различных социальных групп локального сообщества (на примере разработки месторождения калийных солей в пос. Нивенское Калининградской области).

В соответствии с целью исследования были сформулированы следующие задачи:

- 1) определить характер доверия жителей пос. Нивенское к различным источникам информации об экологических рисках;
- 2) выявить степень информированности поселчан об экологическом конфликте в месте их проживания;
- 3) оценить готовность жителей пос. Нивенское принимать участие в протестах в ситуации ухудшения экологической обстановки;
- 4) выяснить отношение поселчан к различным мерам по разрешению сложившейся социальной напряженности.

В данной работе риск-коммуникацию мы рассматриваем как «целенаправленный процесс обмена сведениями о различных видах риска между заинтересованными сторонами (правительственные учреждения, организации, профсоюзы, общественные организации, СМИ и др.)» [8, с. 235].

Основу процесса риск-коммуникации составляет «организация взаимодействия различных акторов, институтов и практик, представляющих в том числе и гражданское общество, в рамках которого осуществляется обмен информацией о разнообразных рисках и ее анализ» [9, с. 133]. Анализируя процесс риск-коммуникации, основное внимание мы обратили на источники информации об экологических рисках и уровень доверия к ним, а также социальный протест как разновидность риск-коммуникации.

Таким образом, объект данного исследования — риск-коммуникация в процессе восприятия экологических рисков, предмет — формы риск-коммуникации различных социальных групп локального сообщества в контексте формирования протестной реакции на угрозу экологической катастрофы.

¹ «ФОМнибус»: ситуация в регионе и насущные проблемы. URL: <https://fom.ru/Obrazhizni/14288> (дата обращения: 26.11.2019).

Методологическим основанием выступила концепция «группа-решетка» (grid-group) М. Дуглас, впоследствии развитая в культурную теорию риска [10]. Согласно ее концепции, люди усваивают ценности и нормы, встраиваются в систему социальных отношений под влиянием двух универсальных сил: групповой сплоченности и социального контроля. Соответственно, восприятие риска и поведение в ситуации угрозы зависят от отношения к групповым нормам и возможности контроля над ситуацией [11].

Культурная теория рисков и восприятие экологических угроз

Как уже было сказано, основой культурной теории рисков принято считать работу М. Дуглас [10]. В ней впервые был изложен смысл grid-group-анализа для исследования различных типов культуры. Его суть может быть выражена в трех утверждениях [12, р. 396—397]: 1) взгляды индивида, его суждения и отношение к чему-либо предопределены культурой; 2) существует несколько типов культур, критериями для выделения которых являются всего два измерения: степень групповой сплоченности (group) и степень субъектности (grid) индивида (контроля над ситуацией) в ходе социальной интеракции [10, р. 8]; 3) культурные типы являются универсальными, поскольку выражают социальную природу индивида.

На основании указанных двух измерений М. Дуглас выделяет четыре идеальных типа культур, которые соответственно определяют четыре типа подходов к восприятию рисков: индивидуалисты (сектор А), фаталисты (сектор В), иерархисты (сектор С) и эгалитаристы (сектор D)² (рис. 1).

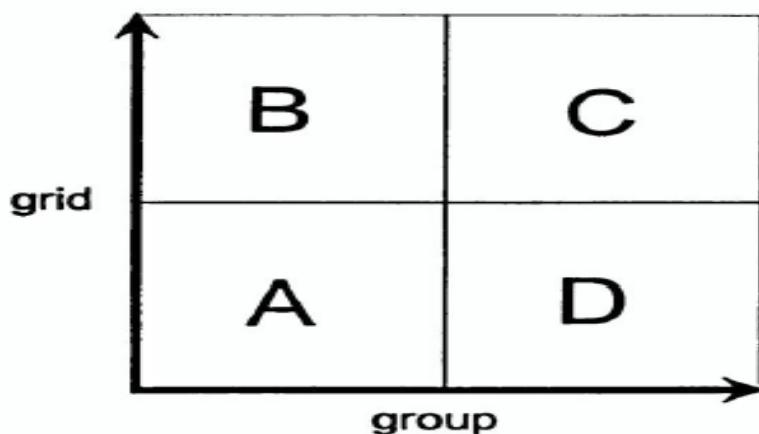

Рис. 1. Grid-group-модель М. Дуглас [10, р. 8]

Каждый культурный тип определяется как сочетание социальных и культурных паттернов, свойственных окружению индивида и воплощенных в его поведении, системе ценностей и отношении к социальной реальности [12, р. 400].

С момента публикации книги М. Дуглас предложенный ею grid-group-анализ неоднократно пересматривался и модифицировался. Удачную модификацию внес М. Томпсон (рис. 2). Добавив третье универсальное измерение социальной жизни

² Сама М. Дуглас тип С называла изоляционистами, а тип D — анклавистами. Однако впоследствии в научном сообществе прижились обозначения «фаталисты» и «эгалитаристы». Исследованию развития grid-group-анализа и культурной теории, смены коннотаций при различном обозначении типов культур посвящена работа В. Мамэдоу [12].

ни — манипуляцию, он получил пятый автономный культурный тип [13]. Этот тип характеризуется слабой групповой вовлеченностью, слабым влиянием на других людей, минимальными социокультурными барьерами и ограничениями. Некоторыми авторами он характеризуется как асоциальный культурный тип [14].

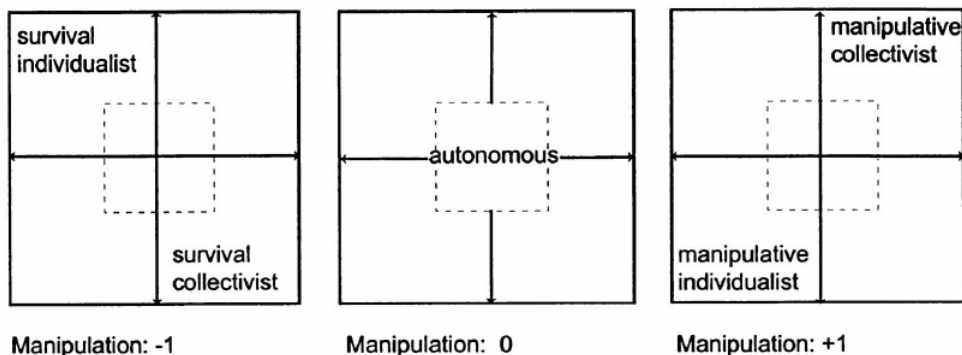

Рис. 2. Модель анализа М. Томпсона [13]

Однако эта модификация не решала проблему того, что человек может принадлежать сразу к нескольким культурными типам, что затрудняло оценку влияния конкретного культурного паттерна. Решением этой проблемы стало рассмотрение культурных типов в виде двух континуумов: шкал «иерархизм — эгалитаризм» и «индивидуализм — коммунитаризм» [15; 16]. Статистическая проверка надежности шкал показала, что именно этот подход к исследованию культурных типов обладает наибольшей степенью надежности [17].

Первая шкала — «иерархизм — эгалитаризм» — определяет сильную или слабую степень контроля над ситуацией. Если индивид ближе к параметру «иерархизм», его поведение определяется тем, что ему предписывает общество, например гендер, социальный статус и роль и т.п. Соответственно, представители иерархического культурного типа видят опору в традиционных структурах и ценностях, естественным условием социального уклада для них является неравенство в возможностях, ресурсах и пр. Если индивид ближе к параметру «эгалитаризм», то он считает, что его поведение определяется индивидуальными предпочтениями, волевыми решениями и в меньшей степени обусловлено социальными нормами и институциями. Эти люди в противовес иерархистам выступают за равенство возможностей и равноправие во всех сферах жизни.

Вторая шкала — «индивидуализм — коммунитаризм» — определяет, насколько социальные отношения и ожидания определены категориями «мы / они». Если индивиды ближе к позиции «индивидуализм», то в их представлениях нет строгого противостояния между «мы» и «они». Индивидуалисты в значительной степени выступают за свободный рынок, честную конкуренцию и готовы брать ответственность на себя. В своих решениях они больше опираются на свои силы, чем на внешние структуры и обстоятельства. Если индивид ближе к позиции «коммунитаризм», то в его представлениях проходит более выраженная грань, определяющая идентичность по признаку «свой — чужой». Коммунитаристы выступают за больший правительственный контроль и государственную монополию на рынке. Для коммунитаристов государство — наиболее влиятельный институт, а потому должно иметь максимальный объем полномочий.

Методика исследования

В рамках исследования были опрошены 300 респондентов, проживающих в пос. Нивенское (доверительная вероятность — 95 %, доверительный интервал — ± 5 %). Использовался квотный метод построения выборки, отражавшей половозрастную структуру Багратионовского городского округа, частью которого является пос. Нивенское. Метод исследования — поквартирный опрос жителей поселка. Анализ созданного массива данных проходил в программе статистической обработки данных SPSS (V 23).

Культурный тип респондента был определен согласно методике, разработанной Д. Каханом [16]. Ее суть заключается в том, что респондент последовательно определяет свое отношение к ряду позиций по шкале от -2 («полностью не согласен») до $+2$ («полностью согласен»). Каждый ответ респондента характеризует его как представителя того или иного культурного типа (иерархизм, индивидуализм, коммунитаризм и эгалитаризм). В результате суммирования ответов были получены баллы, определяющие культурный тип респондента. Такой метод, с одной стороны, позволил представить культурные типы в количественной шкале и проводить корреляционно-регрессионный анализ. С другой — диапазон ответов по шкалам «иерархизм — эгалитаризм» и «индивидуализм — коммунитаризм» позволил определить доминирующий тип по каждой дихотомии. Здесь культурный тип фиксировался как номинальная переменная, что позволило провести анализ таблиц сопряженности.

Доверие к источникам информации об экологических рисках

При помощи корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи между принадлежностью к культурному типу и степенью доверия к источникам информации об экологических рисках в случае возникновения экологических проблем³. В матрице парных коэффициентов корреляций (табл. 1) выделены значимые зависимости на уровне 0,01 (***) и 0,05 (*). Показатели, не отвечающие этим условиям, не обозначались («-»).

Таблица 1

Взаимосвязи между степенью принадлежности к культурному типу и уровнем доверия к источникам информации об экологических рисках в случае возникновения экологических проблем

Источник информации	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Экологические организации	«-»	«-»	«-»	«-»
Бизнес-предприятия	«-»	-0,19**	«-»	-0,21**
Друзья и знакомые	«-»	«-»	«-»	«-»
Органы власти	-0,16*	«-»	«-»	«-»
Общественные правозащитники	«-»	«-»	«-»	«-»
Государственные СМИ	-0,15*	«-»	«-»	«-»
Частные СМИ	-0,15**	-0,18**	«-»	-0,21**

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

³ Поскольку критерий Колмогорова — Смирнова показал, что распределение отличается от нормального ($p < 0,05$), был использован коэффициент корреляции r Спирмена.

Все значимые корреляции по итогам анализа оказались отрицательными. Принадлежность индивидов к эгалитаристам и коммунитаристам отрицательно сказывается на уровне доверия к бизнес-предприятиям и частным СМИ, что соответствует установками этих культурных типов: коммунитаристы выступают за государственный контроль и монополию на рынке, а эгалитаристы являются приверженцами равенства.

Принадлежность к иерархистам отрицательно коррелирует с доверием к СМИ (государственным и частным), а также к органам власти. В свою очередь, приверженность к индивидуалистскому культурному типу, напротив, фактически никак не связана с доверием к источникам информации по рассматриваемой проблематике.

Отметим, что зафиксированные зависимости демонстрируют невысокие значения (диапазон от $-0,15$ до $-0,21$). Таким образом, принадлежность к иерархистам, эгалитаристам и коммунитаристам является фактором, влияющим на степень доверия к некоторым источникам информации, но его нельзя рассматривать в качестве доминирующего.

Также был рассчитан индекс доверия представителей рассматриваемых культурных типов к источникам информации об экологических рисках, исходя из данных респондентами оценок по пятибалльной шкале от -2 («абсолютно не заслуживает доверия») до 2 («полностью заслуживает доверие»). Каждая оценка умножалась на процентные доли респондентов, ответивших соответствующим образом, затем показатели суммировались: $(-2) \cdot n_1 + (-1) \cdot n_2 + 0 \cdot n_3 + 1 \cdot n_4 + 2 \cdot n_5$. Согласно полученным данным на общем фоне выделяются коммунитаристы, которые отличаются наибольшей степенью недоверия (табл. 2).

Таблица 2

Уровни доверия представителей культурных типов к источникам информации об экологических рисках в случае возникновения экологических проблем

Источник информации	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Общественные правозащитники	20,2	19,5	19,9	19
Экологические организации	19,3	19	18,9	17,4
Друзья и знакомые	20,2	15,8	19,4	12,5
Государственные СМИ	5,8	5,5	5,2	2,7
Органы власти	4,8	6	5,9	2,4
Частные СМИ	3,4	5,1	4,7	1,2
Бизнес-предприятия	-13,2	-15,2	-13,4	-18,2

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

Также респондентам был задан вопрос о том, из каких источников они бы приняли во внимание информацию об экологических рисках в первую очередь. Независимо от их принадлежности к культурному типу респонденты в большей степени восприняли бы информацию от тех, кого принято считать специалистами в рассматриваемой проблематике: от сотрудников МЧС и экологов (табл. 3). Отметим, что лишь незначительное количество представителей от каждого культурного типа указали СМИ и интернет в качестве приоритетного источника для получения информации.

Таблица 3

Результаты ответа на вопрос «Из каких источников информацию об экологических рисках Вы бы приняли в первую очередь во внимание?», %

Источник информации	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Представители МЧС	32,7	28,6	30,8	28,7
Специалисты-экологи	30,8	26,7	24,3	27,3
Представители органов власти	9,6	14,3	15,9	12
Интернет, социальные сети	9,6	6,5	7,5	8
Репортажи журналистов из СМИ	5,8	9,2	12,1	8
Коллеги / друзья / родственники	5,8	6,5	4,7	6,7
Затрудняюсь ответить	5,8	8,3	4,7	9,3

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

Степень информированности об экологическом конфликте и средства информации, используемые в его условиях

Используемые респондентами для получения информации о сложившейся конфликтной ситуации в поселке интернет-сайты можно разделить на несколько типов: поисковые (*Google, Mail, Yandex*), новостные («Новый Калининград», «Клопс», «Руград»), видео (*Youtube*) и сайт, ориентированный на критику реализации проекта в пос. Нивенское («Резонанс39»). К последнему чаще всего обращались индивидуалисты (13,9 %) и иерархисты (19,2 %). При этом менее половины представителей данных культурных типов пользовались интернет-сайтами: 44,2 и 40,2 % соответственно. Среди коммунитаристов и эгалитаристов доля искавших информацию в интернет-пространстве еще ниже: 33,2 и 32,7 % соответственно.

Среди перечисленных пабликов в социальных сетях наиболее часто респонденты называли «*Rezonans39.ru*» в социальной сети «ВКонтакте». В этом сообществе дублируются новости с интернет-сайта «Резонанс39». Примерно каждый четвертый иерархист (26,8 %) и каждый пятый индивидуалист (21,4 %) обозначили эту группу как источник получения информации о ситуации вокруг возможного строительства калийно-магниевого рудника в пос. Нивенское. Среди эгалитаристов и коммунитаристов доля ответивших подобным образом несколько ниже: 15,2 и 14,7 % соответственно.

Печатные издания в качестве источника информации о конфликтной ситуации в поселке пользовались среди опрошенных респондентов меньшей популярностью в сравнении с Интернетом. Полученные социологические данные показывают, что около 70 % респондентов от каждого культурного типа не использовали печатные издания.

Несколько чаще респонденты указывали телевидение в роли источника информации об экологическом конфликте. Примерно две трети иерархистов (61,6 %), половина индивидуалистов (47,7 %) и около трети эгалитаристов (37,8 %) и коммунитаристов (38 %) отметили, что смотрели различные телеканалы, чтобы узнать о сложившейся ситуации.

Таким образом, данные социологического опроса продемонстрировали, что иерархисты и индивидуалисты заметно чаще пытались получить информацию о рассматриваемой в статье проблеме из различных типов СМИ и интернета. Вероятно, по этой причине они оценивают себя как существенно более информированных относительно различных мнений, касающихся безопасности разработки соляного месторождения в пос. Нивенское (табл. 4).

Таблица 4

**Результаты ответа на вопрос «Знаете ли Вы / что-то слышали
о различных мнениях по поводу безопасности разработки соляного месторождения
в поселке Нивенское?», %**

Уровень информированности	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Полностью информирован	50	41,9	52,3	35,3
Что-то слышал	44,2	53,5	41,1	61,3
Слышу об этом впервые	1,9	2,8	3,7	2,7
Затрудняюсь ответить	3,8	1,8	2,8	0,7

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

**Протестная активность
в случае возникновения экологической проблемы**

Эгалитаристы и особенно коммунитаристы имеют большой опыт протестной активности и заметно чаще готовы участвовать в протестных акциях в случае возникновения серьезной экологической проблемы, чем иерархисты и индивидуалисты (табл. 5, 6). Вероятно, это связано с тем, что культурные установки этих типов (равноправие, равенство, отсутствие конкуренции и т.д.) находят слабое отражение в российской действительности.

При этом самыми распространенными формами возможного и реального протеста среди представителей всех культурных типов выступают сбор подписей в адрес местных, региональных и федеральных властей, а также участие в митинге (табл. 5, 6).

Таблица 5

**Наиболее распространенные виды протестных акций,
в которых принимали участие респонденты, %**

Культурный тип	Ни в каких	1-е место	2-е место	3-е место
Иерархисты	55,8	Митинг (25)	Сбор подписей в адрес региональных властей (25)	Сбор подписей в адрес федеральных властей (25)
Эгалитаристы	47,9	Сбор подписей в адрес федеральных властей (32,3)	Сбор подписей в адрес местных властей (26,3)	Сбор подписей в адрес региональных властей (26,3)
Индивидуалисты	57,9	Митинг (24,3)	Сбор подписей в адрес федеральных властей (23,4)	Сбор подписей в адрес региональных властей (20,6)
Коммунитаристы	37,3	Сбор подписей в адрес федеральных властей (40)	Сбор подписей в адрес местных властей (34)	Сбор подписей в адрес региональных властей (33,3)

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

Таблица 6

**Наиболее распространенные виды протестных акций,
в которых респонденты готовы принять участие, %**

Культурный тип	Ни в каких	1-е место	2-е место	3-е место
Иерархисты	76,9	Сбор подписей в адрес местных властей (15,4)	Сбор подписей в адрес региональных властей (15,4)	Сбор подписей в адрес федеральных властей; митинг (13,5)
Эгалитаристы	67,7	Сбор подписей в адрес федеральных властей (18,4)	Сбор подписей в адрес местных властей (13,4)	Митинг (12,4)
Индивидуалисты	72,9	Сбор подписей в адрес федеральных властей (15,9)	Сбор подписей в адрес местных властей (14)	Митинг (14)
Коммунитаристы	65,3	Сбор подписей в адрес федеральных властей (19,3)	Сбор подписей в адрес местных властей (14)	Митинг (12,7)

Источник: рассчитано авторами по данным опроса исследовательской компании «КМГ».

**Меры по противодействию возникновению слухов
об экологических рисках**

Респонденты высказали мнение о том, какие меры, на их взгляд, наиболее предпочтительны для проведения на крупных предприятиях с целью предотвращения распространения слухов об экологических рисках (табл. 7). Опрошенные жители пос. Нивенское могли выбрать неограниченное количество ответов. В целом респонденты, представляющие все культурные типы, в качестве наиболее эффективных мер выделили (ответы по популярности в порядке убывания) следующие: создание условий для максимально возможного государственного контроля на производстве; привлечение экспертов в сфере экологии для сотрудничества; проведение экскурсий на производствах для всех желающих.

Таблица 7

**Отношение представителей различных культурных типов к мерам,
которые должны проводить крупные предприятия для предотвращения
распространения слухов об экологических рисках, %**

Мера	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Создание условий для максимально возможного государственного контроля на производстве	76,9	77	75,7	80
Экскурсии на производствах для всех желающих	69,2	57,1	56,1	62
Привлечение экспертов в сфере экологии для сотрудничества	65,4	64,1	64,5	68
Распространение информационных материалов о производственном процессе	48,1	48,4	42,1	57,3

Окончание таблицы 7

Мера	Иерархисты	Эгалитаристы	Индивидуалисты	Коммунитаристы
Круглые столы с широким участием представителей общественности	42,3	53	43	58,7
Никакие	7,7	9,7	8,4	6,7
Затрудняюсь ответить	7,7	5,5	5,6	8

Источник: данные, полученные исследовательской компанией «КМГ» по заказу БФУ им. И. Канта.

Примечательно, что активнее других за контроль государства выступают коммунитаристы, для культурного типа которых характерна поддержка вмешательства правительства в производственный процесс. Кроме того, они наряду с эгалитаристами в качестве эффективной меры чаще выделяли организацию круглых столов с широким участием представителей общественности. Это можно обосновать результатом зафиксированной нами высокой недоверчивости коммунитаристов и, как следствие, их желанием получать информацию без посредников. Также в эту логику вписывается и высокая доля представителей данного типа, выбравших в качестве варианта проведение экскурсий на производствах для всех желающих. Хотя, учитывая зафиксированную недоверчивость коммунитаристов, несколько сложно объяснить, почему среди них наиболее популярен вариант «распространение информационного материалов о производственном процессе» (57,3 %).

Иерархисты также заметно чаще других называли в качестве предпочтительной эффективной меры проведение экскурсий на производствах.

Как уже было нами отмечено, среди эгалитаристов популярна идея организации круглых столов с широким участием представителей общественности, что вполне отвечает свойственным для этого культурного типа ценностям равноправия.

Среди ответов индивидуалистов в данном случае отсутствует какая-либо ярко проявляющаяся специфика.

Таким образом, в ходе исследования на примере протестной активности в пос. Нивенское выявлено, что представители различных культурных типов по-разному воспринимают экологические риски и предпочитают различные формы риск-коммуникации. Данный вывод позволяет сделать следующие интерпретации.

1. Эгалитаристы и особенно коммунитаристы заметно чаще в сравнении с иерархистами и индивидуалистами готовы участвовать и имеют опыт участия в протестных акциях в случае возникновения серьезной экологической проблемы. Учитывая это, а также низкую степень доверия эгалитаристов и коммунитаристов к источникам информации об экологических рисках, именно их можно идентифицировать в качестве наиболее неконформистского сегмента протестной активности в пос. Нивенское в условиях актуализации экологических проблем.

2. Представители двух других культурных типов настроены позитивнее и оценивают себя как существенно более информированных относительно различных мнений, касающихся безопасности разработки соляного месторождения в пос. Нивенское. В результате можно заключить, что данные факторы являются взаимодополняющими.

3. Для предотвращения роста протестных настроений именно эгалитаристы и коммунитаристы должны рассматриваться в качестве участников круглых столов и публичных слушаний. Это, во-первых, позволит направить их энергетический потенциал в конструктивное русло, во-вторых, даст возможность получить им необходимую информацию. Особенно это актуально в силу того, что именно эгалитаристы и коммунитаристы считают информированность наиболее эффективной мерой по снятию социальной напряженности в сравнении с иерархистами и индивидуалистами.

4. Также в исследовании зафиксированы черты, присущие всем культурным типам. Так, респонденты солидарны в том, что создание условий для максимально возможного государственного контроля на производстве является наиболее эффективной мерой для противодействия распространения слухов об экологических рисках. Кроме того, респонденты склонны более всего доверять информации об экологических рисках, получаемой от людей из близкого круга общения, общественников и экологов. Органы власти, частные и государственные СМИ и особенно бизнес, напротив, не являются эффективными источниками информации об экологических рисках. Жители пос. Нивенское предпочитают прямые формы коммуникации. При этом они отметили, что в случае возникновения экологической проблемы в первую очередь воспримут информацию от специалистов: сотрудников МЧС и экологов.

Развитие данной темы исследования видится в проработке восприятия экологических рисков каждого культурного типа в отдельности с основой на уже выявленных особенностях их поведения и отношения к проблеме.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31646 «Факторы эффективной риск-коммуникации в локальном сообществе: политический, цифровой и структурный контекст (на примере экологического протеста)».

Список литературы

1. Sato A. Understanding effective risk communication in the context of a radiological accident // Fukushima Global Communication Programme Working Paper Series. 2015. № 7. URL: <https://i.unu.edu/media/fgc.unu.edu-en/page/922/FGC-WP-7.pdf> (дата обращения: 13.12.2019).
2. Барз А.О., Лебедева-Несевря Н.А. Риск-коммуникация в системе анализа профессиональных рисков здоровью работников промышленного предприятия // Медицина труда и промышленная экология. 2015. № 8. С. 28—33.
3. Acton J.M., Hibbs M. Why the Fukushima was Preventable. Carnegie Endowment for International Peace, Washington DC, 2012.
4. Платонов К.А. Восприятие экологических рисков: экспертные оценки и общественное мнение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 1. С. 102—110.
5. Тихомиров Д.А., Кисткина И.А. Проблема осознания экологической угрозы в России // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 2. С. 55—61.
6. Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 1. С. 83—98. doi: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>.
7. Piyashevich A.V. Risk Communication in the Sphere of Environmental Risk: Power Structures and Citizens // Regional Risks and Risks to the Regions : Conference Proceedings. 2018. P. 68—71.
8. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. Общая теория рисков. М., 2008.
9. Бурганова Л.А., Исхакова Э.И. Риск-коммуникация как механизм эффективного управления рисками // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 132—135.
10. Douglas M. Cultural Bias // In the Active Voice. L., 1982.
11. Johnson B.B., Swedlow B. Cultural Theory's Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research. Risk Analysis, 2019. doi: <http://dx.doi.org/10.1111/risa.13299>.
12. Matadough V. Grid-Group Cultural Theory: an Introduction // GeoJournal. 1999. Vol. 47, № 3. P. 395—409.
13. Thompson M. A three-dimensional model // Essays in the Sociology of Perception / Douglas M. (ed.). 1982. P. 31—63. doi: <https://doi.org/10.1080/1351161042000291941>.

14. *Dake K.* Myths of Nature: Culture and the Social Construction of Risk // *Journal of Social Issues*. 1992. Vol. 48, № 4. P. 21—37.

15. *Jenkins-Smith H.C.* Modeling Stigma: an empirical analysis of nuclear images of Nevada // *Risk, Media and Stigma: Understanding Public Challenges to Modern Science and Technology* / J. Flynn, P. Slovic & H. Kunreuther (eds.). L., 2001.

16. *Kahan D.M.* Cultural cognition as a conception of the cultural Theory of Risk // *Handbook of Risk Theory*. 2012. P. 725—759.

17. *Kahan D.M., Peters E., Wittlin M. et. al.* The polarizing impact of science literacy and numeracy on perceived climate change risks // *Nature Climate Change*. 2012. № 2. P. 732—735.

Об авторах

Михаил Игоревич Кришталь, кандидат географических наук, научный сотрудник социологической лаборатории анализа, моделирования и прогнозирования рисков, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/000-0001-6167-1025>

Александр Вячеславович Щекотуров, кандидат социологических наук, заведующий социологической лабораторией анализа, моделирования и прогнозирования рисков, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6703-4860>

EFFECTIVE RISK COMMUNICATION AS A FACTOR IN MANAGING PROTESTS ATTITUDES IN A LOCAL COMMUNITY

M. I. Krishtal
A. V. Shchekoturov

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 17 December 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-5
© Krishtal, M. I., Shchekoturov, A. V., 2020

Contemporary research into the perception of environmental risks suffers from poor knowledge of risk communication in the local community and of how different ways of risk communication affect protest attitudes. This study aims to clarify communication strategies and practices used by members of local communities as a protest response to environmental threats. The work builds on the cultural theory developed by Douglas, Dake, Bremen, and others. This theory distinguishes between several cultural types (hierarchism, individualism, communitarianism, and egalitarianism), which differ in how environmental risks are perceived

To cite this article: Krishtal, M. I., Shchekoturov, A. V. 2020, Effective risk communication as a factor in managing protests attitudes in a local community, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 2, p. 70—83. doi: 10.5922/2078-8555-2020-2-5.

and what forms risk communication takes. The study investigates the case of the village of Nivenskoe in Russia's Kaliningrad region where residents opposed the development of a potassium salt deposit. It is concluded that egalitarians and communarians are more likely than hierarchists and individualists to participate in protests when a serious environmental threat arises. Respondents of all cultural types tend to trust information coming from their close social network, public figures, and environmentalists whereas people of business are trusted the least.

Keywords:

risk communication, cultural theory, local community, protest

References

1. Sato, A. 2015, Understanding effective risk communication in the context of a radiological accident, *Fukushima Global Communication Programme Working Paper Series*, no. 7, available at: <https://i.unu.edu/media/fgc.unu.edu-en/page/922/FGC-WP-7.pdf> (accessed: 13.12.2019).
2. Barg, A.O., Lebedeva-Nesevrya, N.A. 2015, Risk communication in the occupational risk analysis system for the health of industrial employees, *Medicina truda i promyshlennaya ekologiya* [Labor Medicine and Industrial Ecology], no 8, p. 28–33 (in Russ.).
3. Acton, J.M., Hibbs, M. 2012, *Why the Fukushima was Preventable*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington DC.
4. Platonov, K.A. 2016, Vospriyatie ekologicheskikh riskov: ekspertnye ocenki i obshchestvennoe mnenie, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika* [Bulletin of the St. Petersburg university. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogics], no 1. p. 102–110 (in Russ.).
5. Tihomirov, D.A., Kistkina, I.A. 2017, Problema osoznaniya ekologicheskoy ugrozy v Rossii, *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of humanitarian knowledge], no 2, p. 55–61 (in Russ.).
6. Chmel', K.Sh., Klimova, A.M., Mitrohina, E.M., 2020, Politizaciya ekologicheskogo diskursa v Arhangel'skoi oblasti na primere stroitel'stva musornogo poligona okolo stancii Shies. *Zhurnal issledovaniy social'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], No 18, 83–98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98> (in Russ.)
7. Ilyashevich, A.V. 2018, Risk Communication in the Sphere of Environmental Risk: Power Structures and Citizens, *Regional Risks and Risks to the Regions. Conference Proceedings*, p. 68–71.
8. Vishnyakov, Ya.D. 2008. In: *Vishnyakov, Ya.D., Radaev, N.N. (eds.) Obshchaya teoriya riskov* [General risk theory], Moscow, 368 p. (in Russ.).
9. Burganova, L.A., Iskhakova, E.I. 2019, Risk communication as a mechanism for effective risk management, *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Journal of Economics, Law and Sociology], no 1, p. 132–135 (in Russ.).
10. Douglas, M., 1982, Cultural Bias, *In the Active Voice. Routledge and Kegan Paul*, London.
11. Johnson, B.B., Swedlow, B., 2019, Cultural Theory's Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research, *Risk Analysis*, Doi: <http://dx.doi.org/10.1111/risa.13299>
12. Mamadouh, V., 1999, Grid-Group Cultural Theory: an Introduction, *GeoJournal*, Vol. 47, No. 3. P. 395–409.
13. Thompson, M., 1982, A three-dimensional model. In: Douglas M. (ed.), *Essays in the Sociology of Perception*. P. 31–63. Doi: <https://doi.org/10.1080/1351161042000291941>
14. Dake, K., 1992, Myths of Nature: Culture and the Social Construction of Risk, *Journal of Social Issues*. Vol.48. No. 4. P. 21–37.
15. Jenkins-Smith, H.C., 2001, Modeling Stigma: an empirical analysis of nuclear images of Nevada. In J. Flynn, P. Slovic & H. Kunreuther (Eds.), *Risk, Media and Stigma: Understanding Public Challenges to Modern Science and Technology*. Earthscan. London.
16. Kahan, D.M., 2012, Cultural cognition as a conception of the cultural Theory of Risk, *Handbook of Risk Theory*. P. 725–759.
17. Kahan D.M., Peters E., Wittlin M., Slovic P., Ouellette L.L., Braman D., Mandel G.N., 2012, The polarizing impact of science literacy and numeracy on perceived climate change risks, *Nature Climate Change*. No. 2, P. 732–735.

The authors

Dr Mihail I. Krishtal, Researcher, Sociological Lab of Analysis, Modelling and Forecasting of Risks, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/000-0001-6167-1025>

Dr Aleksandr V. Shchekoturov, Head of Sociological Lab of Analysis, Modelling and Forecasting of Risks, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6703-4860>

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ШВЕЦИИ

М. М. Агафшин^а

С. А. Горохов^{б, в}

^а Московский педагогический государственный университет,
119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1

^б Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

^в Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

Поступила в редакцию 31.12.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-6

© Агафшин М. М., Горохов С. А., 2020

В течение большей части своей истории Швеция была страной, в которой доминировала лютеранская церковь, имевшая статус государственной. Превращение Швеции в страну массовой иммиграции, начавшееся во второй половине прошлого века, оказало определяющее влияние на конфессиональную структуру населения страны. В результате роста численности беженцев из стран Балканского полуострова, Ближнего Востока и Африки Швеция стала государством с поликонфессиональным составом населения, одним из лидеров среди стран ЕС по темпам роста численности адептов ислама. Трудности адаптации инокультурных мигрантов в стране приводят к их социальной, культурной и географической изоляции и формированию параллельных мигрантских сообществ. Цель данного исследования состоит в выявлении зависимости изменений в конфессиональной структуре населения Швеции, произошедших в результате роста численности адептов конфессий, не принадлежащих к протестантизму, от географической структуры иммиграционного потока в страну. Новизна исследования заключается в определении тенденций изменения уровня мозаичности религиозного населения Швеции с учетом циклической динамики замещения протестантизма исламом в конфессиональном пространстве Швеции. С практической точки зрения разработанная авторами методика дает возможность установить дальнейшие тенденции развития конфессионального пространства Швеции, которые дополняют результаты, полученные в комплексных социологических и демографических исследованиях конфессиональной структуры шведского населения.

Ключевые слова:

Швеция, миграция, конфессиональная структура населения, ислам, беженцы, параллельные сообщества

Введение

В условиях глобализации экономическая и демографическая поляризация регионов мира приводит к интенсификации миграционных процессов [1]. Если в 1990 году численность международных мигрантов составляла 153 млн человек (2,9 % населения мира), то к середине 2019 года она превысила 272 млн (3,5 % на-

Для цитирования: Агафшин М. М., Горохов С. А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // Балтийский регион. 2020. Т.12, № 2. С. 84–99. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-6.

селения мира) и, по прогнозам, продолжит свой рост в дальнейшем¹. Такие теоретики глобализации, как Ж. Аттали, Э. Тоффлер и др. полагают, что само существование глобального мира, ставшего, по выражению Т. Фридмана, «плоским» [2], связано с формированием номадической цивилизации, или цивилизации новых кочевников [3; 4].

К факторам, непосредственно определяющим характер и интенсивность глобальных миграционных процессов, большинство исследователей обычно относят социально-демографические, экономические и политические [5; 6]. Мы хотим отметить еще один фактор интенсификации миграции в мире, который приобрел особую актуальность в эпоху глобализации, — увеличение степени конфессиональной, культурной и этнической неоднородности стран и регионов современного мира, выразившееся в формировании параллельных сообществ (диаспор, этнических и конфессиональных меньшинств) в результате массовой миграции. На фоне низкого естественного прироста численности «коренного» населения стран Северной Америки и Европы в последние десятилетия доля мигрантов в нем неуклонно повышается. Европейский миграционный кризис 2014—2016 годов, в рамках которого в регион направились миллионы уроженцев стран Азии и Африки, чрезвычайно обострил в ЕС проблемы социальной и культурной адаптации мигрантов — прежде всего мусульман — к жизни в принимающих обществах [7]. Наиболее актуальны эти проблемы в странах, принявших больше всего мигрантов из мусульманских стран, в том числе в Швеции.

Как констатируют отечественные специалисты по международным отношениям Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамова, для членов параллельных мигрантских сообществ, особенно мусульманских, характерны уход от внешней среды (концентрация в анклавах), отказ от интеграции в европейское гражданское общество, создание параллельных органов власти [8]. Эти параллельные сообщества продолжают поддерживать тесные контакты со страной своего происхождения и оставшимися там родственниками, что способствует увеличению миграционного потока с их родины и препятствует культурной ассимиляции диаспоры, на что обратил внимание немецкий исследователь Т. Сарацин [9, с. 259—260]. С другой стороны, как указывает крупнейший отечественный демограф А.Г. Вишневецкий, миграции в эпоху глобализации могут стать мостом между различными цивилизациями, странами и народами [10, с. 319—325]. В этой связи необходимо отметить, что диаспоры часто играют ключевую роль в налаживании экономических связей своей новой родины со страной исхода, а различные мигрантские организации активно участвуют в интеграции своих членов в новую социокультурную среду через содействие в получении жилья, устройстве на работу или учебу.

Тем не менее усиление миграционных процессов в современном мире и обусловленное ими формирование параллельных сообществ в развитых странах с низкой рождаемостью могут привести к тому, что «коренное» население этих стран постепенно само станет меньшинством. Данный процесс получил название третьего демографического перехода, точкой отсчета которого, по мнению автора данной концепции — британского демографа Д. Коулмена, должно стать «априорное снижение численности коренного населения, прежде бывшего большинством, до уровня ниже 50% от общей численности» [11, с. 32]. Отечественный демограф М.А. Клупт подчеркивает в этой связи, что «в результате третьего перехода менее развитый мир приходит на Запад» [12, с. 67].

¹ United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. International Migration. URL: www.unmigration.org (дата обращения: 20.11.2019).

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования послужили национальные статистические источники, содержащие сведения о структуре миграции в Швецию и размещении мигрантов на территории страны². Конфессиональная принадлежность населения Швеции и стран миграционного исхода в эту страну анализируется на основе сводных статистических источников³, в том числе данных социологических опросов [13–15], а также монографических справочников [16].

В качестве ключевого индикатора, характеризующего изменения компонентной структуры конфессионального геопространства, предлагается использовать разработанный нами на примере религиозной ситуации в различных странах мира модифицированный индекс мозаичности (МИМ) [17], лишенный многих недостатков часто применяемого в отечественных исследованиях индекса мозаичности Эккеля [18]:

$$\text{МИМ} = \frac{1 - \sum_{i=1}^m \pi_i^2}{1 - 1/m},$$

где π_i — вклад (доля) i -го актора в структуру ситуации по тому или иному признаку; m — количество акторов.

В общем случае МИМ принимает значения в интервале от 0 до 1. Разделяя его на сегменты, получаем следующие значения для субинтервалов в случае мозаичности по тому или иному параметру: 0,000–0,280 — крайне гомогенные; 0,281–0,556 — относительно гомогенные; 0,557–0,820 — относительно гетерогенные; 0,821–1,000 — крайне гетерогенные [19, с. 129].

Выдвинутая нами гипотеза циклической динамики конфессионального геопространства под влиянием религиозной конкуренции [19, с. 173–204] согласуется с идеями Д. Коулмена о третьем демографическом переходе. Одной из возможных причин запуска цикла замещения одной религии другой может стать миграция в страну адептов религии, которая станет конкурентом доминировавшей прежде в конфессиональном пространстве этой страны. Согласно нашим расчетам, средняя продолжительность этого цикла в общем случае составляет в среднем 106 лет, он состоит из четырех фаз: начального, устойчивого замещения, паритета и окончательного замещения, каждая из которых имеет свою продолжительность и характеризуется определенными параметрами состояния структуры конфессионального пространства (табл. 1).

Таблица 1

Продолжительность и условия прохождения фаз, составляющих «усредненный» цикл религиозной конкуренции

Фаза	Продолжительность, лет	Условия прохождения	
		Значения МИМ	Структура конфессионального пространства
Начального замещения	18	МИМ \in (0,000; 0,280]	Доля замещаемой религии $\geq 87\%$

² Statistiska centralbyrån (SCB). URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 15.10.2019).

³ Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project: Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), COUNTRIES ONLY. URL: <http://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp> (дата обращения: 18.11.2019).

Окончание таблицы 1

Фаза	Продолжительность, лет	Условия прохождения	
		Значения МИМ	Структура конфессионального пространства
Устойчивого замещения	21	МИМ € [0,281; 0,556]	87 % > доля замещаемой религии ≥ 70 %
Паритета	29	МИМ € [0,557; 1,000] € [1,000; 0,557]	70 % > доля замещаемой религии ≥ 30 %
Окончательного замещения	38	МИМ € [0,556; 0,000)	Доля замещаемой религии < 30 %

Источник: [19, с. 225].

Результаты и их обсуждение

Внешние миграции издавна играли большую роль в демографическом развитии Швеции. Еще в Средневековье в Швецию прибывали выходцы из Северной Германии, в основном купцы и ремесленники. В XVII веке открытие крупных запасов железной руды привело к миграции с территории современной Бельгии валлонов-протестантов, бежавших от религиозных преследований на родине, обучивших шведов железоделательному ремеслу⁴.

С XVI века лютеранство стало государственной религией Швеции, и на деятельность других религиозных организаций накладывались ограничения. Согласно королевскому указу 1617 года постоянное проживание в стране лиц нелютеранского вероисповедания было исключено, а лица, проповедовавшие иные религии, приравнивались к изменникам и наказывались по всей строгости закона — вплоть до смертной казни. Поэтому иммиграция в Швецию лиц непротестантского вероисповедания была затруднительна.

Постепенно законодательство Швеции в области религиозной свободы становится более либеральным. В 1858 году был отменен закон, запрещающий религиозные собрания вне церковных зданий, в 1870 году сняты запреты на политическую деятельность для лиц нелютеранского вероисповедания, а в 1880 году разрешен переход из лютеранства в другую конфессию [20]; наконец, в 2000 году лютеранская Церковь Швеции потеряла государственный статус [21]. Тем не менее достаточно долго либерализация религиозной жизни в стране не приводила к значимому увеличению численности ее непротестантского населения, и в конфессиональном пространстве Швеции доминировал протестантизм в форме лютеранства.

Таким образом, до середины прошлого века внешние миграции не оказывали существенного влияния на этнический и конфессиональный состав населения Швеции; страна оставалась в целом моноэтничной и моноконфессиональной, а мигранты по большей части смогли натурализоваться, в том числе принять доминирующее лютеранское вероисповедание.

В послевоенные годы иммиграция в Швецию происходила по нарастающей — главной причиной этого стала благоприятная экономическая ситуация в стране. Бурно развивавшаяся после войны шведская экономика остро нуждалась в трудовых ресурсах. В 1950 году в Швеции насчитывалось уже 198 тыс. (2,8 % населения страны) мигрантов, половину из которых составляли выходцы из соседних скандинавских стран, более трети были уроженцами из других стран Европы (табл. 2).

⁴ Sweden and migration. URL: <https://sweden.se/migration> (дата обращения: 19.11.2019).

Таблица 2

**Структура иммиграции в Швецию по регионам происхождения иммигрантов
в 1950 – 1980 годах, тыс. чел.**

Регионы и страны происхождения иммигрантов	Год			
	1950	1960	1970	1980
Страны Скандинавии*	99,1	174,0	320,9	341,2
Финляндия	44,8	101,3	234,5	251,3
Страны ЕС-28**, кроме Скандинавских	76,2	76,0	139,2	151,3
Польша	7,8	6,3	10,8	20,0
Германия	21,6	37,6	41,8	39,0
Великобритания	2,1	2,7	5,4	8,2
Греция	0,0	0,3	11,8	15,1
Венгрия	2,0	8,5	10,6	12,9
Другие страны Европы	9,3	35,1	48,2	61,2
Югославия	0,2	1,5	33,8	38,0
СССР	8,1	31,9	7,2	6,8
Турция	0,1	0,2	3,8	14,4
Страны Азии	0,9	1,5	5,9	30,3
Страны Северной Америки	11,3	11,7	15,6	14,5
Страны Южной Америки	0,4	0,7	2,3	17,2
Чили	0,0	0,0	0,2	8,3
Страны Африки	0,3	0,6	4,1	10,0
<i>Всего</i>	197,8	299,9	537,6	626,9

Источник. Рассчитано и составлено авторами по: *Folkmängd efter födelseland 1900–2018*. Statistiska centralbyrån (SCB). URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 19.11.2019).

Примечание: * Здесь и далее под Скандинавией понимаются Норвегия, Швеция, Дания, Исландия и Финляндия. ** Здесь и далее границы ЕС берутся по состоянию на 1 января 2020 года.

После либерализации миграционного законодательства в 1950-х годах на шведский рынок труда хлынула волна трудовых мигрантов⁵, большинство из которых составляли выходцы из скандинавских стран, Германии, стран Восточной Европы (Югославии, прибалтийских республик СССР). Послевоенный этап миграции в Швецию продолжался до конца 1970-х годов, когда правительство страны стало постепенно отказываться от поддержки трудовой миграции. Особенностью послевоенного этапа миграции была относительная однородность миграционного потока в страну, представленного в основном адептами западного христианства.

С 1950 по 1970 год в формировании миграционного потока в Швецию росло значение одного региона мира — скандинавского. Именно в 1970 году численность мигрантов из стран Скандинавии достигла своего максимума — почти 60% всех прибывших в страну (из которых почти $\frac{3}{4}$ были из Финляндии), более четверти иммигрантов составляли выходцы из стран, входящих в настоящее время в ЕС, и лишь

⁵ *Sweden and Migration. Post war immigration*. Swedish Institute (SI) URL: <https://sweden.se/migration/#1940> (дата обращения: 17.02.2020).

около 15 % приходилось на остальные регионы мира. Если далее рассчитать значение МИМ по регионам происхождения мигрантов, то за период с 1950 по 1970 год значение МИМ уменьшалось, достигнув своего минимума за всю новейшую историю Швеции — 0,789 — в 1970 году, впервые перейдя от крайней гетерогенности к уровню относительной гетерогенности (табл. 3).

Таблица 3

Динамика МИМ для иммигрантов и доли религиозных общин в населении Швеции в 1950—1980 годах

Показатель	1950	1960	1970	1980
МИМ потока иммигрантов в Швецию	0,887	0,837	0,789	0,825
МИМ религиозного населения Швеции	0,037	0,035	0,065	0,123
Доля протестантов в религиозном населении, %	98,354	98,376	96,991	94,171
Доля католиков в религиозном населении, %	0,397	0,430	0,973	1,509
Доля православных в религиозном населении, %	0,079	0,162	0,519	1,022
Доля мусульман в религиозном населении, %	0,016	0,028	0,176	1,556
Доля религиозного населения во всем населении Швеции, %	90,014	82,609	75,204	73,840

Источник. Рассчитано и составлено авторами по: *Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project: Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), COUNTRIES ONLY.* URL: <http://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp> (дата обращения: 18.11.2019).

Однако с 1970-х годов иммиграция в Швецию становится более разнообразной благодаря увеличению численности иммигрантов из стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также Европы, не входящих в ЕС. Изменение географической структуры иммиграции в Швецию повлекло за собой увеличение значения МИМ по регионам происхождения мигрантов, который в 1980 году составил 0,825, вернувшись, таким образом, к значению крайней гетерогенности.

В среднем более 70—75 % мигрантов в послевоенный период приходилось на страны культурно, исторически и конфессионально близкие Швеции, поэтому до 1970 года уменьшение доли лютеран в религиозном населении Швеции было фактически незаметным. Тем не менее значение МИМ религиозного населения Швеции росло весь послевоенный период, что свидетельствует об увеличении доли адептов непротестантских конфессий в стране, происходившем за счет диверсификации миграционного потока [22].

Мигранты из Польши, Венгрии, стран Латинской Америки исповедовали в основном католицизм; из Греции, Румынии — православие; из Турции и Ирана — ислам; уроженцы Югославии в зависимости от национальной принадлежности придерживались ислама, католицизма или православия. Именно миграция, а не религиозная конверсия (к тому же вообще мало характерная для шведов) стала главной причиной изменений в конфессиональной структуре населения Швеции. При анализе конфессиональной структуры населения Швеции мы берем только религиозное население, что обусловлено широким распространением в стране процессов секуляризации, приведших к отходу значительной доли шведов (как и мигрантов из Скандинавских стран и Западной Европы) от религии [23; 24].

Всего с 1950 по 1980 год количество католиков в Швеции выросло почти в 4 раза, православных — в 12,5 раз, мусульман — почти в 100 раз. Благодаря послевоенной миграции в Швеции также впервые возникли религиозные общины буддистов из Китая и Таиланда, бахаистов из Ирана и т.д. Таким образом, в конфессиональном пространстве Швеции с ростом его мозаичности появились религии, способные в дальнейшем конкурировать с лютеранством, то есть запустить в конфессиональном пространстве страны цикл религиозной конкуренции.

С конца 1970-х годов структура иммиграции в Швецию стала меняться, что было обусловлено уменьшением спроса на рабочую силу ввиду низкой экономической конъюнктуры в стране и общего сокращения занятости в промышленности. Возможность получения разрешения на работу в Швеции осталась фактически лишь у граждан Скандинавии, а с 1995 года — еще и у граждан стран ЕС. Поэтому трудовых мигрантов из развитых государств сменяют беженцы и переселенцы из стран развивающихся, принадлежащих к иной по сравнению со шведами культуре и религии [25]. Миграционная политика страны отличалась гуманностью, руководство государства позиционировало Швецию как «гуманитарную сверхдержаву»⁶. В стране уделялось большое внимание защите прав человека, поэтому прием беженцев, спасавшихся от политических преследований, войн, бедности и голода, получал широкую поддержку в шведском обществе.

В современной истории Швеции можно проследить несколько миграционных волн. Так, в 1970-х годах Швеция приняла беженцев из Чили, спасавшихся от диктаторского режима генерала А. Пиночета, и Уганды, бежавших от преследований И. Амина; затем, в 1980-е годы, последовали граждане Ирана и Ирака, бежавшие от военных действий между этими странами [26].

В 1990-е годы пришла очередь массовой иммиграции беженцев в Швецию. Ее первый пик был обусловлен потоком беженцев из бывшей Югославии (прежде всего боснийцев), переживавшей в этот период гражданскую войну. Только в 1992 году — пиковом по количеству беженцев — страна предоставила убежище 84 тыс. мигрантов, в основном из бывшей Югославии. Продолжился также прием беженцев из стран Ближнего Востока и Африканского Рога, искавших в Швеции убежища от военных конфликтов и экономической нестабильности, потрясавших их государства (табл. 4).

Таблица 4

**Структура иммиграции в Швецию по регионам происхождения иммигрантов
в 1990—2018 годах, тыс. чел.**

Регионы и страны происхождения иммигрантов	Год			
	1990	2000	2010	2018
Страны Скандинавии	319,1	279,6	263,2	235,6
Финляндия	217,6	195,4	169,5	147,9
Страны ЕС-28, кроме Скандинавских	175,7	193,1	274,2	369,7
Польша	35,6	40,1	70,2	92,8
Германия	37,8	38,1	48,2	51,1
Румыния	8,8	11,8	19,7	31,0
Другие страны Европы	71,2	169,3	216,0	259,2
Югославия	43,3	72,0	70,8	65,1
Босния и Герцеговина	...	51,5	62,1	59,4
Турция	25,2	31,9	42,5	50,0
Страны Азии	124,4	220,7	410,1	745,3
Сирия	5,9	14,2	20,8	186,0

⁶ Новую волну иммигрантов Швеция тоже выдержит // Radio Sweden Russian. URL: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5945202> (дата обращения: 22.11.2019).

Окончание таблицы 4

Регионы и страны происхождения иммигрантов	Год			
	1990	2000	2010	2018
	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
Ирак	9,8	49,4	121,8	144,0
Иран	40,1	51,1	62,1	77,4
Афганистан	0,5	4,3	14,4	52,0
Таиланд	5,0	10,4	31,4	42,4
Индия	9,1	11,1	17,9	35,2
Страны Северной Америки	19,1	24,3	31,3	40,1
Страны Южной Америки	44,2	50,9	63,7	72,5
Страны Африки	27,3	55,1	114,9	219,9
Сомали	1,4	13,1	37,9	68,7
Эритрея	...	3,1	10,3	42,3
<i>Всего</i>	790,4	1003,8	1384,9	1955,6

Источник. Рассчитано и составлено авторами по: *Folkmängd efter födelseland 1900—2018*. Statistiska centralbyrån (SCB). URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 19.11.2019).

В дальнейшем, в 2000-х годах объем миграции из данных регионов не только не уменьшился, но даже возрос. Росту численности беженцев способствовало, во-первых, шведское законодательство, обеспечивавшее право семей на воссоединение, в результате чего в страну устремились родственники мигрантов. Около половины всех мигрантов, приехавших в страну начиная с 1990-х годов, прибыли в Швецию именно по линии воссоединения семей [27]. Во-вторых, ситуация в странах, поставлявших беженцев в Швецию, не улучшалась — скорее, наоборот, американское вторжение в Ирак в 2003 году увеличило численность мигрантов из этой страны почти в три раза всего за десятилетие. Так, только в один небольшой шведский город Сёдертелье, расположенный недалеко от Стокгольма, в 2007 году приехали 1268 иракцев — больше, чем в этот год приняли у себя США и Канада вместе взятые⁷.

Причиной следующей волны беженцев в Швецию стала «арабская весна» 2011 года и последовавшие за ней события на Ближнем Востоке, в том числе начавшиеся в Сирии и Ираке гражданские войны. Эти события многократно увеличили поток беженцев из стран Ближнего Востока и Африки в Европу, вызвав европейский миграционный кризис. Швеция стала страной, которая приняла самое большое число беженцев в Европе на душу населения. В 2014 году в стране оказалась 81 тыс. беженцев, а в 2015 году, на пике миграционного кризиса, в Швецию прибыло уже более 162 тыс. искателей убежища⁸. В 2014 году каждый пятый иммигрант в Швеции был уроженцем Сирии, в 2015-м — уже фактически каждый четвертый. С 2017 года сирийцы стали самой многочисленной группой мигрантов в стране, оттеснив на второе место финнов, лидировавших по этому показателю с начала прошлого столетия; на третьем месте оказались иракцы, лишь немного уступавшие уроженцам Финляндии по численности⁹.

⁷ *Statistics Sweden*, Tables on the population in Sweden 2007. URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 20.11.2019).

⁸ *Migration Policy Debates* N°13 January 2017. OECD. URL: www.oecd.org/migration (дата обращения: 18.11.2019).

⁹ *Utrikes födda samt födda i Sverige med en eller två utrikes födda föräldrar efter födelseland/ursprungsland*, 31 december 2018, totalt. URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 20.11.2019).

К числу наиболее быстрорастущих в 2010-х годах мигрантских групп Швеции также относятся уроженцы Афганистана, Эритреи, Сомали, Индии, Ирана и др. В настоящее время более половины всех мигрантов, прибывающих в Швецию, — это просители убежища и члены семей мигрантов, проходящих по программе воссоединения семей.

Расширение географии иммиграции в Швецию в 1990—2018 годах (о чем свидетельствует увеличение значение МИМ для структуры миграционного потока), произошедшее прежде всего за счет роста численности иммигрантов из стран Азии и Африки, закономерно привело к изменению конфессионального пространства страны. Большинство мигрантов из Сирии, Ирака, Ирана, Афганистана, Боснии и Герцеговины, Сомали, Косово, около половины выходцев из Эритреи исповедовали ислам. В целом, исходя из конфессиональной структуры населения стран, «продуцирующих» иммиграцию в Швецию, по нашим расчетам, мусульмане составляли несколько более 80 % иммигрантов в страну. Поэтому в конфессиональной структуре населения Швеции более всего выросла доля мусульманского населения. При этом наибольшее увеличение численности адептов ислама в Швеции наблюдалось в 1990-е годы и после 2010 года, что хронологически соответствует двум основным волнам прибытия беженцев в страну — югославско-боснийской и сирийско-иракской (табл. 5).

Таблица 5

**Динамика МИМ для иммигрантов и доли религиозных групп
в населении Швеции в 1990—2018 годах**

Показатель	1990	2000	2010	2018
МИМ потока иммигрантов в Швецию	0,910	0,946	0,964	0,971
МИМ религиозного населения Швеции	0,183	0,228	0,260	0,311
Доля протестантов в религиозном населении, %	91,160	88,566	86,856	83,371
Доля католиков в религиозном населении, %	1,713	1,934	2,194	2,248
Доля православных в религиозном населении, %	1,539	2,083	2,036	1,903
Доля мусульман в религиозном населении, %	2,998	6,265	7,754	13,850
Доля религиозного населения во всем населении Швеции, %	72,477	71,113	68,485	67,050

Источник. Рассчитано и составлено авторами по: *Brown D., James P. Op. cit.*

Всего за 1990—2018 годы доля мусульман в религиозном населении Швеции выросла более чем в 4,6 раза и составляет почти 14 % религиозного населения страны, а их численность, по нашим подсчетам, — 950 тыс. человек. Доля католиков — в значительной степени из-за увеличения потока мигрантов из Польши — возросла в 1,3 раза, а православных — немного уменьшилась. За тот же период в Швеции появились значительные группы представителей других религий, каждая из которых генетически связана с определенной группой иммигрантов. Так, большинство индуистов — выходцы из Индии и Шри-Ланки, буддистов — из Китая и Таиланда, бахаистов — из Ирана, алевитов — из Турции, йезидов и мандеев¹⁰ — из Ирака и др. О превращении Швеции в результате иммиграции в поликонфессиональную

¹⁰ Мандеи — адепты сохранившейся до наших дней древней гностической религии, родина которой — южные районы Ирака. Вследствие миграции Швеция стала страной, в которой проживает крупнейшая в мире по численности группа мандеев (11 тыс.) [28].

страну свидетельствует увеличение значения МИМ религиозного населения, пики которого также хронологически совпадают с максимумами прибытия беженцев в Швецию: в 1990-х и 2010-х годах.

В настоящее время Швеция в прямом смысле слова стала страной иммигрантов: в 2018 году 930 тыс. человек (9,1 % населения страны) были гражданами других стран, более 1,2 млн шведских граждан родились за рубежом. Всего в Швеции проживают 2,5 млн человек (почти 25 % населения), имеющих иностранное происхождение, то есть либо они сами, либо хотя бы один из их родителей родились за границей¹¹. Мигранты в Швеции размещены крайне неравномерно, более половины их сосредоточено всего в 3 из 21 лена (губернии) страны — Стокгольме, Вестра-Гёталанде и Сконе, прежде всего в центрах этих административных единиц — крупнейших в стране городских агломерациях Стокгольма, Гётеборга и Мальмё. В этих же ленах сконцентрировано почти 60 % мигрантов из мусульманских стран в Швеции. Особенно много мусульман в лене Стокгольм — 27 % от их численности в стране (около 260 тыс. человек), что составляет более 22 % верующего населения лена. В Ринкебю — округе на северо-западной окраине Стокгольмской агломерации, известном как «Маленький Могадишо», — адепты ислама составляют около 80 % жителей. Примерно такая же ситуация сложилась в районе Мальмё Русенгорд, в населении которого 86 % составляли лица иностранного происхождения — прежде всего выходцы из Ирака, Боснии и Герцеговины, Ливана, Сомали, Афганистана и других преимущественно мусульманских стран¹².

Преобладание начиная с 1990-х годов в структуре иммиграции инокультурного и иноконфессионального компонентов затрудняет, а в отношении иммигрантов-мусульман фактически делает невозможной их интеграцию в шведское общество¹³, способствует социальной деградации и криминализации мигрантов, приводя к формированию в Швеции параллельных мигрантских сообществ. Параллельные сообщества концентрируются в так называемых незащищенных районах — анклавов, где государственной монополии на соблюдение законности и порядка бросается вызов со стороны институтов традиционного лидерства, основанного на исламских религиозных нормах, чуждых западноевропейским либеральным ценностям. В 2017 году в стране насчитывался 61 незащищенный район, в котором проживало 560 тыс. человек, или более 5 % населения страны¹⁴; по данным шведской полиции, там действуют 5 тыс. преступников и 200 преступных сетей. При этом 23 таких района с общей численностью населения 200 тыс. человек, в том числе Ринкебю в Стокгольме и Русенгорд в Мальмё, отнесены правительством к категории особо незащищенных, контроль за которыми со стороны шведских властей фактически потерян [29, с. 136].

Таким образом, внешние миграции всего за полвека смогли трансформировать конфессиональное пространство Швеции. Диверсификация миграционного потока в страну, прежде всего за счет роста численности иммигрантов из преимущественно мусульманских стран, привела к увеличению доли адептов ислама в на-

¹¹ *Befolkningsstatistik i sammandrag 1960—2018*. URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 20.11.2019).

¹² *Sweden and migration*. URL: <https://sweden.se/migration> (дата обращения: 19.11.2019).

¹³ *Веретевская А. В.* Мусульмане в Швеции: обострение интеграционного кризиса // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/musulmane_v_shvecii_obostrenije_integracionnogo_krizisa_2013-09-12.htm (дата обращения: 19.11.2019).

¹⁴ *Här är fakta om de 556.000 som lever i utsatta områden* // Dagens Nyheter. URL: <https://www.dn.se/debatt/har-ar-fakta-om-de-556000-som-lever-i-utsatta-omraden/> (дата обращения: 19.11.2019).

селении, запустив цикл замещения протестантизма исламом в конфессиональном пространстве Швеции. Первая фаза цикла религиозной конкуренции — начального религиозного замещения — стартовала в 1994 году, когда мусульманская иммиграция из Югославии, Боснии и Герцеговины, Ирана и Ирака была максимальной. О прохождении конфессиональным пространством Швеции фазы начального замещения цикла религиозной конкуренции свидетельствует то, что к 2010 году значение МИМ религиозного населения оставалось ниже 0,280, а доля адептов ислама в стране выросла почти до 8 %.

Пик следующей волны мусульманской миграции в Швецию пришелся на 2014—2015 годы, когда в страну прибыло рекордное количество беженцев из стран Ближнего Востока и Африканского Рога, что привело к смене фазы начального замещения следующей фазой цикла религиозной конкуренции. Таким образом, продолжительность первой фазы цикла в Швеции — 20—21 год — примерно соответствует ее средней продолжительности (18 лет). К 2018 году значение МИМ конфессиональной структуры населения выросло до 0,311, а доля мусульман — до 14 %, что соответствует параметрам следующей фазы цикла религиозной конкуренции — устойчивого замещения: с учетом ее средней продолжительности в идеальном цикле, равной 21 году, мы можем предположить, что фаза устойчивого замещения сменится фазой паритета в 2036—2040 годах, то есть к этому времени доля мусульман в религиозном населении Швеции может достичь порога в 30 %. Интересно отметить, что наш прогноз согласуется с данными исследовательского центра Pew Research Center, согласно которым в случае продолжения масштабной иммиграции в Швецию к 2050 году доля мусульман в ее населении превысит 30 % [13]. Впрочем, фаза паритета уже стала реальностью в отдельных кварталах крупнейших шведских городов, в которых мусульмане составляют большинство населения.

Заключение

Современную Швецию можно назвать страной, которая одной из первых в мире за последние полвека прошла путь от моноэтничного государства с доминирующей государственной религией к стране с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения. Ключевым фактором, преобразовавшим шведское общество, изменившим его культурные традиции и сам цивилизационный императив развития, стала внешняя миграция. Сначала вызванная экономическими причинами — нехваткой трудовых ресурсов для бурно растущей экономики, миграция затем превратилась в гуманитарную «обязанность» Швеции по приему беженцев из наиболее неблагополучных регионов мира. Рост численности мусульманской общины, постепенно становящейся, а в некоторых районах страны уже ставшей «вторым большинством» после адептов лютеранства, порождает серьезные проблемы по ее адаптации в шведское общество. Оказалось, что не только мигранты, но и сами шведы, принадлежащие к различным религиям и имеющие часто противоположные ценностные ориентиры, не готовы к совместному сосуществованию в едином пространстве страны. Именно этим объясняется нарастающая культурная, социальная и географическая изоляция беженцев в Швеции, наиболее ярко выразившаяся в появлении в стране устойчивых параллельных мигрантских сообществ. В настоящее время шведская политическая элита пока не смогла выработать новой миграционной стратегии. С одной стороны, у «старых» системных политических партий сформировался устойчивый консенсус относительно образа Швеции как «мультикультурной гуманитарной сверхдержавы», не предполагающий дискриминационных ограничительных мер по отношению к мигрантам из мусульманских

стран. Однако, с другой стороны, многие политики в Швеции не могут не замечать запроса значительной части шведов на сокращение миграции в их страну. Результатом именно этого запроса стал взлет популярности новой политической партии «Шведские демократы», получившей на последних выборах в риксдаг в 2018 году рекордные 62 мандата (17,6 % голосов избирателей) и требующей защитить национальную идентичность, благосостояние и безопасность шведских граждан от наплыва иммигрантов из мусульманских стран [30]. Конечно, сейчас уже невозможно представить, что Швеция может снова стать моноэтническим государством, а исповедание отличной от протестантизма религии будет приравнено в стране к государственной измене. Однако, по нашему мнению, правительство Швеции под напором избирателей все же будет вынуждено изменить свою «щедрую» политику по отношению к мигрантам на более прагматичную, ввести определенные ограничения на прием беженцев, что приведет к замедлению хода цикла религиозной конкуренции в стране.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00054).

Список литературы

1. Синцеров Л. М. География международных миграций населения в современную эпоху глобализации // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2019. № 2. С. 31—40. doi: 10.31857/S2587-55662019231-40.
2. Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М., 2006.
3. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.
4. Тоффлер Э. Футурошок. СПб., 1997.
5. Римашевская Н. М., Галецкий В. Ф., Овсянников А. А. Население и глобализация. 2-е изд. М., 2004.
6. Коллиер П. Исход. Как миграция изменяет наш мир. М., 2016.
7. Агафшин М. М., Горохов С. А. Пространственная динамика ислама в странах ЕС // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Естественные науки. 2019. № 1. С. 8—20. doi: 10.18384/2310-7189-2019-1-8-20.
8. Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 5—16.
9. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М., 2012.
10. Вишневский А. Г. Время демографических перемен: избранные статьи. М., 2015. С. 319—325.
11. Коулмен Д. Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью — третий демографический переход в действии? // Миграция и развитие: доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 15—15 сентября 2007 г. : сб. ст. / гл. ред. В. А. Ионцев. М., 2007. С. 12—48.
12. Клупт М. А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 60—71.
13. Hackett C., Connor P., Stonawski M., Potančoková M. Europe's Growing Muslim Population. Washington, D.C., 2017.
14. Grim B., Sameena M. The Future of Global Muslim Population. Projections for 2010—2030. Washington, D.C., 2011.
15. Hackett C., Connor P., Stonawski M. et al. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010—2050. Washington, D.C., 2015.
16. Kettani H. The World Muslim Population, History & Prospect. Singapore, 2014.

17. *Горохов С.А.* Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2014. № 4. С. 56—61.
18. *Эккель Б.М.* Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33—42.
19. *Горохов С.А.* Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2017.
20. *Чернышева О.В., Комаров Ю.Д.* Церковь в скандинавских странах. М., 1988.
21. *Лункин Р.Н.* Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм // Современная Европа. 2011. № 2. С. 125—137.
22. *Балабейкина О.А., Мартынов В.Л.* Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 3. С. 113—127. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-6.
23. *Андреева Л.А., Смирнов М.Ю., Щербаков В.П.* Процесс дехристианизации в Европейском союзе // Современная Европа. 2018. № 5 (84). С. 120—130. doi: 10.15211/soveurope52018120130.
24. *Gorokhov S.A., Dmitriev R.V.* Experience of geographical typology of secularization processes in the modern world // Geography and Natural Resources. 2016. Vol. 37, № 2. P. 93—99. doi: 10.1134/S1875372816020013.
25. *Westin C.* Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism. Washington, D.C., 2006. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/sweden-restrictive-immigration-policy-and-multiculturalism> (дата обращения: 20.02.2020).
26. *Плевако Н.С., Чернышева О.В.* Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. 2-е изд., доп. М., 2019.
27. *Волков А.М.* Мигранты в странах Северной Европы: шведский подход // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 4. С. 104—119. doi: 10.24411/2073-6487-2018-00063.
28. *Larsson G., Sorgenfrei S., Stockman M.* Religiösa minoriteter från Mellanöstern. Stockholm, 2017.
29. *Гришин И.В.* Иммиграция и общество: проблемы взаимoadaptации в Швеции // Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / отв. ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М., 2018. С. 122—151. doi: 10.20542/978-5-9535-0538-3.
30. *Плевако Н.С.* Парламентский кризис в Швеции 2018 г. и «третья сила» // Современная Европа. 2019. № 2. С. 95—105. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope2201995105>.

Об авторах

Максим Михайлович Агафшин, ассистент кафедры экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максаковского, Московский педагогический государственный университет, Россия.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

Станислав Анатольевич Горохов, доктор географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия; ведущий научный сотрудник, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Россия.

E-mail: stgorohov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>

IMPACT OF EXTERNAL MIGRATION ON CHANGES IN THE SWEDISH RELIGIOUS LANDSCAPE

M. M. Agafoshin^a
S. A. Gorokhov^{b, c}

^a Moscow Pedagogical State University,
1/1 M. Pirogovskaya Str., Moscow, Russia, 119991

^b Institute of Geography Russian Academy of Science,
29 Staromonetny Per., Moscow, Russia, 119017

^c Pushkin Leningrad State University,
10 Petersburgskoe sh., Pushkin, St. Petersburg, Russia, 196605

Received 31 December 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-6

© Agafoshin M. M., Gorokhov S. A., 2020

For most of its history, Sweden has been a country dominated by the Lutheran Church, having the status of the official state religion. Starting in mid-to-late 20th century, mass immigration to Europe had a considerable impact on the confessional structure of Sweden's population. The growing number of refugees from the Balkan Peninsula, the Middle East, and Africa has turned Sweden into a multi-religious state. Sweden has become one of the leaders among the EU countries as far as the growth rates of adherents of Islam are concerned. Immigrants are exposed to adaptation difficulties causing their social, cultural and geographical isolation and making relatively isolated migrant communities emerge. This study aims at finding correlation between the changes in the confessional structure of Swedish population (as a result of the growing number of non-Christians) and the geographical structure of migrant flows into the country. This novel study addresses the mosaic structure of the Swedish religious landscape taking into account the cyclical dynamics of replacement of Protestantism by Islam. The methods we created make it possible to identify further trends in the Sweden's religious landscape. This study adds to results of the complex sociological and demographic studies of the confessional structure of the Swedish population.

Keywords:

Sweden, migration, confessional structure of population, religious landscape, Islam, refugees, parallel societies

References

1. Sintserov, L.M. 2009, Geography of international migration in the modern age of globalization, *Izvestiya Rossiiskaya Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya*, no. 2, p. 31–40. doi: 10.31857/S2587-55662019231-40 (In Russ.).
2. Friedman, T. 2006, *Ploskii mir. Kratkaya istoriya XXI veka*. [The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century], Moscow, 608 p. (In Russ.).
3. Attali, J. 1993, *Na poroge novogo tysyacheletiya* [Millennium: winners and losers in the coming world order], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 135 p. (In Russ.).
4. Toffler, E. 1997, *Futuroshok* [Future Shock], Saint Petersburg, Lan', 461 p. (In Russ.).
5. Rimashevskaya, N.M. 2004, *Naselenie i globalizatsiya* [Population and globalization], vol. 2, Moscow, Nauka, 322 p. (In Russ.).
6. Collier, P. 2016, *Iskhod. Kak migratsiya izmenyaet nash mir* [Exodus: How Migration is Changing Our World], Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 384 p. (In Russ.).

7. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A. 2019, Spatial dynamics of islam in EU countries, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki*. [Bulletin of the Moscow region state university. Natural sciences series.], no. 1, p. 8—20. doi: 10.18384/2310-7189-2019-1-8-20 (In Russ.).
8. Fituni, L.L., Abramova, I.O. 2017, The Phenomenon of “Eastern Society” in Contemporary Europe: Paradigmes, Challenges, Forecasts, *Sovremennaya Evropa*, no. 4(76), p. 5—16 (In Russ.).
9. Sarrazin, T. 2012, *Germaniya: samolikvidatsiya* [Germany Abolishes Itself], Moscow, Rid Grupp, 400 p. (In Russ.).
10. Vishnevskii, A.G. 2015, *Vremya demograficheskikh peremen: izbrannye stat'i* [The Time for Demographic Change: Featured Articles], Moscow, Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 517 p. (In Russ.).
11. Coleman, D. 2007, Immigration and ethnic shifts in low fertility countries — a third demographic transition in action? In: Iontsev, V.A., *Migratsiya i razvitie*, Materials of the International Scientific Conference, 13—15 September 2007, Moscow, p. 12—48 (In Russ.).
12. Klupt, M.A. 2010, Demographic notification of XXI century: theory and reality, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8. p. 60—71 (In Russ.).
13. Hackett, C., Connor, P., Stonawski, M., Potančoková, M. 2017, *Europe's Growing Muslim Population*, Washington, D.C., Pew Research Center, 59 p.
14. Grim, B., Sameena, M. 2011, *The Future of Global Muslim Population. Projections for 2010—2030*. Washington, D.C., Pew Research Center, 209 p.
15. Hackett, C., Connor, P., Stonawski, M., Skirbekk, V., Potančoková, M., Abel, G. 2015, *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010—2050*, Washington, D.C., Pew Research Center, 245 p.
16. Kettani, H. 2014, *The World Muslim Population, History & Prospect*, Singapore, Research Publishing Services, 584 p.
17. Gorokhov, S.A. 2014, Religious fractionalization as a factor of regional economic development in the modern world, *Vestnik Moskovskogo Unviersiteta, Seriya Geografiya*, no. 4, p. 56—61 (In Russ.).
18. Ekkel, B.M. 1976, Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR, *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], no. 2, p. 33—42 (in Russ.).
19. Gorokhov, S.A. 2017, *Dinamika konfessional'nogo geoprostranstva mira pod vlianiem religioznoi konkurentсии* [The Dynamics of the World's Confessional Geospace Affected by Religious Competition], PhD Thes., Moscow, 394 p. (in Russ.).
20. Chernysheva, O.V., Komarov, Yu.D. 1988, *Tserkov' v skandinavskikh stranakh* [Church in the Scandinavian countries], Moscow, Nauka, 174 p. (in Russ.).
21. Lunkin, R.N., 2011, The Church and society in Sweden: modern Swedish liberalism and conservatism, *Sovremennaya Evropa*, no. 2(46), p. 125—137 (In Russ.).
22. Balabeykina, O.A., Martynov, V.L. 2017, The Denominational Space of Modern Sweden: Christianity, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 3, p. 87—98. doi: 10.5922/2079-8555-2017-3-6.
23. Andreeva, L.A., Smirnov, M.Yu., Shcherbakov, V.P. 2018, The process of De-Christianization in the European Union, *Sovremennaya Evropa*, no. 5(84), p. 120—130. doi: 10.15211/soveurope52018120130 (in Russ.).
24. Gorokhov, S.A., Dmitriev, R.V. 2016, Experience of geographical typology of secularization processes in the modern world, *Geography and Natural Resources*, vol. 37, no. 2. p. 93—99. doi: 10.1134/S1875372816020013.
25. Westin, C. 2006, Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism, *Washington, D.C.: Migration Policy Institute (MPI)*, available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/sweden-restrictive-immigration-policy-and-multiculturalism> (accessed 20 February 2020).
26. Plevako, N.S., Chernysheva, O.V. 2019, *Mozhno li stat' shvedom? Politika adaptatsii i integratsii immigrantov v Shvetsii posle Vtoroi mirovoi voiny* [Is it possible to become a Swede? immigrant Adaptation and integration policy in Sweden after World War II], 2th ed., Moscow, KRASAND, 326 p. (in Russ.).
27. Volkov, A.M. 2018, Migrants in the Nordic countries: Swedish approach, *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian

Academy of Sciences], no. 4, p. 104–119. doi: 10.24411/2073-6487-2018-00063 (in Russ.).

28. Larsson, G., Sorgenfrei, S., Stockman, M. 2017, *Religiösa minoriteter från Mellanöstern* [Religious minorities from the Middle East], Stockholm, Myndigheten för stöd till trossamfund, 184 p. (in Swed.).

29. Grishin, I.V. 2018, Immigration and society: problems of mutual adaptation in Sweden. In: Tsapenko, I.P., Grishin, I.V. (eds) *Integration of migrants with different cultural background: prospects of interculturalism*, Moscow, IMEMO RAN, p. 122–151. doi: 10.20542/978-5-9535-0538-3 (in Russ.).

30. Plevako, N.S. 2019, The Parliamentary Crisis in Sweden in 2018 and the “Third Force”, *Sovremennaya Evropa*, no. 2(86), p. 95–105. doi: 10.15211/soveurope2201995105 (in Russ.).

The Authors

Maxim M. Agafoshin, Assistant Professor, Department of Economic and Social Geography, Moscow Pedagogical State University, Russia.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

Prof. Stanislav A. Gorokhov, Leading Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Pushkin Leningrad State University, Russia

E-mail: stgorohov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ТЕОРИЯ ПЕРИФЕРИЙНОГО КАПИТАЛИЗМА: К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛИ К СТРАНАМ ПРИБАЛТИКИ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА

И. А. Максимцев^а

Н. М. Межевич^б

Н. П. Сирота^а

^а Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

^б Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11–3

Поступила в редакцию 01.08.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-7

© Максимцев И. А., Межевич Н. М.,
Сирота Н. П., 2020

Актуальность исследования постсоветского транзита связана с решением задач, формально теоретических, но крайне важных для понимания процессов регионального развития в восточной части Балтийского моря. Цель исследования — верификации теории периферийного капитализма применительно к странам Прибалтики. Первая теоретическая задача связана с разграничением представлений о модернизации и трансформации в региональном контексте. Вторая задача — конкретизация теории периферийного капитализма применительно к малым странам. Для изучения специфики трансформации экономических и политических систем стран Прибалтики в статье используется компаративный анализ как основной метод. Задействованы также системный анализ и принципы теоретического и эмпирического анализа, в том числе количественные и качественные подходы. Опираясь на эту основу, авторы выявили определенные недостатки теоретико-методологического потенциала исследований транзита. К их числу следует отнести претензию на завершенность теоретико-методологического потенциала транзита применительно к миру постсоциалистической и постсоветской Европы. Различия географического характера между Латинской Америкой и странами Прибалтики настолько очевидны, что скрывают экономическое сходство процессов и моделей развития, свойственных латиноамериканским странам и странам Прибалтики. Анализ процессов, протекающих в Латинской Америке, позволяет спрогнозировать экономические и частично политические последствия тех тенденций, которые еще не имеют в странах Прибалтики достаточных внешних проявлений. Доказательству этого тезиса посвящена данная статья.

Ключевые слова:

транзит, трансформация, модернизация, теория периферийного латиноамериканского капитализма, Эстония, Латвия, Литва

Для цитирования: Максимцев И. А., Межевич Н. М., Сирота Н. П. Теория периферийного капитализма: к вопросу о применимости латиноамериканской модели к странам Прибалтики: опыт междисциплинарного анализа // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 100–117. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-7.

Введение. Теории транзита и специфика их имплементации в странах Прибалтики

Актуальность задачи теоретического объяснения транзита остается неизменной уже тридцать лет. Почему проблематика оценки, систематизации, анализа эволюции национальных экономических моделей остается в центре внимания ученых? Часть причин очевидна. Мировая экономика находится в процессе постоянных изменений, равным образом в экономических практиках пост-социализма наблюдается все большее разнообразие. Впрочем, основная проблема не в разнообразии, а в качестве развития. Можно сформулировать и несколько более масштабно: «основополагающая теоретико-методологическая установка «транзитологической парадигмы», трактующая современные политические трансформации как движение от авторитарного режима к консолидированной демократии, требует серьезного переосмысления» [1, с. 66]. Это предупреждение было написано в 2004 году, но не было услышано. Тезис об окончании транзита продолжает обсуждаться. Академический вклад в науку Ф. Фукуямы очевиден и велик. Поставить точку в истории не удалось, но найти момент поворота — получилось. Однако момент поворота оказался несколько более протяженным, чем казалось изначально, то есть в начале 90-х годов прошлого века.

Выборы в Европарламент и последовавшие за этим избрания руководства Европейским союзом не столько вызвали, сколько актуализировали старую дискуссию об эффективности транзита на Востоке Европы [2; 3].

При этом необходимость подобного анализа очевидна. Страны Прибалтики — это единственная часть постсоветского пространства, интегрированная в Европейский союз. Эстония, Латвия, Литва — соседи России, и их опыт в течение долгого времени считался «образцовым», это также привлекает внимание ученых. Социально-экономические процессы, протекающие в соседних государствах, также не могут не быть предметом исследования, в том числе и из соображений национальной безопасности.

Другие причины имеют изначально теоретическую составляющую. Для данной статьи первичен вопрос, связанный с соотношением понятий трансформации и модернизации [4; 5].

С нашей точки зрения любая модернизация — это трансформация. Однако обратной связи нет. Трансформация может быть успешной, способствующей социальному и экономическому прогрессу, в этом случае это модернизация. Возможен и иной вариант: трансформации, приведшие к очевидной или неочевидной деградации экономической системы, качественному сокращению социального капитала. Такие примеры на постсоветском пространстве тоже есть, однако сразу оговоримся, что страны Прибалтики не могут рассматриваться в качестве такого примера [6, с. 7—18].

Во-первых, если говорить об экономических системах стран Прибалтики, то изначально они формировались не просто под лозунгом трансформации и модернизации. Именно здесь ключевым компонентом стала так называемая вестернизация. Соответственно, главным разочарованием стала констатация того факта, что вестернизация произошла поверхностно, сформировались институты, внешне очень похожие на мировые и европейские, но работающие иначе или не работающие вовсе. Был принят на веру тезис о том, что «существует только один способ управления современной экономикой» [7, с. 118]. Результат оказался не очевиден. Именно поэтому модернизация в Прибалтике остается вопросом даже для тех экспертов, которые видят преимущественно положительные стороны в прибалтийском опыте. «Представляется невозможным дать однозначный ответ на вопрос, удалась ли модернизация в Эстонии» [8, с. 7]. Авторы не разделяют оценку реформ в странах Прибалтики как «истории успеха», но не готовы признать и провал этого реформирования.

Практика институционального строительства в Эстонии, Латвии, Литве после 1991 года основывалась на том, что «наилучший путь к материальному благополучию и процветанию, достижению уровня жизни, сравнимому с аналогичным показателем во Франции или Германии, — это именно европеизация при стратегической поддержке США» [9, с. 19—20]. Были воспроизведены признаки экономики, частично известные архитекторам реформ по знаменитому для того времени учебнику «Экономикс». С одной стороны, это логично: «Поскольку борьба закончилась победой капиталистической системы, основные институты проигравшего социализма должны быть демонтированы и перестроены в соответствии с дизайном, характерным для системы-победительницы» [10]. Тоже произошло и в России, и в далеком от условного «Запада» Казахстане.

С другой стороны, была допущена ошибка. Экономические институты Запада находились и находятся в постоянной трансформации и оптимизации. Баланс между экономическими и политическими приоритетами развития постоянно меняется. Копируя институты, необходимо было учесть географическую и историческую специфику. «Посткоммунистические страны были вынуждены принять 20 тыс. новых законов и положений — ни одно из которых не обсуждалось в их парламентах, чтобы соответствовать требованиям для вступления в ЕС»¹. Еще одна ошибка — смешение либерализма в идеологии и политики с либерализмом в экономической практике. «Существует огромная разница между неолиберальной политикой, особенно в экономике, и истинно либеральными требованиями независимости суда, прекращения вседозволенности чиновничьего аппарата, борьбы с коррупцией, с фальсификацией на выборах, за обязательность подчинения закону всех сверху донизу» [11].

Основная проблема стран Прибалтики состояла в абсолютизации имевших место положительных эффектов либерализации и в том числе внешнеэкономической открытости. «Воздействие либерализации на неравенство является ограниченным, когда страны находятся на более высоком уровне развития финансовой системы или когда после либерализации не происходит финансового кризиса. Это еще больше поддерживает ту точку зрения, что соотношение выгод и издержек больше для стран, финансовые рынки которых находятся выше определенного уровня развития, или когда страны сумели должным образом укрепить регулирование финансового рынка еще до проведения либерализации» [12, с. 48]. Тезис М. Фридмена подтверждает Польша, крайне осторожно открывшая свои рынки, особенно финансовый. Открытость национальных финансовых систем и фактическая ликвидация национальных механизмов контроля за движением капиталов «в теории несет в себе многочисленные преимущества, на практике либерализация часто приводила к экономической нестабильности и финансовому кризису» [13, р. 25].

Д. Вудрафф, профессор политологии в Массачусетском технологическом институте, писал: «Успех демократии состоял в том, что она способствовала выработке адекватной политики, приспособленной к локальным условиям. То есть речь идет о политике, основанной на понимании и того, что просто взорвать унаследованную от социализма промышленность вряд ли будет наилучшим выбором» [14, с. 216]. С этим трудно, практически невозможно спорить, однако это признание появилось не в 1991 году, а спустя несколько десятилетий, когда все стратегические — политические и экономические — решения уже были приняты. Иными словами, высказывания Д. Вудраффа можно считать чем угодно, кроме практических рекомендаций. Тезис авторитетного эксперта понятен. Построение демократии предполагает определенные жертвы, в том числе в качестве управления. Но что делать в том

¹ Крыстев И. «Превращение» Центральной Европы. Почему подражание Западу неизбежно ведет к национальному ресентименту. URL: <https://www.ipg-journal.io/rubriki/evropeiskaja-integracija/statja/show/prevrashchenie-centralnoi-evropy-715> (дата обращения: 12.05.2019).

случае, когда жертва есть, а качество демократии по-прежнему, через тридцать лет, вызывает вопросы? «Не являются ли уже сформировавшиеся или же все четче обнаруживающие себя автократические тенденции в некоторых странах проявлением как раз этих незавершенных, а во многих сферах и несправедливых трансформационных процессов на пути к демократии и рыночной экономике»². Подчеркнем, что вышеотмеченное написано уже после формирования в Эстонии правительства на базе ультраправой партии ЕКРЕ и приезда в Таллин представителей французского «Национального фронта». Сказанное подтверждает то, «что можно иметь капиталистическое по сути своей экономическое устройство и в тоже время несвободное устройство политическое» [15, с. 10].

Подведем промежуточные итоги. Все характеристики экономических моделей государств Прибалтики не являются уникальными или принципиально новыми для экономической теории. Вопрос в их сочетании, взаимовлиянии, кумулятивном эффекте действия, возможностях верификации конкретных признаков. «Существует серьезная опасность, подстерегающая исследователя современного экономического роста, увлечься картиной сходных изменений, через которые проходят столь различные по культурным традициям общества, попытаться выстроить жесткую, обязательную для всех стран траекторию развития» [16, с. 23]. Именно поэтому инструментарий теоретического анализа следует постоянно совершенствовать, развивать традиционные и использовать новые подходы.

Цель данной научной работы — исследовать характер развития государств Прибалтики с позиций теории периферийного рынка (периферийного капитализма).

Теория периферийного капитализма: основные положения и применимость к странам Прибалтики

Все современные экономические теории в большей или меньшей степени применимы к государствам различного размера. Вместе с тем следует выделить несколько теорий, отвечающих следующим требованиям:

1) применимость к малым странам;

2) Комплексность экономической теории, возможность междисциплинарной имплементации ее результатов: то есть учет исторической специфики, географического положения, особенностей политических процессов [17, с. 60—78].

В 1960—1970-е годы в мировой социальной мысли возникло относительно новое направление — теория зависимости (dependency theory). Другие варианты названия этого течения — теория зависимого развития, зависимого капитализма, периферийного развития, периферийного капитализма. Эта теория первоначально была ориентирована на объяснение характера развития экономически слаборазвитой периферии, представленной большинством государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Дихотомия «Западная Европа — Восточная Европа» закономерно находилась за пределами данных теоретических споров. С другой стороны, провалы классической модернизации, превратившейся в Восточной Европе в вульгарную вестернизацию, требуют, с нашей точки зрения, поиска новых актуальных теоретических моделей.

Многочисленные теории зависимости исходят из того, что состояние экономики и политики той или иной страны определяется характером развития лидирующей экономики и / или экономического блока. Эти теории и среди них теория перифе-

² Брэннинг М. «Слишком немецкий, слишком западноевропейский». О выборе европейских руководителей и его влиянии на дееспособность Евросоюза. URL: https://www.ipg-journal.io/index.php?id=43&L=0&tx_news (дата обращения: 11.07.2019).

рийного капитализма предполагают, что мировая экономическая система состоит из нескольких иерархических уровней. В самом общем плане это «центр», «периферия», «полупериферия». Подобное разделение является результатом того, что «близость в географическом, культурном и организационном плане обеспечивает возможность специального доступа, особые взаимоотношения, лучшую информированность, возникновение мощных стимулов, а также другие преимущества в производительности и в росте производительности, которые сложно получить на расстоянии» [18, с. 245]. Возникает вопрос, какие расстояния имеются в виду и, самое главное, периферия — это географическое или экономическое позиционирование?

Куба, Чили, Аргентина и Мексика — в равной степени периферия американского мира. Географическое расстояние в данном случае не имеет значения. В случае периферии европейской ситуация аналогична. Соседствующая с Германией Чехия — такая же периферия, как Португалия и Эстония. Указанный тезис М. Портера не учитывает, однако, фактор постсоциалистического транзита. В контексте транзита как категории экономической и политической науки Чехия и Эстония оказываются не ближе, а дальше от европейского ядра. Последнее не отрицает зависимостей, но делает эти зависимости более разнообразными, сложными для исследования.

Теории модернизации с большими или меньшими оговорками исходят из того, что, скопировав экономические и политические институты одной страны или региона, можно добиться не только нового уровня экономического роста, но и нового качества экономического и политического развития. В противоположность им теории зависимости указывают на то, что движение государств между «центром» и «периферией» так же невозможно, как и движение человека между индийскими кастами. Классик данного теоретического направления охарактеризовал этот подход так: «...рушится миф о том, что мы (латиноамериканские страны) могли бы развиваться по образу и подобию центров» [19, р. 21].

Теория периферийного капитализма стала реакцией не на либеральные экономические подходы 1990-х, а на провалы всех теорий и практик, в том числе кейнсианских, предполагавших, что копирование институтов и импортозамещение есть способ преодоления отсталости. Краткая суть концепции модернизации в том, что в своем развитии все страны проходят через одни и те же стадии. Следовательно, с позиций теории модернизации государства периферии якобы находятся примерно в том же положении, что и развитые государства в прошлом. В качестве примера успешной модернизации указываются страны, действительно совершившие гигантский скачок в развитии, в частности Сингапур, Тайвань, Южная Корея [20—22]. По нашему мнению, это как раз то исключение, которое подтверждает правило. Более того, это движение с точки зрения уровня экономического развития не может рассматриваться как поступательное вверх. В 1945 году этих государств не существовало, а в 1975 году никто их не рассматривал как образец, если не считать образцом авторитарное правление. В случае государств Прибалтики ситуация иная.

Сторонники теории зависимого развития (периферийного развития) подвергают обоснованной критике положения концепции модернизации, утверждая, что «отстающие» страны не являются ранними или предшествующими версиями современной рыночной экономики «центра». С точки зрения последователей теории зависимости, специфика периферии и полупериферии делает их особым отдельным случаем. Такие страны обладают уникальными особенностями и структурными различиями и находятся на сугубо зависимых позициях в мировой экономической системе.

Классики теории зависимости А. Франк [23, р. 155—248] и П. Баран [24, р. 164—170] писали, что исторические корни неравенства — это относительная отсталость периферийных обществ, слабая включенность в мировое хозяйство, их неформаль-

ный статус зависимых и подчиненных партнеров. Государства, оказавшиеся в статусе «периферии», теряют способность к самостоятельному развитию, их развитие становится развитием зависимости и слаборазвитости. В целом ученые исходили из того, что «центр» заинтересован в сохранении отсталости «периферии». Аналогичным образом «полупериферия» не заинтересована в том, чтобы делиться своими конкурентными преимуществами с «периферией».

Возникает вопрос о том, как теория периферийного капитализма работает в условиях второго десятилетия XXI века? Очевидно то, что полностью, в неизменном виде она не применима, но какие коррективы следует внести? Как изменятся теоретические подходы в том случае, если объект не Уругвай / Эквадор / Колумбия, а Эстония / Латвия / Литва? В попытке ответить на данные вопросы нами предложены 14 тезисов.

1. Корректировка рассматриваемой теории связана с тем, что периферийные страны не всегда имеют формальный статус развивающихся. Страны «периферии», как и страны «центра», являются государствами с рыночной экономикой. Это тот же, а не отличный капитализм и те же законы рынка. Периферийный капитализм функционирует не по иным законам, как считали многие представители теорий периферийного капитализма. К общепризнанным элементам теоретического осмысления рыночной экономики добавляются лишь некоторые, но принципиально важные моменты. Важнейший из них — программный тезис лауреата Нобелевской премии Д. Норта, который выдвинул концепцию «path-dependency» («зависимость от ранее выбранного пути»). Под этим термином он имел в виду «последствия небольших событий и случайных обстоятельств, определяющих решения, которые, будучи приняты, направляют развитие по определенному пути» [25, р. 92]. «Ранее выбранный путь» — это, к примеру, транзитно-транспортные функции экономики, которые могут исчезнуть, но при этом заданная ими модель экономики остается.

2. В настоящее время мы обязаны учитывать не только экономику производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, но и оказание услуг, в том числе в финансовой и образовательной сферах. Речь идет о таких услугах, которые связаны с формированием значительной добавленной стоимости и свидетельствует о высоком, непериферийном статусе той или иной страны. Естественно, классический туризм: «пляж — замок — ресторан» сюда не входит.

3. Обратимся к тезису, постулированному достаточно давно Т. Дус Сантусом: «Отношения взаимозависимости между двумя или большим количеством экономик приобретают форму зависимости в тех случаях, когда некоторые страны (господствующие) могут расширяться и быть самодостаточными, тогда как другие страны (зависимые) могут осуществлять это лишь таким образом, который является реакцией на экспансию первой группы стран» [26]. Конечно, в 1970-е годы этот подход не мог быть акцептирован применительно к разделенной Европе.

Сейчас ситуация иная. Иными словами, у «периферии» и «полупериферии» появляются дополнительные возможности. Эти возможности возникают в период поступательного роста «центра», его политического и экономического могущества. Применительно к государствам Прибалтики мы видим это очень отчетливо. Европейское объединение образца 1993 и 2003 годов обладало максимумом привлекательности [27]. Стремления эстонцев, латышей и литовцев, вероятно, были бы иными, если бы речь шла о Европейском союзе 2019 года.

4. Неравномерность экономического роста, равно как и всеобщее равенство невозможны как между людьми, так и между государствами. Теории зависимости не отрицают этого обстоятельства. Речь идет о другом: господствующие в мировой экономике подходы неизбежно провоцируют рост диспропорций между «центром», «полупериферией» и «периферией». «Центр» получает гарантированные преимуще-

щества за счет установления «правил игры» в мировой экономике, миграции, диффузии инноваций, «ножниц цен» [28]. Если же правила игры перестают устраивать «центр» он их меняет, так как это его монопольное право. В 1970-е и 1980-е годы это было неочевидным, сохранялась иллюзия несправедливых, но все-таки постоянных правил.

5. Вновь стали актуальны стратегии кейнсианского типа, связанные с импорто-замещающей индустриализацией [29—31].

Протекционизм во внешней торговле, позиционируемый как механизм содействия структурным преобразованиям и удержание внутреннего спроса в государственных границах, оказался неожиданно актуален даже для «центра» [32—34].

6. На примере приведенной группы теорий видно то, что в отличие от 1960-х и 1970-х годов практически все экономические концепции получили междисциплинарное прочтение и столь же междисциплинарную критику [35].

7. Значимой теоретической проблемой стала различие теорий зависимости и концепций стадильности, теории эшелонов развития капитализма, например А. Гершенкрона, согласно которой путь развития страны «запрограммирован» задолго до построения современной рыночной экономики. При этом теория эшелонов очень интересна именно применительно к Восточной Европе, в частности к Прибалтике [36]. Нетрудно заметить, что страны, которых не существовало юридически в период формирования капитализма, не могли прийти к капитализму самостоятельно (первый эшелон), либо же внешнее влияние на них инициировало внутренние источники саморазвития (второй эшелон), либо капитализм был привнесен (третий эшелон) [37]. Сразу отметим, с нашей точки зрения, случай Прибалтики — второй или третий вариант.

8. Серьезной проблемой указанного научного подхода было то, что его основные разработчики представляли Латинскую Америку и именно ее считали «периферией». Подобный подход вызывает вопросы и сегодня, тем более, он вызывал вопросы 45 лет назад. Если Латинская Америка — «периферия», то как в таком случае охарактеризовать значительную часть Азии, Африку? Сама по себе задача уложить все многообразие национальных экономик в категории «центр» и «периферия» конструктивна, но достаточно сложна [38].

9. Гипотеза Пребиша — Зингера, без которой теория периферийного капитализма не существует, часто подвергается критике. Она была сформулирована для «идеальной» рыночной экономики, не учитывала или мало учитывала влияние политических факторов. Напомним, что классическая версия гипотезы Зингера — Пребиша предполагает, что основные выгоды от международной торговли извлекают страны-производители конечной продукции, тогда как сырьевые экономики, импортирующие эту продукцию, неизбежно ухудшают свое положение. Гипотеза Зингера — Пребиша концентрировалась на анализе цен на сельскохозяйственные и частично промышленные товары. Дорогое сырье и частично топливо, равным образом, как и услуги, практически не учитывались. Долгое время шли активные споры относительно верификации этой гипотезы, превращения ее в теорию. В фундаментальном исследовании Международного валютного фонда (2012) были прослежены колебания цен на сырье с 1650 года. В результате подтвердилось, что в долгосрочной перспективе цены на любой вид сырья снижаются по сравнению с ценами на промышленные товары [39, с. 12].

Наша концепция заключается в том, что гипотеза Зингера — Пребиша работает и применительно к сфере услуг. В этом случае «центр» является распорядителем тех видов деятельности, которые приносят максимальную прибыль. Прежде всего речь идет о мощном комплексе финансовых услуг. Иные виды сервиса, заведомо менее рентабельные или даже убыточные, формируются и функционируют на «периферии».

Приведем пример, ставший для Эстонии и Латвии классическим. Речь идет о том, что за прошедшие 30 лет все попытки государства и национального бизнеса создать национальную финансовую систему оказались безуспешными [40]. При этом все происходило в рамках формального соблюдения законов рынка, при относительно небольшом административном давлении, а главное — при отсутствии у эстонского и латвийского государств желания защитить национальные банки. В результате скандинавским банкам — проверенным агентам глобальной финансовой системы — оказались не нужны конкуренты или даже помощники на территории Эстонии и Латвии. Результат — олигополия *Nordea — SEB (Skandinaviska Enskilda Banken) — Swedbank*. Однако и такая ситуация устраивала власти Эстонии и Латвии. Инициированные США расследования деятельности европейских банков, в частности латвийского *ABLV*, привели к краху последнего крупного банка с национальным капиталом. Ликвидированы литовский *Ukio Bankas* и латвийский *Trasta Komercbank*. В контексте данной статьи важно другое. Банки Швеции и Дании, столкнувшись с давлением европейских регуляторов и претензиями Министерства финансов США, начали сворачивать свою деятельность в странах Прибалтики, аккумулируя прибыль и по возможности сбрасывая убытки на местные финансовые институты.

В 2018—2019 годах ситуация в банковском секторе стран Прибалтики вновь ухудшилась. Американская администрация обвинила местные банки и филиалы скандинавских банков в работе со средствами неясного происхождения³. В результате 9 февраля 2019 года руководство крупнейшего коммерческого банка Дании *Danske Bank* объявило о решении свернуть деятельность в странах Прибалтики. Шведские банки теряют в стоимости акций и также стоят перед выбором: уйти с моральными потерями или остаться с материальными.

10. Укажем на то, что «смысл теории Path Dependency в том, что возможности выбора, который делается “здесь и сейчас”, жестко детерминированы выбором, сделанным “где-то и когда-то раньше”» [41, с. 36]. Для Прибалтики это определяющий фактор. Экономические решения предопределены политикой, причем текущей, но и она, в свою очередь, сформирована на базе исторических прецедентов. Такая ситуация предусмотрена в теории, но ее применимость различна и зависит от масштаба [42].

11. Взаимодействие формальных и неформальных экономических и политических институтов крайне важно в рамках теории зависимости. Если формальные институты с тем или иным успехом могут быть имплантированы из чужеродной среды, то неформальные, как правило, вырастают на собственной почве. «Неразвитые формальные институты в сочетании с сильными неформальными институтами (в большей степени) и некоторыми маргинальными формальными нормами (в меньшей степени) могут породить институциональных мутантов»⁴. Именно это и происходит в Прибалтике. При этом институциональные мутанты трудно диагностируются, так как обладают всеми внешними признаками эффективных институтов «центра».

12. Какие еще признаки локального, то есть периферийного рынка мы видим в государствах Прибалтики? Прежде всего это комплекс признаков, характерных для малых стран вообще, безотносительно к Балтийскому региону. Главным образом это дефицит капитала и знаний [43]. Вместо планировавшихся инвестиций в Эстонию компания *Apple* разместит свои деньги в Дании и Ирландии. Причи-

³ *Ewing J.* Sanctions on Russia and North Korea Put Tiny Latvia in U.S. Cross Hairs URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/17/business/latvia-money-laundering.html> (дата обращения: 15.06.2019).

⁴ *Малкина М.Ю.* Объяснение «path dependence» с различных позиций. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16213320> (дата обращения: 14.05.2019).

на такого решения — высокая стоимость эстонской электроэнергии и отсутствие у местных чиновников желания пойти навстречу интересам инвестора, сообщает газета *Eesti Ekspress (EE)*⁵. Также *Apple* отказалась от строительства своего индустриального парка в эстонском городе Палдиски. Как писали ранее эстонские СМИ, инвестиции должны были составить около 1 млрд евро⁶. На этом фоне позиционирование эстонской фирмы *Nortal*, работающей в той же сфере, как «гиганта в общей истории успеха» выглядит неубедительно (в мае 2019 года «ИТ-гигант» *Nortal* привлек 50 млн евро в ходе эмиссии облигаций⁷).

Компетенции, необходимые для эффективного развития в третьей — четвертой промышленной революции, являются важнейшей частью социального капитала любого государства [44; 45].

СССР «оставил» значительную часть технологических и кадровых компетенций в Литве для атомной энергетики, в Латвии — для автопрома, железнодорожного машиностроения, в Эстонии — для точного машиностроения, сланцевых химии. Все они в большей или меньшей степени утрачены. «Ситуацию можно назвать депрессивной. Без сильной фундаментальной науки нет сильного высшего образования, нет бизнеса с высокой добавочной стоимостью и, в конце концов, нет наукоемкой Эстонии»⁸.

13. Для периферийных экономик в теории выгодно выведение части производств (как правило, деталей, узлов и агрегатов, а не конечная сборка) из высокоразвитого «центра». В случае европейской «периферии» этот процесс имеет определенную географическую специфику [46; 47]: из Швеции в Эстонию, из Германии в Литву и т.д. Близость с точки зрения расстояния позволяет оперировать не очень большой дельтой в зарплатах и налогах. Таким образом, во внутриевропейских экономических отношениях подтверждается знаменитый тезис директора Центра Фердинанда Броделя по изучению экономики, исторической системы и цивилизаций И. Валлерстайна. Напомним, что И. Валлерстайн утверждал, что начавшееся в 1970-е годы перенесение промышленных предприятий в полупериферийные страны было связано с уменьшением затрат на оплату труда, а также с политикой перенесения затрат по утилизации производства на периферию экономических регионов, с сокращением издержек по восстановлению сырьевой базы и сокращением налогов [48, с. 18]. В случае стран Прибалтики это один из наиболее значимых моментов, подтверждающих возможность применения теории периферийного капитализма к данному объекту.

14. Концепция «ловушки среднего дохода» имеет прямое отношение не только к Чили или Бразилии [49]. Ее теоретическое содержание общеизвестно, поэтому в данной статье обратимся только к одному вопросу, обсуждаемому теоретиками и практиками: не является ли выходом удержание роста зарплаты? В странах Прибалтики — части ЕС, где зарплаты и так меньше средних по союзу, этот подход не работает. Показательна позиция влиятельного эстонского бизнесмена Райво Варе: «...хотя зарплаты растут опережающими темпами, а наша конкурентоспособность в структуре экономики падает, все равно этого мало, так как мы уже психологически находимся в сфере притяжения общества достатка Скандинавских стран. Под

⁵ Высокая стоимость электроэнергии и пассивность чиновников лишили Эстонию 1 млрд евро. URL: http://prosvet.ee/ArtNews9.aspx?news_id=12615&news_type (дата обращения: 15.06.2019).

⁶ *Apple* отказалась от планов строительства серверного парка в Палдиски. URL: <https://rus.err.ee/235438/smi-apple-otkazalsja-ot-planov-stroitelstva-servernogo-parka-v-paldiski> (дата обращения: 10.06.2019).

⁷ Глава *Nortal*: для банков Эстонии мы слишком велики. URL: <https://www.dv.ee/intervju/2019/06/09/glava-nortal-dlja-bankov-jestonii-my-slishkom-veliki> (дата обращения: 12.07.2019).

⁸ Доктор наук: политики должны отвечать за свои слова. URL: <https://www.dv.ee/mnenija/2019/05/28/doktor-nauk-politiki-dolzny-otvechat-za-svoi-slova> (дата обращения: 15.06.2019).

эту психологию подстраиваются политики, которые обречены делать то, что они делают»⁹. Иными словами, для Прибалтики проблемой являются не только объективные финансовые показатели, но и элементы психологической зависимости от географически близких, но экономически далеких моделей [50; 51].

Заключение

Авторы исходят из того, что любая теоретическая концепция, объясняющая тенденции развития отдельного региона в контексте глобальной экономики, в целом может оказаться истинной в одной географической привязке и ложной в другой. Теория периферийного капитализма не может быть целиком *ad hoc* примененной в другом регионе и на другом этапе развития глобальной экономики. С другой стороны, данный исследовательский подход способен принести неожиданный результат и задать новый ракурс анализа для, казалось бы, традиционных объектов исследования.

Страны Прибалтики — участники мощного европейского интеграционного проекта [52 — 54]. Однако именно этот экономический и географический масштаб предполагает наличие сложной внутренней структуры, где «все равны, но некоторые равнее других». С теоретической точки зрения это норма, объективная реальность функционирования любого крупного экономического и политического объединения, в котором есть экономический и политический центры и периферия. «Периферия выступает как зависимая территория, которая контролирует в лучшем случае только свои ресурсы и испытывает влияние случайностей даже на дальних рынках» [55, р. 5]. Классический пример — цены на свинину в Эстонии и их зависимость от эпидемий в Китае¹⁰. При этом периферия может иметь высокую статусность в собственных глазах и даже в глазах союзников и партнеров, а также неплохие текущие показатели экономического развития. Мощные европейские механизмы выравнивания постоянно корректируют и маскируют картину, но, с нашей точки зрения, в Эстонии, Латвии и Литве фиксируется ситуация, практически полностью вписывающаяся в постулаты теории периферийного капитализма. Любой кризис, как локальный, так и глобальный, неизбежно «уберет» маскирующие факторы, и тогда вновь возникнет вопрос, «что делать с конфликтной и проблемной периферией?» [56, с. 4], вопрос, имеющий различные ответы в зависимости от масштаба.

Эффективное развитие Европы в условиях взаимовыгодного сотрудничества с США, Китаем, Россией могло бы привести к решению проблем реального единства франко-германского ядра и восточной (южной) «периферии» [57; 58]. В этом случае страны Прибалтики оказались бы в центре пространства экономического сотрудничества не только Европы, но и Азии «разных скоростей», возможно, при открытом признании данного подхода или молчаливом консенсусе лидеров.

Впрочем, вероятность подобного сценария минимальна. Именно поэтому Эстония, Латвия и Литва обречены на постепенное, хотя и медленное упрощение структуры экономики (особенно в секторах, не пользующихся системной поддержкой Брюсселя), потерю компетенций в высоко- и среднетехнологичных сферах, гипертрофированное развитие сферы услуг.

⁹ *Vare P.* Последствия охоты на гастарбайтеров для эстонской экономики могут быть непредсказуемыми. URL: https://rus.postimees.ee/6732813/rayvo-vare-posledstviya-ohoty-na-gastarbayterov-dlya-estonskoy-ekonomiki-mogut-byt-nepredskazuemymi?utm_campaign=20190719&utm_content=2&utm_medium=email&utm_source=rus.postimees.ee (дата обращения: 18.07.2019).

¹⁰ *Подорожает* ли свинина в Эстонии из-за болезни животных в Китае. URL: <https://ee.sputniknews.ru/economy/20190719/17223981/Podorozhaet-li-svinina-v-Estonii-iz-za-bolezni-zhivotnykh-v-Kitae.html> (дата обращения: 15.06.2019).

Позиция авторов заключается в том, что периферийное положение в географическом, экономическом и политическом смыслах — фактор, крайне медленно влияющий на экономическое развитие. Однако без масштабного мирового кризиса качественной реконструкции ставшей традиционной для стран Прибалтики модели не произойдет. Именно это подсказывает нам латиноамериканский опыт. Чрезвычайные ситуации эпидемиологического и / или экономического характера — серьезный повод для проверки прибалтийской экономической модели, в том числе ее теоретической природы и практик реализации.

Список литературы

1. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. С. 64—75.
2. Hernández E., Kriesi H. Turning your back on the EU. The role of Eurosceptic parties in the 2014 European Parliament elections // Electoral Studies. 2016. Vol. 44. P. 515—524. doi: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.04.013>.
3. Hobolt S.B., De Vries C. Turning against the Union? The impact of the crisis on the Eurosceptic vote in the 2014 European Parliament elections // Electoral Studies. 2016. Vol. 44. P. 504—514. doi: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.05.006>.
4. Stojčić N., Aralica Z., Anić I.-D. Spatio-temporal determinants of the structural and productive transformation of regions in Central and East European countries // Economic Systems. 2019. Vol. 43. P. 3—4. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2019.100715>.
5. Gomułka S. Poland's economic and social transformation 1989—2014 and contemporary challenges // Central Bank Review. 2016. Vol. 16. P. 19—23. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cbrev.2016.03.005>.
6. Межевич Н.М. Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 7—18. doi: <https://doi.org/doi:10.5922/2074-9848-2015-2-1-3>.
7. Уайт С. Европейский союз, Восточная Европа и «империализм ценностей» // Вестник МГИМО — Университета. 2014. № 4 (37). С. 116—124.
8. Ланко Д. Постсоветская трансформация Эстонии: модернизация или мимикрия? СПб., 2016.
9. Смирнов В.А. К вопросу о роли элит в евроатлантическом выборе Литвы // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2017. № 2. С.17—24.
10. Малинова О. Другой взгляд на «транзит», или о пользе и вреде повествовательных схем // Космополис. 2002—2003. № 2. С. 139—148.
11. Примаков Е.М. 2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неоллибералов // Российская газета — Столичный выпуск. 2014. № 5 (6277). URL: <https://rg.ru/2014/01/13/primakov.html> (дата обращения: 23.05.2019).
12. Фурчери Д., Лунгани П. Открывая возможности для неравенства // Финансы и развитие. 2016. Вып. 53, № 1. С. 43—46.
13. Furceri D., Loungani P. Capital Account Liberalization and Inequality. Washington, 2015. doi: <http://dx.doi.org/10.5089/9781513531083.001>.
14. Вудрафф Д.М. Власть и процветание: перерастание коммунистических и капиталистических диктатур // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 2 (35). С. 213—219.
15. Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. М., 2003.
16. Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста // Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 20—39.
17. Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королева А.В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 60—78. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-1-4>.
18. Портер М. Конкуренция М., 2001.
19. Prebisch R. Peripheral Capitalism: Does it have an alternative? // Capitalismo periferico. Crisis y transformacion. М., 1992.

20. Wang J. Innovation and government intervention: A comparison of Singapore and Hong Kong // *Research Policy*. 2018. Vol. 47, № 2. P. 399—412. doi: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2017.12.008>.
21. Alba J.D., Liu J., Chia W.-M., Park D. Foreign output shock in small open economies: A welfare evaluation of monetary policy regimes // *Economic Modelling*. 2020. Vol. 86. P. 101—116. doi: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.06.005>.
22. Branstetter L.G., Kwon N. South Korea's transition from imitator to innovator: The role of external demand shocks // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2018. Vol. 49. P. 28—42. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jjie.2018.01.004>.
23. Frank A.G. A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History // *Review*. 1990. Vol. 13. P. 155—248.
24. Baran P.A. The Political Economy of Growth // *The American Economic Review*. 1958. Vol. 48, № 1. P. 164—170.
25. North D.N. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, 1992.
26. Дус Сантус Т. Структура зависимости // *Скепсис*. 2008. № 5. URL: http://scepsis.net/library/id_2297.html (дата обращения: 18.07.2019).
27. Campos N.F., Coricelli F., Moretti L. Institutional Integration and Economic Growth in Europe // *Journal of Monetary Economics*. 2018. Vol. 103. P. 88—104. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.08.001>.
28. Landesmann M.A., Stöllinger R. Structural change, trade and global production networks: An 'appropriate industrial policy' for peripheral and catching-up economies // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2019. Vol. 48. P. 7—23. doi: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2018.04.001>.
29. Gaysset I., Lagoarde-Segot T., Neaime S. Twin deficits and fiscal spillovers in the EMU's periphery. A Keynesian perspective // *Economic Modelling*. 2019. Vol. 7. P. 101—116. doi: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2018.07.023>.
30. Rupert P., Šustek R. On the mechanics of New-Keynesian models // *Journal of Monetary Economics*. 2019. Vol. 102. P. 53—69. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2019.01.024>.
31. Jump R.C., Levine P. Behavioural New Keynesian models // *Journal of Macroeconomics*. 2019. Vol. 59. P. 59—77. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2018.11.002>.
32. Grundke R., Moser C. Hidden protectionism? Evidence from non-tariff barriers to trade in the United States // *Journal of International Economics*. 2019. Vol. 117. P. 143—157. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2018.12.007>.
33. Basu K. The rise of Trump and an agenda for regulatory reform // *Journal of Policy Modeling*. 2018. Vol. 40, № 3. P. 546—558. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jpplmod.2018.03.007>.
34. Steinberg J.B. Brexit and the macroeconomic impact of trade policy uncertainty // *Journal of International Economics*. 2019. Vol. 117. P. 175—195. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2019.01.009>.
35. *Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза : сб. ст. норвежских политологов / под ред. С.У. Ларсена. М., 2009.*
36. Dombi A., Grigoriadis T. State history and the finance-growth nexus: Evidence from transition economies // *Economic Systems*. 2020. Vol. 44, № 1. doi: <https://doi.org/10.1016/j.eco-sys.2019.100738>.
37. Herschenkron A. *The Approach to European Industrialization: a Postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge, 1962.
38. Veltmeyer H. Latin America in the vortex of social change: Development and social movement dynamics // *World Development*. 2020. Vol. 130. doi: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.104916>.
39. Ореховский П.А. Прерывистый тренд развития структурализма: альтернативная традиция экономического анализа : доклад. М., 2016.
40. Agoraki M.-E.K., Kouretas G.P., Triantopoulos C. Democracy, regulation and competition in emerging banking systems // *Economic Modelling*. 2020. Vol. 84. P. 190—202. doi: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.04.009>.

41. Латов Ю.В. Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной экономической истории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3, № 3. С. 36—43.
42. Puffert D.J. Path Dependence, Network Form and Technological Change // History Matters: Essays on Economic Growth, Technology and Demographic Change / ed. by W. Sundstrom, T. Guinnane, W. Whatley. Stanford, 2003.
43. Schiermeier Q. How Estonia blazed a trail in science. A small nation found strength in research after joining the European Union // Nature. 2019. Vol. 565. P. 416—418. doi: 10.1038/d41586-019-00209-7.
44. Nuvolari A. Understanding successive industrial revolutions: A «development block» approach // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2019. Vol. 32. P. 33—44. doi: <https://doi.org/10.1016/j.eist.2018.11.002>.
45. Tobon-Valencia E., Lamouri S., Pellerin R. et al. Production Planning in the Fourth Industrial Revolution: A Literature Review // IFAC-PapersOnLine. 2019. Vol. 52, № 13. P. 2158—2163. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2019.11.525>.
46. Rosik P., Pomianowski W., Komornicki T. et al. Regional dispersion of potential accessibility quotient at the intra-European and intranational level. Core-periphery pattern, discontinuity belts and distance decay tornado effect // Journal of Transport Geography. 2020. Vol. 82. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2019.102554>.
47. Ahlborn M., Wortmann M. The core-periphery pattern of European business cycles: A fuzzy clustering approach // Journal of Macroeconomics. 2018. Vol. 55. P. 12—27. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2017.08.002>.
48. Валлерстайн И. Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. 2000. № 2. С. 14—26.
49. Bresser-Pereira L.C., Araújo E.C., Costa Peres S. An alternative to the middle-income trap // Structural Change and Economic Dynamics. 2020. Vol. 52. P. 294—312. doi: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.11.007>.
50. Wiborg Ø.N., Hansen M.N. The Scandinavian model during increasing inequality: Recent trends in educational attainment, earnings and wealth among Norwegian siblings // Research in Social Stratification and Mobility. 2018. Vol. 56. P. 53—63. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2018.06.006>.
51. Benešová I., Smutka L. The Post-soviet Countries — Development and Structure of Economy: Is there any Potential for Future Regional Integration? // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 220. P. 30—39. doi: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.05.466>.
52. Cutrini E. Economic integration, structural change, and uneven development in the European Union // Structural Change and Economic Dynamics. 2019. Vol. 50. P. 102—113. doi: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.06.007>.
53. Siksnylyte I., Zavadskas E.K., Bausys R., Streimikiene D. Implementation of EU energy policy priorities in the Baltic Sea Region countries: Sustainability assessment based on neutrosophic MULTIMOORA method // Energy Policy. 2019. Vol. 125. P. 90—102. doi: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.10.013>.
54. Studzieniecki T. The Development of Cross-border Cooperation in an EU Macroregion — A Case Study of the Baltic Sea Region // Procedia Economics and Finance. 2016. Vol. 39. P. 235—241. doi: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30318-5](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30318-5).
55. Rokkan S., Urwin D.W. Centres and Peripheries in Western Europe // The Politics of territorial Identity. Studies in European Regionalism // ed. by S. Rokkan, D.W. Urwin. L. ; Beverly Hills ; New Delhi, 1982.
56. Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетрадь № 18. 2014 / под ред. И.С. Иванова ; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2014.
57. Mínarčíková E. EU-China cooperation on regional policy // Perspectives in Science. 2016. Vol. 7. P. 30—38. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pisc.2015.11.007>.
58. Gustafsson Å. The Baltic Sea Region Border Control Cooperation (BSRBCC) and border management in the Baltic Sea region: A case study // Marine Policy. 2018. Vol. 98. P. 309—316. doi: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2018.09.028>.

Об авторах

Игорь Анатольевич Максимцев, доктор экономических наук, ректор, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: rector@unecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9046-9114>

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>

Наталья Павловна Сирота, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: snp@unecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2736-9986>

THE THEORY OF PERIPHERAL CAPITALISM: ON THE APPLICABILITY OF THE LATIN AMERICAN MODEL TO THE BALTIC STATES. AN ATTEMPT AT AN INTER-DISCIPLINARY ANALYSIS

I. A. Maksimtsev^a

N. M. Mezhevich^b

N. P. Sirota^a

^a Saint Petersburg State University of Economics
21 Sasdovaya St, St Petersburg 191023, Russia

^b Institute of Europe Russian Academy of Sciences
11–3 Mokhovaya St, Moscow 125009, Russia

Received 01.08.2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-7

© Maksimtsev, I. A., Mezhevich, N. M.,
Sirota, N. P., 2020

The relevance of this study of post-Soviet transition lies in the focus on the technically theoretical problems that are nevertheless the key to understanding regional development processes in the East of the Baltic Sea. The research aims to verify the theory of peripheral capitalism as applied to the Baltic States. The first theoretical objective is to draw a distinction between the ideas of modernisation and transformation in a regional context. The second objective is to adjust the theory of peripheral capitalism to smaller states. To study the features of the transformation of economic and political systems in the Baltics, this article conducts comparative analysis. Systemic analysis and the principles of theoretical and empirical analysis are used as well. Building on this work, the study identifies the deficiencies of the theoretical and methodological potential of transition studies. These include claims that the theoretical and methodological potential of transition as applied to post-Socialist and post-

To cite this article: Maksimtsev, I. A., Mezhevich, N. M., Sirota, N. P. 2020, The theory of peripheral capitalism: on the applicability of the Latin American model to the Baltic States. An attempt at an inter-disciplinary analysis, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 2, p. 100–117. doi: 10.5922/2078-8555-2020-2-7.

Soviet Europe has been completely fulfilled. Geographical differences between Latin America and the Baltic States are so obvious that they eclipse economic similarities between the processes and development models characteristic of the two regions of the world. An analysis of current developments in Latin America makes it possible to forecast the economic and, to a degree, political consequences of the trends that are just emerging in the Baltics. This article seeks to prove the above thesis.

Keywords:

transit, transformation, modernisation, theory of peripheral Latin American capitalism, Estonia, Latvia, Lithuania

References

1. Melvil, A.Yu. 2004, On the trajectories of post-communist transformations, *Polis*, no 2, pp.64—75 (in Russ).
2. Hernández, E. Kriesi, H. 2016, Turning your back on the EU. The role of Eurosceptic parties in the 2014 European Parliament elections. *Electoral Studies*, no. 44, p. 515—524. doi: 10.1016/j.electstud.2016.04.013.
3. Hobolt, S.B., De Vries, C. 2016, Turning against the Union? The impact of the crisis on the Eurosceptic vote in the 2014 European Parliament elections, *Electoral Studies*, no 44, p. 504—514. doi: 10.1016/j.electstud.2016.05.006.
4. Stojčić, N., Aralica, Z., Anić, I.-D. 2019, Spatio-temporal determinants of the structural and productive transformation of regions in Central and East European countries, *Economic Systems*, no. 43, p.3—4. doi: 10.1016/j.ecosys.2019.100715.
5. Gomułka, S. 2016, Poland's economic and social transformation 1989—2014 and contemporary challenges, *Central Bank Review*, vol. 16, p. 19—23. doi: 10.1016/j.cbrev.2016.03.005.
6. Mezhevich, N.M. 2015, Russia and the Baltic States: Some Results and a Few Perspectives, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—12. doi: 10.5922/2079-8555-2015-2-1.
7. White, S. 2014, European Union, Eastern Europe and “Imperialism of Values”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 4, p. 116—124 (in Russ).
8. Lanko, D. 2016, *Postsovetskaya transformatsiya Estonii: modernizatsiya ili mimikriya?* [Post-Soviet Transformation of Estonia: Modernization or Mimicry?], St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 52 p. (in Russ).
9. Smirnov, V.A. 2017, On the role of elites in the Euro-Atlantic choice of Lithuania, *Vestnik RGGU. Seriya Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series Political Science. Story. International relationships], no. 2, p. 17—24 (in Russ).
10. Malinova, O. 2002—2003, Another look at “transit,” or about the benefits and harms of narrative schemes, *Cosmopolis*, no. 2, p. 139—148 (in Russ).
11. Primakov, E.M. 2014, 2013: difficult problems of Russia. Why today it is impossible to agree with the policy of neoliberals, *Rossiiskaya gazeta — Stolichnyi vypusk* [Russian newspaper — Capital issue], January 14, 2014, no. 5(6277), available at: <https://rg.ru/2014/01/13/primakov.html> (accessed 23.05.2019) (in Russ).
12. Furcheri, D., Lungani, P. 2016, Opening up opportunities for inequality, *Finansy i razvitie* [Finance and Development], vol. 53, no. 1, p. 43—46 (in Russ.).
13. Furceri, D., Loungani, P. 2015, Capital Account Liberalization and Inequality, *IMF Working Paper*, no. 15/243, Washington, p. 25. doi: 10.5089/9781513531083.001.
14. Vudraff, D.M. 2001, Power and Prosperity: The Outgrowth of Communist and Capitalist Dictatorships, *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeiskoe obozrenie* [Constitutional Law: Eastern European Review], no. 2 (35), p. 213—219 (in Russ).
15. Fridmen, M., Khaiek, F. 2003, *O svobode. V serii «Filosofiya svobody»* [About freedom. In the series “Philosophy of Freedom”], no. II, Moscow, s182 p. (in Russ).
16. Gaidar, E.T. 1996, Anomalies of Economic Growth, *Voprosy ekonomiki*, no. 12, p. 20—39 (in Russ.).
17. Maksimtsev, I.A., Mezhevich, N.M., Koroleva, A.V. 2017, Economic Development of the Baltic and Nordic Countries: Characteristics of Economic Models, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 1, p. 60—78. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-4.

18. Porter, M. 1998, *On Competition*.
19. Prebisch, R. 1981, *Peripheral Capitalism: Does it have an alternative?* Mexico, Fondo de Cultura Economica.
20. Wang, J. 2018, Innovation and government intervention: A comparison of Singapore and Hong Kong, *Research Policy*, vol. 47, no. 2, p. 399—412. doi: 10.1016/j.respol.2017.12.008.
21. Alba, J.D., Liu, J., Chia, W.-M., Park, D. 2020, Foreign output shock in small open economies: A welfare evaluation of monetary policy regimes, *Economic Modelling*, no. 86, p. 101—116. doi: 10.1016/j.econmod.2019.06.005.
22. Branstetter, L.G., Kwon, N. 2018, South Korea's transition from imitator to innovator: The role of external demand shocks, *Journal of the Japanese and International Economies*, no. 49, p. 28—42. doi: 10.1016/j.jjie.2018.01.004.
23. Frank, A.G. 1990, A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History, *Review*, vol. 13, no. 2, p. 155—248.
24. Baran, P.A. 1958, The Political Economy of Growth, *The American Economic Review*, vol. 48, no. 1, p. 164—170.
25. North, D.N. 1992, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge University Press, p. 92.
26. Dus Santus Teotoniu Struktura zavisimosti, 2008, *Skepsis*, no. 5, available at: http://sceptis.net/library/id_2297.html (accessed 18.07.2019) (in Russ.).
27. Campos, N.F., Coricelli, F., Moretti, L. 2018, Institutional Integration and Economic Growth in Europe, *Journal of Monetary Economics*, no. 103, May, p. 88—104. doi: 10.1016/j.jmoneco.2018.08.001.
28. Landesmann, M.A., Stöllinger, R. 2019, Structural change, trade and global production networks: An 'appropriate industrial policy' for peripheral and catching-up economies, *Structural Change and Economic Dynamics*, no. 48, p. 7—23. doi: 10.1016/j.strueco.2018.04.001.
29. Gaysset, I., Lagoarde-Segot, T., Neaime, S. 2019, Twin deficits and fiscal spillovers in the EMU's periphery, *A Keynesian perspective*, *Economic Modelling*, no. 76, p. 101—116. doi: 10.1016/j.econmod.2018.07.023.
30. Rupert, P., Šustek, R. 2019, On the mechanics of New-Keynesian models, *Journal of Monetary Economics*, no. 102, p. 53—69. doi: 10.1016/j.jmoneco.2019.01.024.
31. Jump, R.C., Levine, P. 2019, Behavioural New Keynesian models, *Journal of Macroeconomics*, no. 59, p. 59—77. doi: 10.1016/j.jmacro.2018.11.002.
32. Grundke, R., Moser, C. 2019, Hidden protectionism? Evidence from non-tariff barriers to trade in the United States, *Journal of International Economics*, no. 117, p. 143—157. doi: 10.1016/j.jinteco.2018.12.007.
33. Basu, K. 2018, The rise of Trump and an agenda for regulatory reform, *Journal of Policy Modeling*, vol. 40, no. 3, p. 546—558. doi: 10.1016/j.jpolmod.2018.03.007.
34. Steinberg, J.B. 2019, Brexit and the macroeconomic impact of trade policy uncertainty, *Journal of International Economics*, no. 117, p. 175—195. doi: 10.1016/j.jinteco.2019.01.009.
35. Larsen, S.U. (ed.) 2009, *Teoriya i metody v sovremennoi politicheskoi nauke: pervaya popytka teoreticheskogo sinteza: sbornik statei norvezhskikh politologov* [Theory and methods in modern political science: the first attempt at theoretical synthesis: a collection of articles by Norwegian political scientists] Moscow, 750 p. (in Russ.).
36. Dombi, A., Grigoriadis, T. 2020, State history and the finance-growth nexus: Evidence from transition economies, *Economic Systems*, vol. 44, no. 1. doi: 10.1016/j.ecosys.2019.100738.
37. Herschenkron, A. 1962, The Approach to European Industrialization: a Postscript, In: *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays* Cambridge (Mass.), Harvard University Press.
38. Veltmeyer, H. 2020, Latin America in the vortex of social change: Development and social movement dynamics. *World Development*, no. 130. doi: 10.1016/j.worlddev.2020.104916.
39. Orekhovskiy, P.A., 2016, Preryvisty trend razvitiya strukturalizma: al'ternativnaya traditsiya ekonomicheskogo analiza: Doklad [The Intermittent Trend of Structuralism: An Alternative Tradition of Economic Analysis: Report], Moscow, 47 p. (in Russ.).
40. Agoraki, M.-E.K., Kouretas, G.P., Triantopoulos, C. 2020, Democracy, regulation and competition in emerging banking systems, *Economic Modelling*, no. 84, p. 190—202. doi: 10.1016/j.econmod.2019.04.009.

41. Latov, Yu.V. 2005, Theory of dependence on previous development in the context of institutional economic history, *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of Rostov State University], vol. 3, no. 3, p.36—43 (in Russ).
42. Puffert, D.J. 2003, Path Dependence, Network Form and Technological Change. In: Sundstrom, W., Guinnane, T., Whatley, W. (eds.) *History Matters: Essays on Economic Growth, Technology and Demographic Change*, Stanford, Stanford University Press, p.263.
43. Schiermeier, Q. 2019, How Estonia blazed a trail in science. A small nation found strength in research after joining the European Union, *Nature*, vol. 565, p. 416—418. doi: 10.1038/d41586-019-00209-7.
44. Nuvolari, A. 2019, Understanding successive industrial revolutions: A “development block” approach, *Environmental Innovation and Societal Transitions*, no. 32, p. 33—44. doi: 10.1016/j.eist.2018.11.002.
45. Tobon-Valencia, E., Lamouri, S., Pellerin, R., Dubois, P., Moeuf, A. 2019, Production Planning in the Fourth Industrial Revolution: A Literature Review, *IFAC-PapersOnLine*, vol. 52, no. 13, p. 2158—2163. doi: 10.1016/j.ifacol.2019.11.525.
46. Rosik, P., Pomianowski, W., Komornicki, T., Goliszek, S., Szejgiec-Kolenda, B., Duma, P. 2020, Regional dispersion of potential accessibility quotient at the intra-European and intranational level. Core-periphery pattern, discontinuity belts and distance decay tornado effect, *Journal of Transport Geography*, no. 82. doi: 10.1016/j.jtrangeo.2019.102554.
47. Ahlborn, M., Wortmann, M. 2018, The core-periphery pattern of European business cycles: A fuzzy clustering approach, *Journal of Macroeconomics*, no. 55, p. 12—27. doi: 10.1016/j.jmacro.2017.08.002.
48. Vallerstain, I. 2000, Globalization or transition? *Ekonomicheskie strategii* [Economic strategies], no. 2, p. 14—26 (in Russ).
49. Bresser-Pereira, L.C., Araújo, E.C., Costa Peres, S. 2020, An alternative to the middle-income trap, *Structural Change and Economic Dynamics*, no. 52, p. 294—312. doi: 10.1016/j.strueco.2019.11.007.
50. Wiborg, Ø.N., Hansen, M.N. 2018, The Scandinavian model during increasing inequality: Recent trends in educational attainment, earnings and wealth among Norwegian siblings, *Research in Social Stratification and Mobility*, no. 56, p. 53—63. doi: 10.1016/j.rssm.2018.06.006.
51. Benešová, I., Smutka, L. 2016, The Post-soviet Countries — Development and Structure of Economy: Is there any Potential for Future Regional Integration? *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, no. 220, p. 30—39. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.05.466.
52. Cutrini, E. 2019, Economic integration, structural change, and uneven development in the European Union, *Structural Change and Economic Dynamics*, no. 50, p. 102—113. doi: 10.1016/j.strueco.2019.06.007.
53. Siksnelyte, I., Zavadskas, E.K., Bausys, R., Streimikiene, D. 2019, Implementation of EU energy policy priorities in the Baltic Sea Region countries: Sustainability assessment based on neutrosophic MULTIMOORA method, *Energy Policy*, no. 125, p. 90—102. doi: 10.1016/j.enpol.2018.10.013.
54. Studzieniecki, T. 2016, The Development of Cross-border Cooperation in an EU Macrorregion — A Case Study of the Baltic Sea Region, *Procedia Economics and Finance*, no. 39, p. 235—241. doi: 10.1016/S2212-5671(16)30318-5.
55. Rokkan, S., Urwin, D.W. 1982, Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe. In: Rokkan, S., Urwin, D.W. (eds.) *The Politics of territorial Identity. Studies in European Regionalism*, SAGE publications, London, Beverly Hills, New Delhi, p. 5.
56. Timofeev, I.N. 2014, *Mirovoi poryadok ili mirovaya anarkhiya? Vzglyad na sovremennuyu sistemu mezhdunarodnykh otnoshenii* [World order or world anarchy? A look at the modern system of international relations]. In: Ivanov, I.S. (ed.) *Workbook no. 18*, Moscow, 48 p. (in Russ).
57. Minarčíková, E. 2016, EU-China cooperation on regional policy, *Perspectives in Science*, no. 7, p. 30—38. doi: 10.1016/j.pisc.2015.11.007.
58. Gustafsson, Å. 2018, The Baltic Sea Region Border Control Cooperation (BSRBCC) and border management in the Baltic Sea region: A case study, *Marine Policy*, no. 98, p. 309—316. doi: 10.1016/j.marpol.2018.09.028.

The authors

Prof. Igor A. Maksimtsev, Rector, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: rector@unecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9046-9114>

Prof. Nikolay M. Mezhevich, Chief Research Fellow, Institute of Europe Russian Academy of Science, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>

Dr Natalia P. Sirota, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: snp@unecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2736-9986>

ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ АВТОМОБИЛЬНОГО ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА НА УРОВНЕ РЕГИОНА

Д. Ю. Каталевский^{а, б}

Т. Р. Гареев^б

^а Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Россия, Москва, Просп. Вернадского, 82

^б Сколковский институт науки и технологий,
121205, Россия, Москва, Большой бульвар, 30/1

Поступила в редакцию 19.02.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-8

© Каталевский Д. Ю., Гареев Т. Р., 2020

Глобальное распространение электромобилей является примером появления технологии, имеющей многогранные последствия для региональной экономики как с точки зрения адаптации производственных, транспортных и энергетических систем, так и с точки зрения их пространственной оптимизации. Опыт передовых регионов мира, в том числе стран Балтийского региона, свидетельствует о том, что в долгосрочной перспективе электротранспорт может вытеснить традиционные транспортные технологии. В статье предлагается подход к имитационному моделированию распространения электромобилей в регионе (на основе оригинальной модели системной динамики). Между парком электромобилей и зарядной инфраструктурой существуют системные обратные связи, учесть которые позволяет системно-динамический подход. Этот подход особенно актуален для определения инструментов стимулирования спроса в регионах с низким уровнем развития электротранспорта и зарядной инфраструктуры, для которых не имеется достаточных данных для применения эконометрических методов прогнозирования спроса. Предлагаемая модель апробируется на реальных и оценочных данных по Калининградской области, которая в силу своих пространственных характеристик является уникальным полигоном для отработки имитационных моделей регионального масштаба. Данная модель построена в среде AnyLogic. При этом мы подробно обсуждаем особенности модели, принятые допущения и направления ее дальнейшего развития, в том числе возможности построения гибридных моделей, включающих элементы агентного моделирования и пространственной оптимизации

Ключевые слова:

имитационное моделирование, системная динамика, электротранспорт, электромобили, зарядная инфраструктура, регион, прогнозирование спроса, стимулирование спроса, модель Басса, AnyLogic

Для цитирования: Каталевский Д. Ю., Гареев Т. Р. Имитационное моделирование для прогнозирования развития автомобильного электротранспорта на уровне региона // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 118–139. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-8.

Введение

Активное развитие электротранспорта происходит в последние 10 лет, на конец 2018 года в мире насчитывалось свыше 5 млн электрокаров¹, и по прогнозам еще через 10 лет — к 2030 году — каждый третий продаваемый автомобиль будет оснащен электродвигателем. Это стало возможным благодаря технологическим прорывам в области разработки и производства аккумуляторных батарей — прежде всего литий-ионных аккумуляторов [1].

Индивидуальный транспорт на электрической тяге является естественным субститутом для транспорта, основанного на ДВС (двигателях внутреннего сгорания). Известно, что он имеет ряд технологических преимуществ (при условии использования) — с точки зрения стоимости эксплуатации, экологичности, а также простоты в обслуживании [2].

Однако при нынешнем уровне развития технологии индивидуальный электротранспорт имеет ряд недостатков, в первую очередь сложности с эксплуатацией литий-ионных аккумуляторов в холодных климатических условиях². Это является наглядным примером ярко выраженной региональной специфики для перспектив распространения электротранспорта.

В современной литературе рассматривается огромное количество новых научных и практических вопросов, связанных с динамикой распространения электротранспорта [3—8]. Из всего многообразия тематик мы сосредоточимся на проблеме обеспечения *критической массы*, необходимой для распространения новой технологии в конкретном регионе, — в данном случае, на анализе условий, при которых распространение индивидуального электротранспорта на региональном уровне станет необратимым процессом. Соответственно, цель работы — проанализировать динамику распространения электромобилей в Калининградской области с учетом покупательской способности жителей региона.

Мы рассматриваем именно региональную проекцию данной тематики, так как развитие электротранспорта критически зависит от региональных факторов и оказывает системное влияние на развитие территории в целом. К таким факторам относятся климатические и социально-демографические характеристики регионов, а также связанные с ними параметры энергетической и транспортной сетей, структуры жилищно-коммунального хозяйства и др. В результате прогнозы развития электротранспорта являются регионально-специфическими.

Наше исследование имеет прикладное значение, так как содержит методический подход к прогнозированию развития систем электротранспорта в условиях нехватки данных для построения эконометрических моделей. Это достигается благодаря применению оригинальной модели имитационного моделирования на основе системной динамики, инструментарий которой базируется на численном решении систем дифференциальных уравнений первого порядка.

Непосредственный предмет данного исследования — *создание модели для оценки и сценарного прогнозирования влияния ключевых факторов на развитие электротранспорта в регионе. В контексте моделирования авторы решают следующие задачи: оценить динамику развития электротранспорта в зави-*

¹ IEA (2018). Global EV Outlook 2018: Towards cross-modal electrification. OECD/ International Energy Agency. URL: <https://www.connaissancedesenergies.org/sites/default/files/pdf-actualites/globalevoutlook2018.pdf> (дата обращения: 30.12.2019); IEA (2019). Global EV Outlook 2019: Scaling-up the transition to electric mobility. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/global-ev-outlook-2019> (дата обращения: 30.12.2019).

² Другие недостатки, например относительно короткий пробег на одну зарядку, достаточно быстро ликвидируются с развитием технологии. Считается, что уже к 2023—2025 годам будет достигнут паритет электротранспорта с ДВС.

симости от различных сценариев: 1) степени развитости инфраструктуры заправочных станций, 2) первичного государственного заказа и 3) объема субсидий на покупку электромобиля. Разработанная модель является уникальной по причине глубокого анализа региональной специфики, определившей контекст моделирования, а также ввиду используемых приемов репрезентации потоковой модели — в частности оригинального подхода к моделированию состояния выбора потребителя и влияющих на него факторов.

Таким образом, выделим вопросы, на которые отвечает предлагаемая модель.

Какие должны быть размеры субсидии, чтобы повлиять на решение о покупке электромобиля?

Какой минимальный объем инфраструктуры заправок необходим для стимулирования отказа от автомобилей с ДВС в пользу электромобилей?

Какой минимальный парк электромобилей необходим для создания стимулов в развитие частной сети электрических заправок?

Данная модель может быть полезна для лиц, принимающих решения в области политики стимулирования внедрения электротранспорта, специалистов по анализу рынков и диффузии инноваций (в данном случае — электромобилей), а также широкого круга лиц, заинтересованных в разработке уточненных прогнозов динамики развития российского рынка электротранспорта.

В качестве пилотного региона для исследования была выбрана Калининградская область.

Дальнейшее содержание статьи структурировано следующими образом. Сначала мы рассматриваем тенденции распространения электротранспорта в мире, в том числе в странах региона Балтийского моря. Далее приводится более подробная характеристика парка транспорта в Калининградской области. Параллельно обсуждаются особенности и ограничения моделирования развития электротранспорта и зарядной инфраструктуры при недостатке наблюдений. Затем мы описываем подход на основе имитационного моделирования, который учитывает обратные связи между парком электротранспорта и зарядной инфраструктурой. Мы используем прикладной пакет AnyLogic PLE для реализации модели системной динамики [9—11]. Для апробации предложенной модели используются данные Калининградской области. Калининградская область обладает уникальными характеристиками для отработки региональных имитационных моделей благодаря своему эксклавному положению и компактным размерам ключевых подсистем [12]. Это позволяет рассматривать ее в качестве пилотного региона для апробации политики поддержки и развития электротранспорта для регионов России. Мы используем оценки на основе реальных статистических данных по развитию индивидуального и коммерческого транспорта Калининградской области (на основе базы данных «Автостат»), а также сценарные подходы к моделированию инструментов стимулирования спроса (таких как субсидии на приобретение электромобилей и развитие зарядной инфраструктуры [13; 14]. Анализ полученных результатов и обсуждение направлений дальнейшего развития данной тематики завершают работу.

Обзор тенденций развития электротранспорта в мире и в регионе Балтийского моря

Электромобили получают все большую популярность. По прогнозам ведущих мировых экспертов, к 2030 году до 20—30 % автопарка развитых стран будут электрическими. В некоторые страны, как, например, в Норвегии, являющейся лидером по доле рынка электромобилей среди частного автомобильного транспорта, уже на конец 2018 года электромобили составили 46 % рынка³.

Динамика развития парка электромобилей (BEV-и PHEV-типов) в мире тесно связана с динамикой развития общественной зарядной инфраструктуры (рис. 1).

³ IEA (2019).

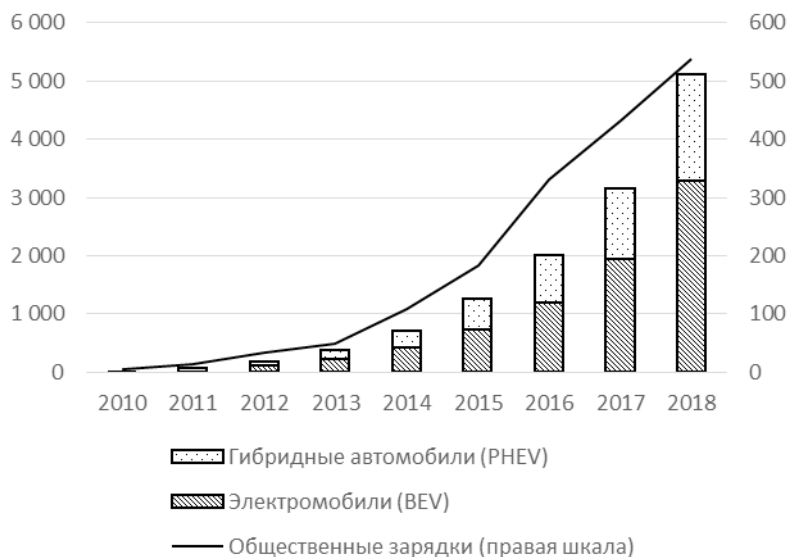

Рис. 1. Глобальная динамика развития парка электромобилей и общественной зарядной инфраструктуры за 2010—2018 годы (левая шкала — тыс. автомобилей, правая шкала — тыс. станций)

Источники: IEA (2019), расчеты авторов.

Внедрение электротранспорта в России идет с сильным отставанием по сравнению с США, Китаем и ведущими странами ЕС. Так, на конец 2019 года в России насчитывалось около 4,8 тыс. электромобилей. К 2025 году доля объема продаж электромобилей, по оценкам отраслевых экспертов, не превысит 0,6%, что составит около 15 тыс. единиц электромобилей⁴. Для сравнения — Китай, страны ЕС и США являются мировыми лидерами по внедрению электромобилей, представляя 45, 24 и 22% соответственно мирового рынка электромобилей в объеме 5,1 млн электромобилей в 2018 году. С 2013 по 2019 год мировые продажи электромобилей росли более чем на 50% в год ежегодно, и к 2030 году мировой рынок электромобилей, согласно прогнозам IEA, составит от 130 до 250 млн единиц, доля электромобилей в продаже новых автомобилей через десять лет может составить до 70% в Китае, до 50% в странах ЕС, 37% в Японии и более 30% в США и Канаде⁵.

Среди ключевых факторов, ограничивающих массовый спрос на электромобили среди населения, традиционно выделяются длительное время подзарядки электромобиля, небольшой пробег электромобиля на одном заряде, высокая стоимость автомобиля, неразвитость зарядной инфраструктуры. Однако за последние 5 лет активное развитие технологий позволило если не снять полностью большую часть из перечисленных выше ограничений, то в значительной степени их ослабить.

По имеющимся наблюдениям складывается достаточно устойчивая пропорция, согласно которой для полноценного развития легкового электротранспорта на 10 электромобилей должна функционировать как минимум 1 общественная зарядная станция⁶. Причем зарядная инфраструктура должна развиваться с некоторым опережением для обеспечения критической массы автомобилей. При этом каждый

⁴ Обзор автомобильного рынка России в 1 полугодии 2019 г. и перспективы развития. Спецвыпуск: электромобили. С. 10. URL: <https://www.pwc.ru/ru/materials/pwc-auto-press-briefing-2019.pdf>. (дата обращения: 12.01.2020).

⁵ IEA (2019).

⁶ IEA (2019).

электромобиль должен иметь индивидуальное место для ночной зарядки. Такие технологические требования объясняют различные стратегии развития зарядной инфраструктуры в разных регионах. Как видно на рисунке 2, Китай является мировым лидером по количеству зарядных станций, при этом делает ставку на развитие быстрой зарядки (рис. 2,б)⁷.

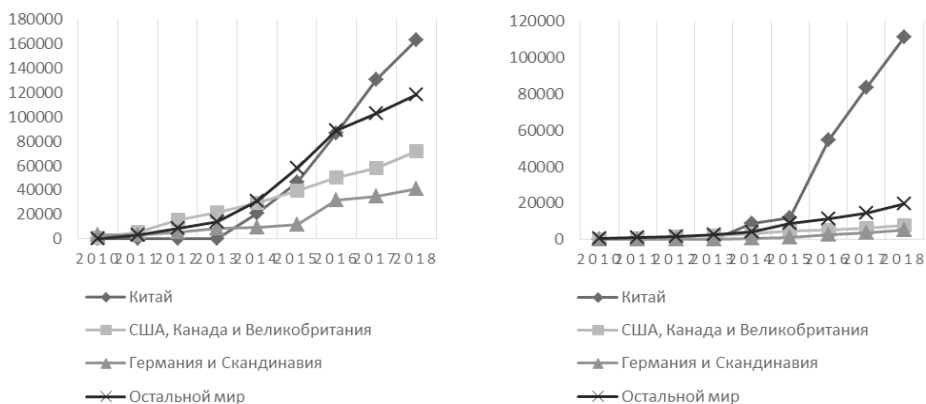

Рис. 2. Распространение общественных зарядных станций в мире в период 2010—2018 гг., шт.:

а — станции медленной зарядки; б — станции быстрой зарядки

Источники: IEA (2019), расчеты авторов.

Эксперты прогнозируют достижение пробега в 400 миль на одной зарядке (~644 км) на горизонте 5 лет, что позволит пользователям электромобилей значительно увеличить поездки на длинные дистанции и повысит спрос на общественные заправки [15].

Напротив, мировой лидер по количеству электромобилей на душу населения — Норвегия — ориентируется на медленную зарядную инфраструктуру. Вероятно, это объясняется структурой жилищного хозяйства, при которой большинство домохозяйств имеют индивидуальные жилые дома (только около $\frac{1}{4}$ домохозяйств проживает в больших многоквартирных домах)⁸. Следует отметить, что задача оптимизации инфраструктуры зависит также от стоимости электричества в регионе, состояния энергосетей и возможностей городского хозяйства осуществлять технологическое присоединение новых зарядных станций, а также их оптимальное пространственное распределение. Так, исследование показало, что в США при загрузке станций быстрой зарядки на уровне 20% и более стоимость заправки на общественной станции становится конкурентоспособной с заправкой дома — средняя загрузка, по данным исследования, в 2018 году составляла около 5% [15].

Особенности автомобильного рынка Калининградской области представлены в следующем разделе статьи.

⁷ Не вдаваясь в технические подробности, отметим, что пока большинство публичных зарядных станций относятся к условной категории медленных (slow), потому что рассчитаны на выдаваемую мощность примерно до 20 кВт на автомобиль. Легко видеть, что для зарядки автомобиля на 20 кВтч понадобится 1 ч (при этом большинство автомобилей пока ориентируются на емкость батареи около 40 кВтч). Считается, что быстрые зарядные станции (fast) могут выдавать 50 и более кВт на автомобиль, тем самым сокращая время зарядки в 2,5 и более раз. Технологии очень быстро развиваются, и уже внедряются станции (super-fast), которые могут выдавать 150 и более кВт на один автомобиль. Однако пока большинство аккумуляторных батарей (и систем управления зарядом) не могут принимать такую мощность. На горизонте 10 лет ситуация может кардинально измениться, что приведет к скачкообразному росту числа электромобилей.

⁸ Подробная статистика доступна по адресу: *Dwellings. Statistics Norway*. URL: <https://www.ssb.no/en/boligstat> (дата обращения: 16.01.2020).

Автомобильный транспорт в Калининградской области: исходные данные для модели

Несколько факторов, по нашему мнению, создают привлекательные условия для пилотного проекта по стимулированию развития электротранспорта в Калининградской области:

1) удобное географическое расположение — Калининградская область граничит с двумя странами Европейского союза (Польша, Литва), где электротранспорт активно развивается, а вместе с ним и сеть электрических заправок;

2) относительно небольшие размеры региона — максимальная протяженность с запада на восток составляет 205 км, с севера на юг — 108 км, что позволяет эффективно использовать электромобиль для перемещений внутри региона, учитывая возможности пробега современных электромобилей на одной зарядке до 250—400 км;

3) наличие мощностей, позволяющих локализовать производство электромобилей, комплектующих, элементов зарядной инфраструктуры как в масштабах регионального, так и национального рынка;

4) благоприятные социально-демографические характеристики — население области составляет 1,022 тыс. человек, из них 622,4 тыс. человек трудоспособного возраста, из которых 527,5 тыс. человек экономически активного населения (по данным на 2017 год, уровень занятости населения составил 67,1 %)⁹;

5) прозрачность региональной энергетической сети.

В данном исследовании мы фокусируемся на сегменте легковых автомобилей, поскольку коммерческий и общественный транспорт имеет существенную специфику с точки зрения развития. Тем не менее с точки зрения государственной поддержки парк общественного транспорта обладает преимуществом — зарядная инфраструктура в первую очередь концентрируется в местах базирования парка, а также вдоль основных маршрутов следования.

Для понимания общей картины приведем распределение транспортных средств по типам для Калининградской области (табл. 1).

Таблица 1

Распределение по типам транспортных средств в Калининградской области, тыс. штук

Тип транспортного средства	Количество	Доля, %
Легковые автомобили (PC)	359	75,3
Малотоннажный грузовой транспорт (LCV)	54	11,3
Грузовые автомобили (HCV), средне- и крупнотоннажные	28	5,9
Транспортные средства для перевозки, за исключением LCV	3	0,6
Прочие (мототехника, прицепы и т.п.)	33	6,9
<i>Всего</i>	477	100,0

Источники: база данных «Автостат», расчеты авторов.

Автомобильный парк Калининградской области имеет структуру, унаследованную из начала 1990-х годов, связанную с активным ввозом подержанных легковых автомобилей из Европы. Тем не менее динамика потребительского поведения изменилась, что видно по смене структуры доли автомобилей по стране происхождения производителя (табл. 2).

⁹ Прогноз баланса трудовых ресурсов Калининградской области на 2018—2020 годы. URL: https://gov39.ru/biznesu/zanyatost/prognoz_balansa.php (дата обращения: 15.01.2020).

Таблица 2

Структура парка легковых автомобилей Калининградской области по возрасту и по стране происхождения¹⁰ на конец 1-го квартала 2019 года, шт. / %

Страна	До 1991 года	1991—2000	2001—2010	2011—2019*	Итого*
Германия	72 065 / 20,1	46 516 / 12,9	27 578 / 7,7	14 372 / 4,0	160 531 / 44,7
Япония	9817 / 2,7	16 826 / 4,7	33 586 / 9,3	18345 / 5,1	78 574 / 21,9
Франция	2607 / 0,7	6159 / 1,7	13 079 / 3,6	7974 / 2,2	29 819 / 8,3
США	7855 / 2,2	5922 / 1,6	10 424 / 2,9	3886 / 1,1	28 087 / 7,8
Южная Корея	47 / 0,0	1170 / 0,3	9119 / 2,5	17 199 / 4,8	27 535 / 7,7
Россия	4415 / 1,2	3132 / 0,9	4038 / 1,1	2828 / 0,8	14 413 / 4,0
Чехия	17 / 0,0	886 / 0,2	3027 / 0,8	5586 / 1,6	9516 / 2,6
Швеция	1435 / 0,4	626 / 0,2	958 / 0,3	277 / 0,1	3296 / 0,9
Италия	1066 / 0,3	706 / 0,2	480 / 0,1	31 / 0,0	2283 / 0,6
Великобритания	68 / 0,0	594 / 0,2	671 / 0,2	382 / 0,1	1715 / 0,5
Китай	0 / 0,0	0 / 0,0	396 / 0,1	1271 / 0,4	1667 / 0,5
Прочие	498 / 0,1	724 / 0,2	446 / 0,1	110 / 0,0	1778 / 0,5
<i>Всего</i>	<i>99 890 / 27,8</i>	<i>83 261 / 23,2</i>	<i>103 802 / 28,9</i>	<i>72 261 / 20,1</i>	<i>35 9214 / 100,0</i>

Источники: база данных «Автостат», расчеты авторов.

Примечание: * — на конец 1-го квартала 2019 года. В приведенных данных около 10,2 тыс. автомобилей (2,9% от общего числа) принадлежит юридическим лицам.

Повышение доли новых автомобилей, приобретаемых домохозяйствами, связано с увеличением доли корейских и чешских автомобилей, которые вытесняют с рынка немецкие и японские модели (рис. 3). На бензиновые автомобили приходится 83,3% парка, 16,4% составляют дизельные автомобили, остальные — гибридные (хотя 85% от их численности приходится на 2007—2011 годы выпуска). Отметим, что на середину 2019 года в Калининградской области было зарегистрировано около 800 гибридных и 10 полностью электрических автомобилей. Это свидетельствует о том, что даже в неразвитой с точки зрения владения электромобилем среде находятся категории потребителей-инноваторов, готовых пробовать принципиально новые продукты.

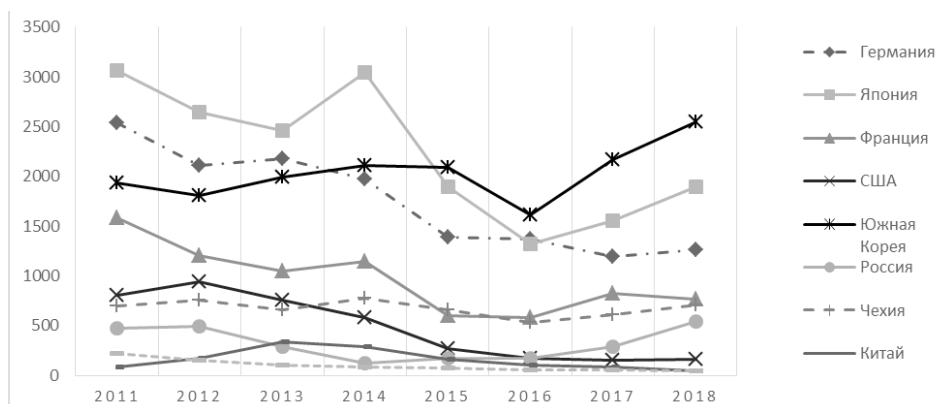

Рис. 3. Структура парка легковых автомобилей 2011—2018 годов выпуска по стране происхождения в Калининградской области

Источники: база данных «Автостат», расчеты авторов.

¹⁰ Следует иметь в виду, что «страна происхождения» часто отличается от «страны производства». Мы учитываем именно страну происхождения (бренда), поскольку, по нашему мнению, она оказывает большее влияние на потребительские предпочтения.

Тем не менее количества электромобилей еще недостаточно, чтобы использовать известные в теории отраслевых рынков методы дискретного выбора для анализа спроса [16]. В странах с более активным развитием электротранспорта, естественно, предпринимались попытки оценки потенциального спроса с помощью эконометрических методов [17]. Однако следует отметить, что их применение ограничено не только имеющимися данными, но и спецификой моделируемой ситуации. Дело в том, что наиболее современные модификации смешанных логит-моделей дискретного выбора [18, с. 955—970], восходящие к VLP-модели [19], сложно адаптируются к ситуации, когда к имеющимся на рынке продуктам добавляется альтернатива с принципиально отличающимися характеристиками. В таких случаях востребованными становятся методы имитационного моделирования, в том числе агентные модели, модели системной динамики, а также их комбинации.

В перспективе до 2025 года на рынке электромобилей будут преобладать небольшие автомобили, а уже после 2025 года можно ожидать достаточного развития технологии производства аккумуляторов для обеспечения их эффективности в более габаритных сегментах. В связи с этим важно, что в структуре парка не менее 35 % занимают компактные автомобили (табл. 3).

Таблица 3

**Потребительские предпочтения по категориям автомобилей и типам кузовов,
в Калининградской области, % от общей численности парка**

Категория	Седан	Универсал	Хэтчбек	Другие	Итого
A	0,11	0,03	2,03	0,02	2,19
B	7,46	0,75	6,14	1,26	15,62
C	6,55	1,87	9,55	2,01	19,98
D	15,59	5,02	0,41	2,91	23,93
E	8,55	1,38	0,05	0,63	10,61
MPV	0,01	4,04	0,83	0,00	4,88
SUV	0,01	15,96	0,85	0,16	16,98
Прочие	1,82	0,72	0,37	2,90	5,81
<i>Всего</i>	40,10	29,78	20,23	9,89	100,00

Источники: база данных «Автостат», расчеты авторов.

Примечание: Выделены условные категории базы данных «Автостат». MPV — Multi-Purpose Vehicle (многоцелевое транспортное средство); SUV — Sport-Utility vehicle (спортивный внедорожник).

Проведенный анализ позволяет перейти к оценке потенциального спроса на электромобили для построения сценариев предлагаемой нами имитационной модели на основе системной динамики. Используемый системно-динамический подход дает возможность реализовать многофакторное моделирование сложных социально-экономических систем с учетом нелинейных эффектов обратной связи [11; 20—22].

Структура модели

В основе системно-динамической модели лежит модифицированная модель диффузии инновационных продуктов Ф. Басса [23; 24]. Системная динамика основана на взаимодействии потоков и накопителей (рис. 4). Накопители представляют собой состояние конкретной переменной в данный момент времени, а пото-

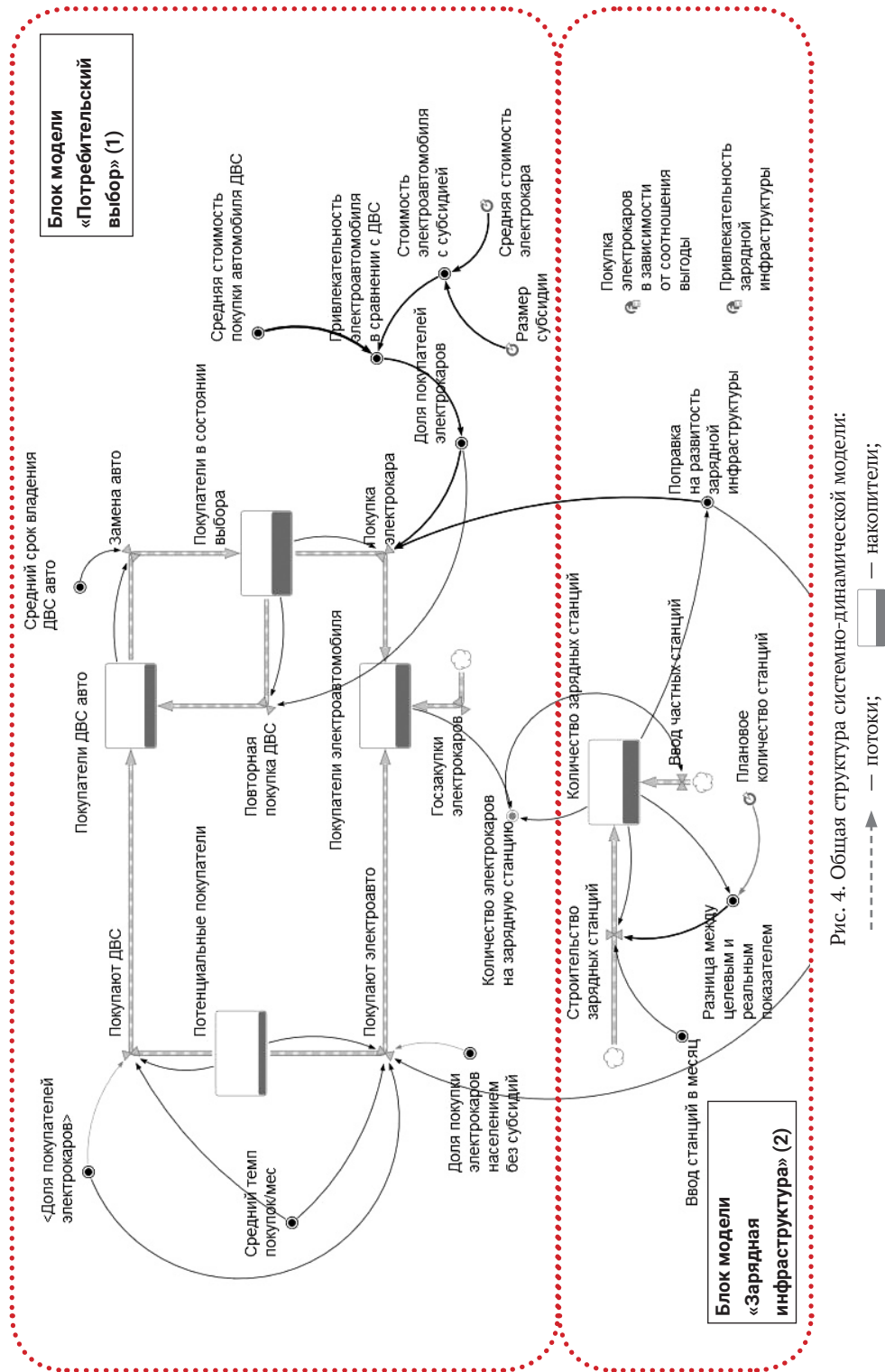

Рис. 4. Общая структура системно-динамической модели.

ки — положительные или отрицательные изменения данной переменной за период. Ключевой особенностью моделей системной динамики является возможность моделирования обратных связей (в том числе с элементами запаздывания) между переменными. Гибкость аппарата системной динамики заключается в численном моделировании процессов, что позволяет использовать произвольные зависимости между переменными и снимает требования аналитической разрешимости системы. Принципы современной системной динамики рекомендуют избегать излишней сложности и детализации модели, отражать наиболее существенные свойства моделируемой системы [25; 26].

Классическая модель Ф. Басса предполагает, что любой рынок можно представить в виде как минимум двух переменных — количества потенциальных и фактических покупателей [23]. Интенсивность перетоков между данными категориями зависит от произвольного числа факторов. Базовая модель была существенно переработана и адаптирована авторами для отражения специфики принятия решений потребителем относительно выбора между автомобилем с ДВС и электромобилем. Как отмечалось, в литературе активно рассматриваются модели имитационного моделирования распространения электротранспорта по различным регионам мира [27—33]. Отличиями предлагаемой модели являются особенности моделирования принятия потребительских решений при выборе электромобиля и структура обратных связей. Модель рассчитана на 120 периодов (месяцев). Общий вид модели представлен на рисунке 4.

Модель состоит из двух основных блоков:

- 1) блока принятия потребительских решений «Потребительский выбор»;
- 2) блока «Зарядная инфраструктура».

Блок «Потребительский выбор» отражает принципиальную схему выбора между автомобилями с ДВС и электромобилями. Накопитель «Потенциальные покупатели» дополнительно разделяется на две группы — «Покупатели ДВС-автомобилей» и «Покупатели электромобилей» (данным группам соответствуют одноименные накопители на рисунке 4). «Покупатели ДВС-автомобилей» по истечении определенного периода (60 месяцев, что эквивалентно среднему сроку владения автомобилем) переходят в категорию «Покупатель в состоянии выбора» (соответствующий накопитель). В этом состоянии они могут сделать выбор как в пользу автомобиля с ДВС (возвращаются в соответствующий накопитель — «Покупатели ДВС-автомобилей»), так и в пользу электромобиля. Выбор в пользу электромобиля осуществляется в зависимости от привлекательности опции покупки электромобиля по сравнению с покупкой традиционного автомобиля и определяется на основании *соотношения стоимости цены на электромобиль с учетом государственной субсидии и стоимости автомобиля с ДВС*. Чем ниже стоимость электромобиля с учетом субсидии по сравнению с ДВС-автомобилем, тем выше заинтересованность потенциального покупателя в выборе электромобиля.

Кривая предпочтения автомобилей в зависимости от стоимости основана на экспертных оценках авторов статьи и представлена на рисунке 5. Так, например, если средняя стоимость субсидированного электромобиля в 1,5 раза ниже средней стоимости автомобиля с ДВС, то 15 % покупателей, находящихся в состоянии выбора, выберут электромобиль. В случае, если стоимость субсидированного электромобиля будет в два раза ниже, то выбор в пользу электромобиля будут делать чуть более 20 % покупателей.

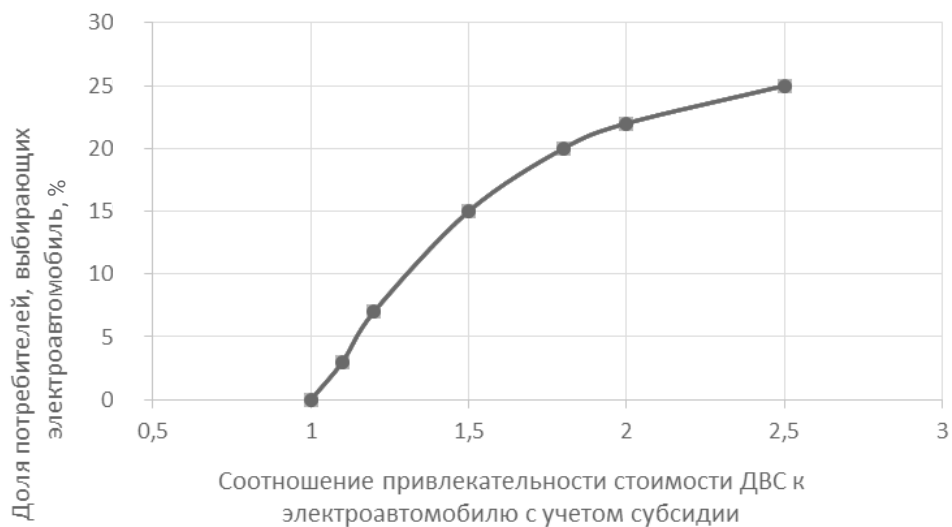

Рис. 5. Кривая предпочтений потребителей, совершающих выбор в пользу электроавтомобиля, в зависимости от соотношения стоимости автомобиля с ДВС к электроавтомобилю

По статистике в среднем в год в Калининградской области продается около 8 тыс. автомобилей, из которых примерно половина приходится на новые автомобили, проданные в кредит (4 194 автомобиля в 2018 году)¹¹. Средний размер автокредита в 2018 году составил 883 тыс. руб. Если кредит составляет от 30 до 50 % стоимости автомобиля, ожидаемая стоимость нового автомобиля находится в диапазоне 1,2—1,8 млн руб. Соответственно, потенциальный покупатель сравнивает стоимость электроавтомобиля с субсидией и автомобиля с ДВС. Ограничения на размер субсидии установлены от 25 до 50 % стоимости электроавтомобиля, что согласуется с международной практикой [14].

Для демонстрационных целей мы использовали двухфакторную модель выбора электроавтомобиля, учитывающую (1) стоимость электроавтомобиля и (2) развитость зарядной инфраструктуры в регионе. Оба фактора имеют первостепенное значение, представляя минимально необходимый набор критически значимых характеристик для предпочтения электроавтомобиля автомобилю с ДВС. Авторы сознательно пошли на упрощение модели, избегая ее усложнения второстепенными факторами, таким образом оставляя область для последующих научных исследований. Между тем моделирование даже относительно простой двухфакторной модели выбора электроавтомобиля представляет собой нетривиальную научную задачу.

Развитость зарядной инфраструктуры учитывается с помощью поправочного коэффициента, на который корректируется количество желающих приобрести электроавтомобиль (рис. 6). Поправочный коэффициент основывается на экспертных оценках авторов. Коэффициент динамически изменяется на основе развития инфраструктуры в регионе — по мере роста сети общественных зарядных станций. Под сеть заправок для электроавтомобилей мы подразумеваем соотношение быстрых (fast и superfast) и медленных заправок в пропорции 1 к 4 соответственно.

¹¹ Аналитики: в Калининграде растет спрос на новые автомобили. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/12/02/2019/5c62a6949a7947df2c286878> (дата обращения: 20.01.2020).

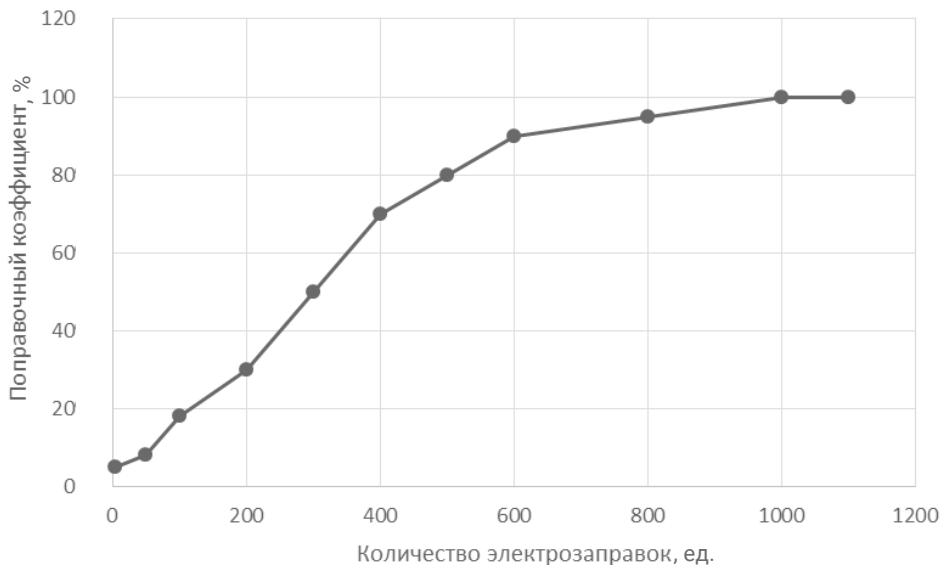

Рис. 6. Кривая предпочтений потребителей, совершающих выбор в пользу электромобиля, в зависимости от наличия зарядной инфраструктуры

Так, по мере введения в оборот зарядной инфраструктуры поправочный коэффициент возрастает с 5 до 100 %, то есть при наличии в регионе общественных зарядных станций не менее 1000 единиц поправочный коэффициент на инфраструктуру превращается в единицу — все потребители, выбирающие электромобиль, его приобретают. Если же количество зарядных станций составляет, например, 600 единиц, то только 80 % потенциальных покупателей электромобиля совершают покупку.

Соответственно, **блок «Зарядная инфраструктура»** моделирует скорость введения новых зарядных станций. Мы исходим из предположения, что первичная инфраструктура зарядных станций обеспечивается при государственном участии, а с ростом количества электромобилей в регионе постепенно к развитию зарядной инфраструктуры подключаются и частные инвесторы. Как указывают зарубежные исследователи [33], создание изначальной инфраструктуры заправочных станций критически важно для запуска цикла продаж электромобилей.

Развитие инфраструктуры заправочных станций моделируется с помощью стандартного «целевого» поведения системы (goal seeking behavior). Целевой ориентир регулируется в окне настроек модели (рис. 7). Целевое значение количества зарядных станций выбирается из диапазона в 200—1000 единиц. Для простоты анализа количество строящихся станций рассчитывается как фиксированная доля разницы между уже построенными и планируемыми к постройке станциями (3 %). Число планируемых к постройке станций задается параметром *Плановое количество станций*.

Также в модели отслеживается показатель *Количество электромобилей на зарядную станцию*, представляющий собой отношение количества электромобилей к количеству зарядных станций. В качестве стандартного используется соотношение «10 электромобилей на 1 общественную станцию», обоснованное в *Global EV Outlook 2019*¹². Поскольку за государственный счет финансируется только ограниченное количество станций, с ростом покупок электромобилей соотношение количества электромобилей на зарядную станцию начинает возрастать. В результате строительства новых зарядных станций как за счет бюджетных, так и внебюджетных источников финансирования показатель *Количество электромобилей на зарядную станцию* достигает целевого уровня. В дальнейшем по мере роста парка

¹² EIA (2019).

электромобилей и ухудшения показателя *Количество электромобилей на зарядную станцию* данный цикл повторяется автоматически. В модели заложено предположение, что частный инвестор в среднем вводит по 15 станций за единицу модельного времени до тех пор, пока этот показатель не придет к своему целевому значению «1 публичная станция на 10 электромобилей»).

Базовые параметры и предпосылки расчета приведены в таблице 4.

Таблица 4

Основные предпосылки моделирования

Название переменной	Значение	Единица измерения	Примечание
Период моделирования	120	Месяцев	—
Потенциальные покупатели	40 000	Покупателей	Фиксированный параметр. Прогнозное количество покупателей новых автомобилей в Калининградской области за 10 лет
Средний темп покупки автомобилей в месяц	1,65 %	Доля от количества потенциальных покупателей	Фиксированный параметр. Ежемесячная доля людей, покупающих любой автомобиль. Включает количество покупаемых электромобилей и автомобилей ДВС
Средняя стоимость покупки автомобиля с ДВС	1 200 000	Руб. / автомобиль	Фиксированный параметр
Средняя стоимость покупки электромобиля (без субсидии)	1 700 000	Руб. / автомобиль	Фиксированный параметр
Количество электрических заправок, построенных за счет бюджетного финансирования	200—1000	Единиц	Варьируемый параметр (см. раздел «Анализ чувствительности модели»)
Размер государственной субсидии на покупку электромобиля	30—50 %	Доля от стоимости электромобиля	Варьируемый параметр (см. раздел «Анализ чувствительности модели»)
Количество электромобилей на зарядную станцию (целевое значение)	10	Единиц	Фиксированный параметр. В случае превышения соотношения электромобилей на одну электрозаправку активируется опция строительства заправок за счет частного финансирования

Результаты имитационного эксперимента приведены на рисунке 7: в случае субсидирования покупки электромобилей на 50 % и строительства в регионе инфраструктуры зарядных станций в количестве не менее 400, число покупателей электромобилей за десять лет составит примерно 5,7 тыс. человек (5694 покупателя). При этом количество покупателей автомобилей с ДВС — более 28 тыс. человек (28 341 покупатель). На поздних этапах модели (после первых 60 мес.) в среднем в месяц совершается около 50—60 покупок электромобилей и около 500—520 покупок автомобилей с ДВС.

Всего количество покупателей электромобилей за весь период составит 17 %. За десятилетний период при базовом сценарии может быть введено 514 заправокных станций, из которых за счет государственных средств — 400, за счет средств частных инвесторов — 114 (график «Количество зарядных станций» на рисунке 7). Частные станции вводятся по мере превышения показателя *Количество электромобилей на зарядную станцию* выше целевого значения, установленного в размере 10 электромобилей на 1 станцию.

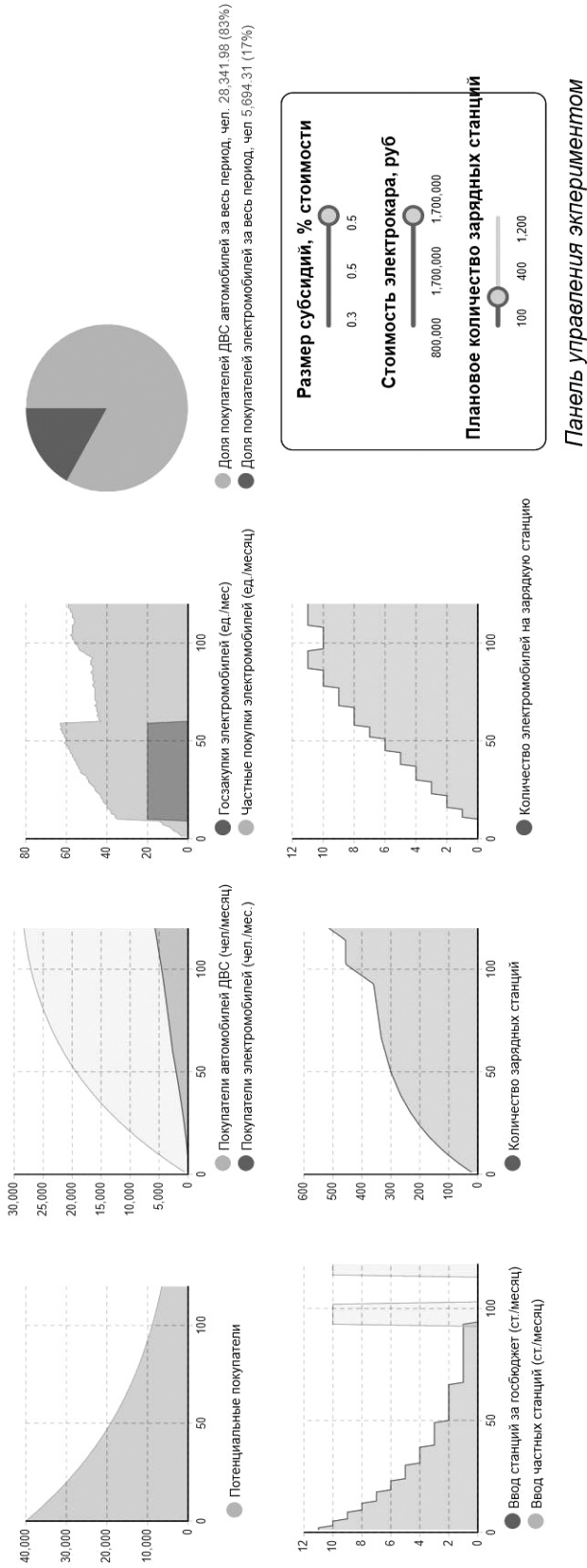

Рис. 7. Панель результатов моделирования. Базовый сценарий: 50 %-ная субсидия на закупку электромобилей, строительство сети зарядных станций за государственный счет в количестве 400 станций

Полученные результаты моделирования в целом соответствуют сложившейся европейской практике, где доля электромобилей по данным на 2019 год составляет около 5—15% от общих покупок новых автомобилей¹³.

Анализ чувствительности модели

Преимущество имитационного моделирования состоит в том, что оно позволяет проводить множество экспериментов, гибко задавая различные сценарии. Сценарии задаются путем варьирования наиболее значимых параметров в различных комбинациях [11]. На основе созданной модели нами был проведен анализ чувствительности по двум ключевым переменным модели:

- 1) количеству общественных зарядных станций;
- 2) размеру необходимой субсидии на приобретение электромобиля.

Результаты анализа чувствительности к количеству зарядных станций представлены на рисунках 8—9. Расчеты показывают (рис. 7), что разница в общем количестве покупателей электромобиля в зависимости от диапазона от 200 до 600 станций представляется существенной. В этом случае число покупателей варьируется от 3770 тыс. человек (200 станций) до 6890 (600 станций). Разница между сетью из 800 и 1000 станций практически незначительна. Таким образом, по нашим расчетам, сеть из заправочных станций в количестве 600 единиц будет в целом достаточной для успешного развития электротранспорта в Калининградской области, принимая во внимание географические и социально-демографические характеристики региона.

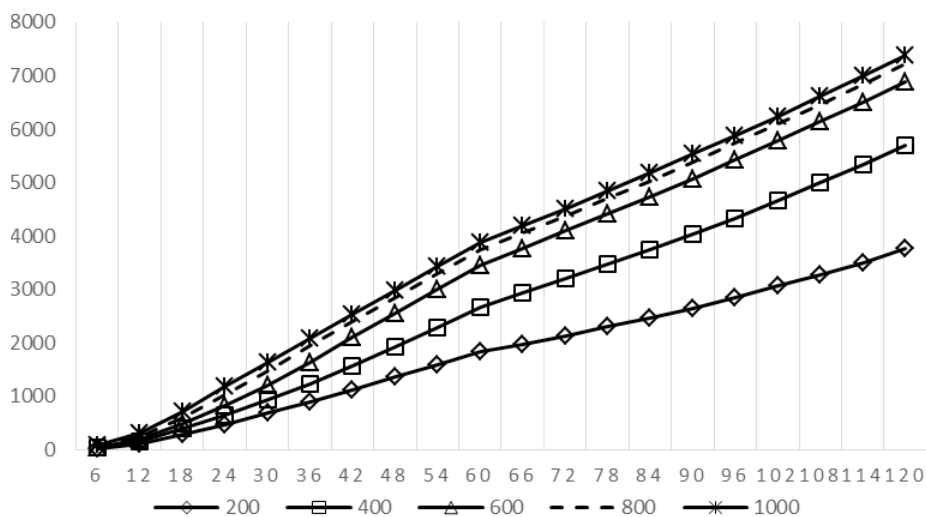

Рис. 8. Анализ чувствительности в зависимости от вводимых зарядных станций за государственный счет (диапазон 200—1000 станций, шаг 200 станций): по горизонтальной оси — время (120 мес.), по вертикальной оси — количество покупателей электромобилей (покупателей всего) в зависимости от развития заправочной инфраструктуры

На рисунке 9 представлено количество покупателей электромобилей в месяц в зависимости от размера субсидий. Результаты имитационного эксперимента наглядно показывают, что выбор потребителем электромобиля в значительной степе-

¹³ EIA (2019).

ни также зависит от уровня субсидирования стоимости электромобиля со стороны государства. Чем выше субсидирование — 35–40 % и более, тем значительнее количество покупателей электромобиля. Разница между количеством покупателей электромобиля в зависимости от уровня субсидирования в 30 и 50 % существенна: более чем в семь раз — 1030 человек (30 %) против 7 490 (50 %). Следует отметить, что данный результат во многом основывается на кривой предпочтений, основанной на анализе авторов (рис. 5). По мере валидации кривой предпочтений на основе дальнейших исследований рынка результаты моделирования могут быть существенно уточнены.

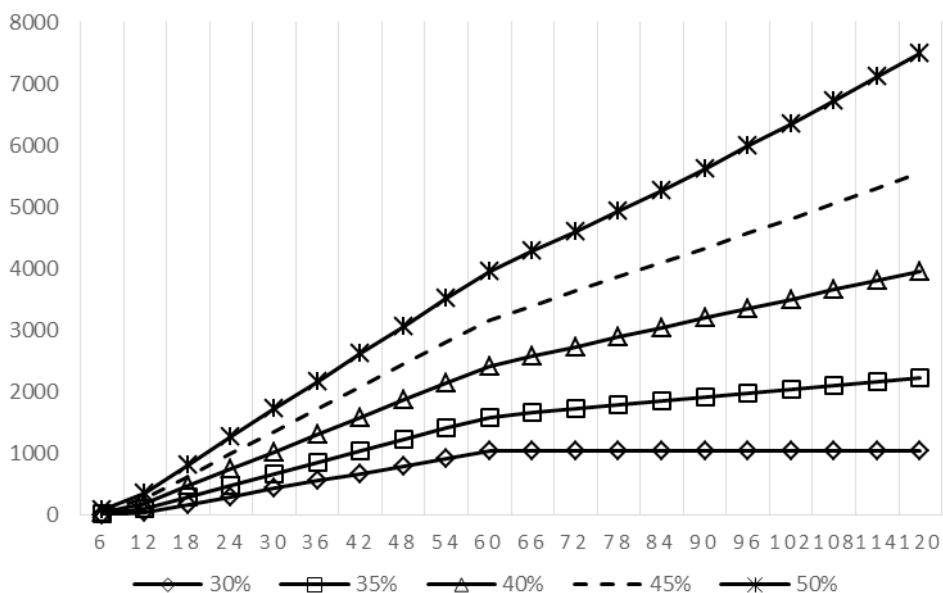

Рис. 9. Анализ чувствительности модели в зависимости от размера субсидирования стоимости электромобиля (диапазон субсидии в размере 30–50 % от стоимости электромобиля, шаг в 5 %): по горизонтальной оси — время (120 мес.), по вертикальной оси — количество покупателей электромобилей (покупателей в месяц) в зависимости от уровня субсидирования

Заключение

С помощью предлагаемой модели системной динамики мы исследуем проблему оценки необходимых мер стимулирования спроса на электромобили для региона с низким уровнем развития электротранспорта.

Мы отмечаем решающее влияние государственной поддержки на стимулирование внедрения электротранспорта. Государственная поддержка в разных странах оказывается в разных формах: от стимулирования покупки электромобилей путем прямого субсидирования до косвенных мер, таких как, например, бесплатная парковка для электротранспорта. Ключевой мерой является развитие сети сверхбыстрых заправочных станций, поскольку заправочные станции представляют собой комплементарный товар для электромобиля [34–36]. Наличие развитой сети заправочных станций, стимулируемых государством, позволяет преодолеть изначальную инерцию и сформировать минимально необходимое количество электромобилей для последующего устойчивого развития (критическую массу). С другой стороны,

требуется определенное минимальное значение электромобилей в качестве стимула для формирования сети зарядных станций. Там, где электротранспорт активно развивается, частный бизнес — в том числе производители электромобилей, крупные нефтегазовые компании, частные операторы сети заправок и зарядных станций, венчурные фонды и фонды прямых инвестиций — самостоятельно участвует в создании зарядной инфраструктуры.

Построенная нами модель позволяет оценить сценарии развития зарядной инфраструктуры на примере эксклавной Калининградской области. Новизна подхода заключается в том, что модель может быть адаптирована для любых регионов, имеющих низкий уровень распространения электротранспорта и зарядной инфраструктуры. На основе проведенного моделирования можно дать следующие рекомендации.

1. Регионам, заинтересованным в высокой динамике внедрения электротранспорта, следует в сжатые сроки самостоятельно создать ядро зарядной инфраструктуры. Как показывают эксперименты, это особенно важно на начальном этапе запуска цикла положительной обратной связи «количество зарядных станций — количество электромобилей». После создания минимальной (критической) инфраструктуры далее уже включается стандартный рыночный механизм и происходит подключение бизнеса.

2. На старте программы стимулирования для загрузки строящейся зарядной инфраструктуры рекомендуется предусмотреть меры по созданию в регионе минимального парка электромобилей методом целевого государственного заказа либо на условиях государственно-частного партнерства с крупным бизнесом.

При слабо развитой зарядной инфраструктуре особое значение приобретает комплекс стимулов по переходу владельцев автомобилей с ДВС на электротранспорт — в особенности меры по прямому субсидированию населения частичной стоимости покупки электромобиля. Наш анализ показывает, что размер субсидирования во многом определяет динамику приобретений электромобилей. Регионам, желающим ускорить переход на индивидуальный электротранспорт, следует проработать механизм субсидирования и предусмотреть соответствующие средства в первые 2—3 года реализации программы. Дальнейшее развитие модели может быть связано со следующими задачами:

— необходимо валидировать кривые предпочтений по стоимости электромобиля и влиянию инфраструктуры; моделируемые зависимости могут быть валидированы на основе дополнительно проведенных исследований — социологических опросов, фокус-групп, включения в анализ характеристик геодемографической обстановки и т.д.;

— модель может быть дополнена инструментами имитационного моделирования, в том числе агентного (для более подробного анализа потребительского выбора путем включения в него большего количества факторов, влияющих на выбор электромобиля, включая, например, нефинансовые стимулы, а также индивидуальные поведенческие эффекты), а также системой пространственной оптимизации распространения сети зарядных станций (на основе ГИС и использования данных о транспортных потоках, а также о состоянии распределительных сетей).

Представленная модель функционирует в демонстрационном режиме и отражает общий подход к исследуемой проблеме. Необходимо отметить, что преимуществом модели системной динамики является возможность ее постоянной калибровки и настройки в результате расширения базы практических наблюдений за реальным развитием системы.

Список литературы

1. *Handbook on Battery Energy Storage System*. Asian Development Bank. 2018. doi: <http://dx.doi.org/10.22617/TCS189791-2>.
2. *Buekers J., Van Holderbeke M., Bierkens J., Panis L.* Health and environmental benefits related to electric vehicle introduction in EU countries // *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2014. Vol. 33. P. 26—38. doi: <https://doi.org/10.1016/j.trd.2014.09.002>.
3. *Babic J., Podobnik V.* A Review of Agent-Based Modelling of Electricity Markets in Future Energy Eco-Systems // 2016 International Multidisciplinary Conference on Computer and Energy Science (SpliTech). IEEE. 2016. doi: 10.1109/SpliTech.2016.7555922.
4. *Gnann T., Stephens T., Lin Z. et al.* What drives the market for plug-in electric vehicles? — A review of international PEV market diffusion models // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2018. Vol. 93. P. 158—164. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rser.2018.03.055>.
5. *Wee S., Coffman M., La Croix S.* Do electric vehicle incentives matter? Evidence from the 50 U.S. states // *Research Policy*. 2018. Vol. 47, № 9. P. 1601—1610. doi: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2018.05.003>.
6. *Wolbertus R., Kroesen M., van den Hoed R., Chorus C.* Policy effects on charging behaviour of electric vehicle owners and on purchase intentions of prospective owners: Natural and stated choice experiments // *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2018. Vol. 62. P. 283—297. doi: <https://doi.org/10.1016/j.trd.2018.05.012>.
7. *Yang W., Xiang Y., Lui J., Gu C.* Agent-Based Modeling for Scale Evolution of Plug-In Electric Vehicles and Charging Demand // *IEEE Transactions on Power Systems*. 2018. Vol. 33, № 2. P. 1915—1925. doi: <https://doi.org/10.1109/tpwrs.2017.2739113>.
8. *Zhuge C., Wei B., Dong C. et al.* Exploring the future electric vehicle market and its impacts with an agent-based spatial integrated framework: A case study of Beijing, China // *Journal of Cleaner Production*. 2019. Vol. 221. P. 730—737. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.02.262/>
9. *Borshchev A.* The Big Book of Simulation Modeling: Multimethod Modeling with Anylogic 6. AnyLogic North America, 2013.
10. *Каталевский Д.Ю., Солодов В.В., Кравченко К.К.* Моделирование поведения потребителей // *Искусственные общества*. 2012. Т. 7. № 1—4.
11. *Каталевский Д.Ю.* Основы имитационного моделирования и системного анализа в управлении. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015.
12. *Gareev T.* The Special Economic Zone in the Kaliningrad Region: Development Tool or Institutional Trap? // *Baltic Journal of Economics*. 2013. Vol. 13, № 2. P. 113—130.
13. *Javid R., Nejat A.* A comprehensive model of regional electric vehicle adoption and penetration // *Transport Policy*. 2017. № 54. P. 30—42. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2016.11.003>.
14. *Hardman S., Chandan A., Tal G., Turrentine T.* The effectiveness of financial purchase incentives for battery electric vehicles — A review of the evidence // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2017. Vol. 80. P. 1100—1111. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rser.2017.05.255>.
15. *Lee H., Clark A.* Charging the Future: Challenges and Opportunities for Electric Vehicle Adoption. Working paper. Cambridge, Mass, 2018. URL: https://projects.iq.harvard.edu/files/energyconsortium/files/rwp18-026_lee_1.pdf (дата обращения: 15.01.2020).
16. *Train K.* *Discrete Choice Methods with Simulation*. 2nd ed. Cambridge University Press, 2009.
17. *Wang N., Tang L., Pan H.* Effectiveness of policy incentives on electric vehicle acceptance in China: A discrete choice analysis // *Transportation Research Part A*. 2017. Vol. 105. P. 210—218. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tra.2017.08.009>.
18. *Грин У.* Эконометрический анализ : в 2 кн. Кн. 2 / пер. с англ. ; под науч. ред. С.С. Сивельникова, М.Ю. Турунцевой. М., 2016.
19. *Berry S., Levinsohn J., Pakes A.* Automobile Prices in Market Equilibrium // *Econometrica*. 1995. Vol. 63, № 4. P. 841—890.
20. *Sterman J.* *Business Dynamics: Systems Thinking and Modeling for a Complex World*. Boston, MA, 2000.
21. *Лычкина Н.Н.* Инновационные парадигмы и технологии имитационного моделирования и их применение в управлении и информационных бизнес-системах и системах поддержки принятия решений // *Вестник Университета (Государственный университет управления)*. 2012. № 20. С.136—145.
22. *Кавтарадзе Д.Н.* Наука и искусство управления сложными системами // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014. № 43. С. 266—297.

23. Bass F. A new product growth model for consumer durables // *Marketing Science*. 1969. № 15. P. 215—227.
24. Bass F.M. The relationship between diffusion rates, experience curves, and demand elasticities for consumer durable technological innovations // *The Journal of Business*. 1980. Vol. 53, № 3. P. S51-S67.
25. Pruyt E. Using Small Models for Big Issues: Exploratory System Dynamics Modelling and Analysis for Insightful Crisis Management // 18th International Conference of the System Dynamics Society. 2010. P. 25—29.
26. Ghaffarzadegan N., Lyneis J., Richardson G. How Small System Dynamics Models Can Help the Public Policy Process // *System Dynamics Review*. 2010. Vol. 27. P. 22—44. doi: <https://doi.org/10.1002/sdr.442>.
27. Struben J., Sterman J.D. Transition Challenges for Alternative Fuel Vehicle and Transportation Systems // *Environment and Planning B: Planning and Design*. 2008. Vol. 35, № 6. P. 1070—1097.
28. Shepherd S.P. A review of system dynamics models applied in transportation // *Transportmetrica B: Transport Dynamics*. 2014. Vol. 2, № 2. P. 83—105. doi: <https://doi.org/10.1080/21680566.2014.916236>.
29. Shepherd S., Bonsall P., Harrison G. Factors affecting future demand for electric vehicles: A model based study // *Transport Policy*. 2012. Vol. 20. P. 62—74. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2011.12.006>.
30. Wolf I., Schröder T., Neumann J., de Haan G. Changing minds about electric cars: An empirically grounded agent-based modeling approach // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. Vol. 94. P. 269—285. doi: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2014.10.010>.
31. Pasaoglu G., Harrison G., Jones L. et al. A system dynamics based market agent model simulating future powertrain technology transition: Scenarios in the eu light duty vehicle road transport sector // *Technological Forecasting and Social Change*. 2016. Vol. 104. P. 133—146. doi: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2015.11.028>.
32. Benvenuti L., Ribeiro A., Uriona M. Long term diffusion dynamics of alternative fuel vehicles in Brazil // *Journal of Cleaner Production*. 2017. Vol. 164, № 15. P. 1571—1585. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.07.051>.
33. Yu J., Yang P., Zhang K., Wang F., Miao L. Evaluating the Effect of Policies and the Development of Charging Infrastructure on Electric Vehicle Diffusion in China // *Sustainability*. 2018. Vol 10, № 10. P. 3394. doi: <https://doi.org/10.3390/su10103394>.
34. Meyer P.E., Winebrake J.J. Modeling technology diffusion of complementary goods: The case of hydrogen vehicles and refueling infrastructure // *Technovation*. 2009. Vol. 29. P. 77—91.
35. Reid S., Spence D. Methodology for evaluating existing infrastructure and facilitating the diffusion of PEVS // *Energy Policy*. 2016. Vol. 89. P. 1—10. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2015.11.008>.
36. Harrison G., Thiel C. An exploratory policy analysis of electric vehicle sales competition and sensitivity to infrastructure in Europe // *Technology Forecasting and Social Change*. 2017. № 114. P. 165—178. doi: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.007>.

Об авторах

Тимур Рустамович Гареев, кандидат экономических наук,
Сколковский институт науки и технологий, Россия.

E-mail: tgareev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3920-5041>

Дмитрий Юрьевич Каталевский, кандидат экономических наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия; Сколковский институт науки и технологий, Россия.

E-mail: dkatalevsky@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3920-5041>

DEVELOPMENT OF ELECTRIC ROAD TRANSPORT: SIMULATION MODELLING

D. Yu. Katalevsky^a

T. R. Gareev^b

^a Skolkovo Institute of Science and Technology
100 Novaya St, Skolkovo, 143025, Russia

^b Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
82 Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia

Received 19 February 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-7

© Katalevsky, D. Yu., Gareev, T. R., 2020

Electric transport is rapidly gaining popularity across the world. It is an example of technological advancement that has multiple consequences for regional economies, both in terms of the adaptation of production, transport and energy systems and their spatial optimization. The experience of leading economic regions, including countries of the Baltic Sea region, shows that electric transport can potentially substitute traditional transport technologies. Based on an authentic model of system dynamics, the authors propose a new approach to simulation modelling of the dissemination of electric vehicles in a given region. The proposed model allows the authors to take into account the key systemic feedback loops between the pool of electric vehicles and the charging infrastructure. In the absence of data required for the econometric methods of demand forecasting, the proposed model can be used for the identification of policies stimulating the consumer demand for electric vehicles in regions and facilitating the development of the electric transport infrastructure. The proposed model has been tested using real and simulated data for the Kaliningrad region, which due to its specific geographical location, is a convenient test-bed for developing simulation models of a regional scale. The proposed simulation model was built via the AnyLogic software. The authors explored the capacity of the model, its assumptions, further development and application. The proposed approach to demand forecasting can be further applied for building hybrid models that include elements of agent modelling and spatial optimization.

Keywords:

simulation modelling, system dynamics, electric transport, electric vehicles, charging stations infrastructure, region, demand forecasting, demand stimulation, Bass model, AnyLogic

References

1. Handbook on Battery Energy Storage System. Asian Development Bank. 2018. <http://dx.doi.org/10.22617/TCS189791-2>.
2. Buekers, J., Van Holderbeke, M., Bierkens, J., Int Panis, L. 2014, Health and environmental benefits related to electric vehicle introduction in EU countries, *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, no. 33, p. 26—38. doi: 10.1016/j.trd.2014.09.002.
3. Babic, J., Podobnik, V. 2016, A Review of Agent-Based Modelling of Electricity Markets in Future Energy Eco-Systems, *2016 International Multidisciplinary Conference on Computer and Energy Science (SpliTech)*, IEEE. doi: 10.1109/SpliTech.2016.7555922.
4. Gnann, T., Stephens, T., Lin, Z., Plotz, P., Liu, C., Brokate, J. 2018, What drives the market for plug-in electric vehicles? — A review of international PEV market diffusion models, *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, no. 93, p. 158—164. doi: 10.1016/j.rser.2018.03.055.

5. Wee, S., Coffman, M., La Croix, S. 2018, Do electric vehicle incentives matter? Evidence from the 50 U.S. states, *Research Policy*, vol. 47, no. 9, p. 1601—1610. doi: 10.1016/j.respol.2018.05.003.
6. Wolbertus, R., Kroesen, M., van den Hoed, R., Chorus, C. 2018, Policy effects on charging behaviour of electric vehicle owners and on purchase intentions of prospective owners: Natural and stated choice experiments, *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, no. 62, p. 283—297. doi: 10.1016/j.trd.2018.03.012.
7. Yang, W., Xiang, Y., Lui, J., Gu, C. 2018, Agent-Based Modeling for Scale Evolution of Plug-In Electric Vehicles and Charging Demand, *IEEE Transactions on Power Systems*, vol. 33, no. 2, p. 1915—1925. doi: 10.1109/tpwrs.2017.2739113.
8. Zhuge, C., Wei, B., Dong, C., Shao, C., Shan, Y. 2019, Exploring the future electric vehicle market and its impacts with an agent-based spatial integrated framework: A case study of Beijing, China, *Journal of Cleaner Production*, no. 221, p. 730—737. doi: 10.1016/j.jclepro.2019.02.262.
9. Borshchev, A. 2013 *The Big Book of Simulation Modeling: Multimethod Modeling with Anylogic 6*, AnyLogic North America, 612 p.
10. Katalevsky, D. Yu., Solodov, V. V., Kravchenko, K. K. 2012, Consumer Behavior Modeling, *Iskusstvennyye obshchestva* [Artificial Societies], vol. 7, no. 1—4 (in Russ.).
11. Katalevsky, D. Yu. 2015, *Osnovy imitatsionnogo modelirovaniya i sistemnogo analiza v upravlenii* [Fundamentals of simulation modeling and systems analysis in management], 2th. edition, revised and supplemented, Moscow, 496 p. (in Russ.).
12. Gareev, T. 2013, The Special Economic Zone in the Kaliningrad Region: Development Tool or Institutional Trap? *Baltic Journal of Economics*, vol. 13, no. 2, p. 113—130.
13. Javid, R., Nejat, A. 2017, A comprehensive model of regional electric vehicle adoption and penetration, *Transport Policy*, no. 54, p. 30—42. doi: 10.1016/j.tranpol.2016.11.003.
14. Hardman, S., Chandan, A., Tal, G., Turrentine, T. 2017, The effectiveness of financial purchase incentives for battery electric vehicles — A review of the evidence, *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, Vol. 80, p. 1100—1111. doi: 10.1016/j.rser.2017.05.255.
15. Lee, H., Clark, A. 2018, *Charging the Future: Challenges and Opportunities for Electric Vehicle Adoption*, Working paper, Cambridge, Mass, Harvard Kennedy School, available at: https://projects.iq.harvard.edu/files/energyconsortium/files/rwp18-026_lee_1.pdf (accessed 15.01.2020).
16. Train, K. 2009, *Discrete Choice Methods with Simulation*, Second Edition, Cambridge University Press.
17. Wang, N., Tang, L., Pan, H. 2017, Effectiveness of policy incentives on electric vehicle acceptance in China: A discrete choice analysis, *Transportation Research Part A*, no. 105, p. 210—218. doi: 10.1016/j.tra.2017.08.009.
18. Green W. 2016, *Ekonometricheskii analiz. Kniga 2* [Econometric analysis. Book 2], Moscow (in Russ.).
19. Berry, S., Levinsohn, J., Pakes, A. 1995, Automobile Prices in Market Equilibrium, *Econometrica*, vol. 63, no. 4, p. 841—890.
20. Serman, J. 2000, *Business Dynamics: Systems Thinking and Modeling for a Complex World*, Boston, MA, Irwin/McGraw-Hill.
21. Lychkina, N. N. 2012, Innovative paradigms and technologies of simulation modeling and their application in management and information business systems and decision support systems, *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)* [University Herald (State University of Management)], no. 20, C.136—145 (in Russ.).
22. Kavtaradze, D. N. 2014, Science and the art of managing complex systems, *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public administration. Electronic messenger], no. 43, p. 266—297 (in Russ.).
23. Bass, F. 1969, A new product growth model for consumer durables, *Marketing Science*, no. 15, p. 215—227.
24. Bass, F. M. 1980, The relationship between diffusion rates, experience curves, and demand elasticities for consumer durable technological innovations, *The Journal of Business*, vol. 53, no. 3, p. S51-S67.
25. Pruyt, E. 2010, Using Small Models for Big Issues: Exploratory System Dynamics Modelling and Analysis for Insightful Crisis Management, *18th International Conference of the System Dynamics Society*, p. 25—29.

26. Ghaffarzadegan, N., Lyneis, J., Richardson, G. 2010, How Small System Dynamics Models Can Help the Public Policy Process, *System Dynamics Review*, no. 27, p. 22—44. doi: 10.1002/sdr.442.
27. Struben, J., Sterman, J.D. 2008, Transition Challenges for Alternative Fuel Vehicle and Transportation Systems, *Environment and Planning B: Planning and Design*, vol. 35, no. 6, p. 1070—1097.
28. Shepherd, S.P. 2014, A review of system dynamics models applied in transportation, *Transportmetrica B: Transport Dynamics*, Vol. 2, no. 2, p. 83—105. doi: 10.1080/21680566.2014.916236.
29. Shepherd, S., Bonsall, P., Harrison, G. 2012, Factors affecting future demand for electric vehicles: A model based study, *Transport Policy*, no. 20, p. 62—74. doi: 10.1016/j.tranpol.2011.12.006.
30. Wolf, I., Schröder, T., Neumann, J., de Haan, G. 2015, Changing minds about electric cars: An empirically grounded agent-based modeling approach, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 94, p. 269—285. doi: 10.1016/j.techfore.2014.10.010.
31. Pasaoglu, G., Harrison, G., Jones, L., Hill, A., Beaudet, A., Thiel, C. 2016, A system dynamics based market agent model simulating future powertrain technology transition: Scenarios in the eu light duty vehicle road transport sector, *Technological Forecasting and Social Change*, no. 104, p. 133—146. doi: 1016/j.techfore.2015.11.028.
32. Benvenuti, L., Ribeiro, A., Uriona, M. 2017, Long term diffusion dynamics of alternative fuel vehicles in Brazil, *Journal of Cleaner Production*, vol. 164, no. 15, p. 1571—1585. doi: 10.1016/j.jclepro.2017.07.051.
33. Yu, J., Yang, P., Zhang, K., Wang, F., Miao, L. 2018, Evaluating the Effect of Policies and the Development of Charging Infrastructure on Electric Vehicle Diffusion in China, *Sustainability*, vol 10, no. 10, p. 3394. doi: 10.3390/su10103394.
34. Meyer, P.E., Winebrake, J.J. 2009, Modeling technology diffusion of complementary goods: The case of hydrogen vehicles and refueling infrastructure, *Technovation*, no. 29, p. 77—91.
35. Reid, S., Spence, D. 2016, Methodology for evaluating existing infrastructure and facilitating the diffusion of PEVS, *Energy Policy*, no. 89, p. 1—10. doi: 1016/j.enpol.2015.11.008.
36. Harrison, G., Thiel, C. 2017, An exploratory policy analysis of electric vehicle sales competition and sensitivity to infrastructure in Europe, *Technology Forecasting and Social Change*, no. 114, p. 165—178. doi: 10.1016/j.techfore.2016.08.007.

The authors

Dr Timur R. Gareev, Skolkovo Institute of Science and Technology, Russia.

E-mail: tgareev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3920-5041>

Dr Dmitry Yu. Katalevsky, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Russia; Skolkovo Institute of Science and Technology, Russia.

E-mail: dkatalevsky@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3920-5041>

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ СФОРМИРОВАННОСТИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ РЕГИОНОВ НА КАРЕЛЬСКОМ УЧАСТКЕ РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ГРАНИЦЫ

А. Г. Манаков^а

С. В. Кондратьева^б

Н. К. Теренина^а

^а Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2

^б Институт экономики Карельского научного центра РАН,
185030, Россия, Петрозаводск, просп. А. Невского, 50

Поступила в редакцию 30.08.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-9

© Манаков А. Г., Кондратьева С. В.,
Теренина Н. К., 2020

Несмотря на хорошую изученность процессов трансграничного туристско-рекреационного регионообразования в Балтийском регионе, остаются территории, где эти процессы исследованы не достаточно полно. Цель работы — выявление трансграничных туристско-рекреационных регионов на смежных территориях Финляндии и Республики Карелия. В качестве важного признака трансграничного туристско-рекреационного регионообразования, а также ведущего критерия для определения степени сформированности трансграничных регионов предложено использовать показатель величины встречных туристских потоков, пересекающих границу. С опорой на финскую статистику изучена география туризма на приграничных территориях Финляндии, на основании чего дана оценка величины трансграничного туристского обмена между смежными административными единицами соседних стран. Также в статье рассмотрены другие признаки, свидетельствующие о наличии на обозначенной территории трансграничных туристско-рекреационных регионов. В результате проведенного исследования были выявлены три трансграничных туристско-рекреационных региона разных уровней: Южнокарельский, Среднекарельский и Северокарельский. Степень сформированности Южнокарельского (или «российско-финского среднего») мезорегиона со среднегодовым туристским обменом около 100 тыс. человек в год оценена как «средняя». Суммарный объем трансграничных туристских потоков в пределах двух других трансграничных туристско-рекреационных регионов составляет около 30 тыс. человек в год. Фактически Среднекарельский микрорегион второго порядка и Северокарельский микрорегион третьего порядка находятся в начальной стадии формирования, и потому их можно рассматривать совместно в рамках микрорегиона первого порядка, которому дано название «российско-финский северный» микрорегион.

Ключевые слова:

трансграничный регион, туризм, рекреация, Республика Карелия, Финляндия

Введение

На территориях, окружающих Балтийское море, проведено уже достаточно много исследований в рамках теории трансграничного туристско-рекреационного

Для цитирования: Манаков А. Г., Кондратьева С. В., Теренина Н. К. Оценка степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов на карельском участке российско-финляндской границы // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 140–152. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-9.

регионообразования. Так, в пределах всего Балтийского региона были выделены трансграничные туристско-рекреационные регионы мезоуровня, но их детализация (включая описание регионов микроуровня) к настоящему времени коснулась только юго-восточного побережья Балтийского моря, а также границ России с Эстонией и Латвией. Что касается территории российско-финляндского пограничья, то здесь пока не проводилось детальных исследований по выделению и описанию туристско-рекреационных регионов микроуровня.

Финляндия сейчас выступает в качестве лидера среди стран Европейского союза по приему туристов из России. Так, согласно данным Ростуризма, в 2018 году в Финляндию было совершено 2,5 млн туристских поездок россиян¹. Однако эта цифра является явно завышенной на фоне величины турпотока россиян, зафиксированной статистическими службами Финляндии (377,6 тыс. в 2018 году, при этом максимум турпотока из России приходился на 2013 год — 778,5 тыс.²). Дело в том, что в России с 2014 года перешли на новую методику расчета турпотока в соответствии с требованиями Всемирной туристской организации, согласно которым к туристским отнесены поездки с деловыми и профессиональными целями, а также посещение родственников и знакомых. Хотя в Финляндии также используется данная методика, но там отдельно выделяют поездки собственно с туристскими целями, причем имеется статистика приема туристов на уровне административных единиц государства (областей), чего не предоставляет российская статистика по туризму.

Цель статьи — выявление трансграничных туристско-рекреационных регионов на карельском участке российско-финляндской границы и оценка степени их сформированности исходя из величины туристского обмена между смежными районами соседних государств.

В качестве *информационной базы исследования* выступают статистические данные по трансграничным туристским потокам³ и трафику пунктов пропуска через российско-финляндскую границу⁴, находящиеся в открытом доступе на сайтах статистических служб Финляндии, а также справочные и другие материалы по объектам туризма, расположенным на приграничных территориях Республики Карелия и Финляндии.

Степень изученности проблемы. Наиболее изученной в плане трансграничного туристско-рекреационного регионообразования является юго-восточная часть Балтийского региона [1—4]. Здесь выделены и описаны трансграничные туристско-рекреационные регионы (ТТРП) разного уровня, охватывающие смежные территории Калининградской области, Польши и Литвы. Также нужно отметить исследования, проведенные с опорой на данную теорию на соседних территориях России, Эстонии и Латвии [5—7]. На этих территориях рассмотрены трансграничные туристско-рекреационные регионы не только мезоуровня, но и микроуровня [8; 9].

В исследованиях, проведенных к настоящему времени на российско-финляндском приграничье, авторы концентрировали внимание на трансграничной туристской мобильности [10—13], аспектах приграничного сотрудничества и проектной

¹ Статистика выезда граждан РФ за границу в 2018 году. URL: <https://ekec.ru/statistika-vyezda-grazhdan-rf-za-granitsu-v-2018-godu/> (дата обращения: 20.07.2019).

² Tilastokeskus. Statistics Finland's PxWeb databases. URL: <http://pxnet2.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/StatFin/> (дата обращения: 20.07.2019).

³ Tilastokeskus. Statistics Finland's PxWeb databases. URL: <http://pxnet2.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/StatFin/> (дата обращения: 20.07.2019); Visit Finland. Statistics Service Rudolf. URL: <http://visitfinland.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/VisitFinland/> (дата обращения: 20.07.2019).

⁴ Border traffic between Finland and Russia 2012—2019. URL: https://www.raja.fi/current_issues/statistics (дата обращения: 19.07.2019).

деятельности [14—17], формировании социокультурного пространства [18] и территориальной идентичности [19; 20], а также развитии трансграничных сетей в сфере туризма [21; 22]. Результаты данных исследований можно считать основой для проведения работы по выделению на российско-финляндском порубежье и последующему описанию трансграничных туристско-рекреационных регионов разного иерархического уровня.

Выделение ТТРР и определение их уровня

Е.Г. Кропинова на карельском участке российско-финляндского порубежья выявила только один трансграничный туристско-рекреационный регион мезоуровня, который получил название «российско-финский северный мезорегион». По соседству с ним были определены еще два трансграничных туристско-рекреационных региона того же уровня. Первый из них расположен на границе Финляндии с Ленинградской областью и назван российско-финским южным мезорегионом. Еще один мезорегион был выделен на стыке границ Финляндии с Норвегией и Россией (Мурманская область). При этом российско-финский северный и российско-норвежско-финский мезорегионы были отнесены к категории формирующихся [4].

Фактически же, на наш взгляд, за обозначенным российско-финским северным мезорегионом скрываются минимум три трансграничных туристско-рекреационных региона разного уровня, между которыми имеются разрывы, и потому их объединение в границах одного мезорегиона является достаточно условным. Формирование трансграничных регионов происходит вокруг крупных пунктов пропуска через границу, в первую очередь многосторонних автомобильных пунктов пропуска (МАПП). На границе России и Финляндии ныне действуют 8 МАПП, из них 3 приходится на карельском участке границы (рис.).

Три МАПП очень сильно различаются по своему трафику, то есть ежегодному количеству пересечений границы с той и другой стороны. В южной части Республики Карелия находится самый крупный МАПП с трафиком свыше 1 млн в год. Трафик второго МАПП, расположенного близ г. Костомукши, в три раза меньше, и его можно отнести к категории средних. Трафик самого северного МАПП в Карелии меньше еще в 7 раз, и он классифицирован нами как «малый». Именно эти три МАПП формируют подавляющую часть трансграничного туристского обмена между Республикой Карелия и Финляндией. В республике есть еще несколько пропускных пунктов (железнодорожные пункты пропуска и пункты упрощенного пропуска), но их участие в формировании трансграничного обмена на региональном уровне ничтожно мало, и потому они нами исключены из анализа.

Расположение МАПП и величина их трафика создают условия для образования трех трансграничных туристско-рекреационных регионов разного иерархического уровня и степени сформированности. Самый южный из этих ТТРР вполне может быть рассмотрен как мезорегион. Ему можно дать название Южнокарельский, или же российско-финский средний, мезорегион с учетом того, что к северу от него на той же российско-финляндской границе расположены другие ТТРР. Очевидно, что второй и третий ТТРР имеют статус микрорегионов, но их иерархический уровень (порядок) будет уточнен по ходу исследования. Эти микрорегионы можно рассматривать отдельно или же, ввиду их географической близости, можно их объединить в микрорегион наиболее высокого — первого — порядка. Соответственно, этот микрорегион первого порядка может быть обозначен как российско-финский северный. В масштабах же Республики Карелия две его части правильнее назвать Среднекарельским и Северокарельским микрорегионами.

Рис. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на смежных территориях Финляндии и Республики Карелия (составлено А.Г. Манаковым): границы: 1 — государственные, 2 — субъектов Российской Федерации; многосторонние автомобильные пункты пропуска: 3 — крупные, 4 — средние, 5 — малые; 6 — пункты упрощенного пропуска; 7 — центры областей в Финляндии и административных районов в России; 8 — прочие поселения; 9 — наиболее известные объекты культурно-исторического наследия; 10 — уникальные природные объекты; 11 — национальные парки и заповедники; трансграничные туристские маршруты: 12 — «Голубая дорога», 13 — «Маршрут Кантеле»; 14 — трансграничные туристско-рекреационные регионы: I — Южнокарельский (российско-финский средний) мезорегион, II — Среднекарельский микрорегион второго порядка, III — Северокарельский микрорегион третьего порядка

Е.Г. Коропинова предложила при изучении процесса трансграничного туристско-рекреационного регионообразования опираться на совокупность признаков ТТРР. Из десяти признаков шесть относятся к основным и четыре — к дополнительным [4]. Нами ранее было предложено к этим десяти признакам добавить еще один, который позволяет наиболее объективно определить не только уровень ТТРР, но и степень его сформированности. Этот признак — величина туристского обмена между зарубежными частями ТТРР [6].

Признаки ТТРР нами объединены в три основные группы и рассмотрены с упором на свои географические составляющие. Первая группа признаков, касающихся территории ТТРР, позволяет провести внешние границы ТТРР, а также проследить величину трансграничного туристского обмена в пределах ТТРР. Вторая группа касается объектов туристского притяжения в пределах ТТРР. Третья группа признаков позволяет оценить уровень международного сотрудничества в сфере туризма, что также является важным фактором развития ТТРР.

Территория ТТРР, транспортная связанность и величина трансграничного туристского обмена

Российско-финский средний (Южнокарельский) мезорегион протянулся от Петрозаводска (столицы Республики Карелия) до Куопио (центра области Северное Саво) с основным центром притяжения — г. Йоэнсуу (столица области Северная Карелия). Поэтому мезорегиону можно дать дополнительное название «Петрозаводск — Йоэнсуу». На российской стороне мезорегион охватывает территорию Сортавальского, Лахденпохского, Суоярвского, Питкярантского, Пряжинского и частично Прионежского и Олонецкого районов. На финляндской стороне мезорегион включает следующие области страны: Северная Карелия, Северное Саво и значительная часть Южного Саво. Часть потока россиян направлена также в Хельсинки, Тампере и Турку.

Данный мезорегион обслуживается крупным МАПП Ниирала — Вяртсиля с трафиком 1 млн 147 тыс. в 2018 году. Там же действует железнодорожный пункт пропуска с трафиком 560 тыс. в год.

В 2018 году, по данным статистики Финляндии, в пределах финской части мезорегиона были зарегистрированы 34 тыс. российских туристов, что составило 9 % всего туристского потока в Финляндию из России. В 2013 году, когда был поставлен рекорд в туристском обмене Финляндии и России, количество российских туристов достигало 79 тыс. чел. (или 10 % всей величины турпотока из России в Финляндию). С учетом того, что в 2018 году в общей величине туристского обмена между странами поток в Россию составлял 54,4 % (в 2013 году — 38 %), можно оценить объем туристского обмена внутри данного мезорегиона в 70—80 тыс. чел. (120—130 тыс. чел. в 2013 году).

В средней части Республики Карелия, в поселении Лендерское Муезерского района, имеется пункт упрощенного пропуска через российско-финляндскую границу — Инари. Но величина его трафика (5 тыс. пересечений в год) пока что не позволяет говорить о начальном этапе формирования здесь ТТРР даже самого низкого уровня. Еще севернее находятся два МАПП, которые создают возможности для формирования ТТРР микроуровня.

Российско-финский северный микрорегион первого порядка включает на российской стороне г. Костомукшу и Калевальский район, а также западную часть Лоухского района. Со стороны Финляндии мезорегион охватывает область Кайнуу и крайний северо-восток области Северная Остроботния. Данный микрорегион обслуживает два МАПП с общим трафиком 430 тыс. пересечений в год. В 2018 году

величина потока россиян на приграничные территории соседней страны составляла 12,5 тыс. (3,3 % от общего потока россиян в Финляндию), в 2013 году — 21 тыс. (2,7 %). Трансграничный туристский обмен в пределах данного микрорегиона оценивается примерно в 25—30 тыс. чел., что говорит о достаточно низкой степени его сформированности.

Выделение российско-финского северного микрорегиона первого порядка является достаточно условным, так как два МАПП, расположенные на большом удалении, по сути, создают вокруг себя микрорегионы более низкого порядка, сильно отличающиеся по степени своей сформированности. Вокруг МАПП Люття — Вартиус (в 2018 году трафик — 380 тыс.) уже фактически сформировался *Среднекарельский микрорегион второго порядка*. Он включает на российской стороне Костомукшский городской округ и Калевальский район, а на финской стороне — область Кайнуу.

Вокруг МАПП Суоперя — Куусамо (50 тыс. пересечений границы в год) формируется *Северокарельский микрорегион третьего порядка*. Данный порядок микрорегиона задан в связи с тем, что он охватывает лишь приграничные части соседних районов России и Финляндии — западную часть Лоухского района в Республике Карелия и северо-восточную окраину Северной Остроботнии в Финляндии (включая г. Куусамо). Северокарельский микрорегион находится в начальной стадии формирования, и даже по некоторым признакам его можно отнести к категории потенциальных ТТРР.

Объекты туристского притяжения в ТТРР

Развитие туризма в ТТРР становится стабильным, если у людей, проживающих по разные стороны государственной границы, имеется взаимный интерес к посещению соседней страны вне зависимости от внешних политических и экономических факторов. Этому способствует разнообразие видов туристской деятельности в пределах ТТРР. Ниже рассмотрены наиболее важные объекты культурно-исторического наследия, природные объекты, рекреационные территории и т.п. с точки зрения развития различных видов туризма на территории ТТРР.

Российская сторона трансграничных туристско-рекреационных регионов обладает большим потенциалом для развития культурно-познавательного, событийного и экологического видов туризма. Особо нужно отметить «Зеленый пояс Фенноскандии» — уникальный экологический каркас территории, протянувшийся от Баренцева до Балтийского моря. Благодаря международным проектам вдоль карельского участка государственной границы удалось сформировать систему ООПТ федерального и регионального значения, из которых 80 % расположены на российской стороне. Данный экологический каркас с ценными рекреационными объектами не имеет аналогов в других приграничных регионах России.

На финляндской стороне ТТРР кроме объектов экологического туризма также есть известные объекты культурно-исторического наследия (например, крепость Олавинлинна, Ново-Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, Линтульский Свято-Троицкий монастырь и др.), но основной поток россиян в соседнюю страну формируют шопинг-туры и рекреация.

Южнокарельский мезорегион

Основные объекты культурно-познавательного туризма: крепость Олавинлинна (г. Савонлинна), музей-шахта Оутокумпу, Ново-Валаамский мужской монастырь, Линтульский женский монастырь, церковь Керимяки (Финляндия), Спасо-Преображенский Валаамский мужской ставропигиальный монастырь (конец X — начало

XI века), Важеозерский Спасо-Преображенский мужской монастырь, Сяндемский Успенский женский монастырь, рудный парк «Тулмозерье», исторический город Сортавала (XVII век), частный музей Кронида Гоголева (г. Сортавала), историко-мемориальные комплексы Зимней войны и Великой Отечественной войны, командно-штабной бункер финской армии «Гора Филина» (г. Лахденпохья), историко-мемориальный комплекс «Колласъярви» (Суоярвский район), исторические деревни: Кинерма (XVI век), Киндасово, Нурмолицы (Россия)⁵.

Объекты экологического туризма и рекреации: ботанический сад «Botania» (г. Йюэнсуу), национальный парк «Коли» (Финляндия), природный парк «Валаамский архипелаг» (1999 год, 24 тыс. га), национальный парк «Ладожские шхеры» (2017 год, 122 тыс. га), горный парк «Рускеала», водопады «Белые мосты», «Ахинкоски» и др. (Россия)⁶.

Событийный туризм: международные музыкальные фестивали, ралли «Белые ночи» и «Яккима», чемпионат России по классическому ралли «Карелия», этап Кубка мира Международной автомобильной федерации (ФИА) по бахам «Россия — Северный лес» (единственная в мире снежно-ледовая гонка), «Олонецкие игры Дедов Морозов» (г. Олонец), экологический фестиваль «Олония — гусиная столица» (Олонецкий район).

Шопинг-туризм: города Китеэ, Тохмаярви, Йюэнсуу, Савонлинна, Варкаус и Куопио (Финляндия), поселок Вяртсиля, города Сортавала и Петрозаводск (Россия).

Среднекарельский микрорегион второго порядка

Объекты культурно-познавательного туризма: рунопевческие поселения Калевала и Вокнаволок (Россия).

Объекты экологического туризма: трансграничный парк заповедника «Дружба», объединяющий пять ООПТ на финляндской стороне, и государственный заповедник «Костомукшский» (1983 год, 49 тыс. га) на российской стороне⁷.

Событийный туризм: международные музыкальные фестивали (камерного искусства, рок-фестиваль «Nordsession», фольклора «Кантелетар»), Петров день (д. Аконлахти), праздник ухтинских карелов (пос. Калевала), фестиваль карельской культуры им. О. Степанова «Родичи» (д. Хайколя).

Шопинг-туризм: г. Каяани (Финляндия) — г. Костомукша (Россия).

Северокарельский микрорегион третьего порядка

Объект культурно-познавательного туризма: рунопевческая деревня Кестеньга (Россия).

Объекты экологического туризма и рекреации: горнолыжный курорт Рука, национальные парки «Оуланка» (Финляндия) и «Паанаярви» (1992 год, 104 тыс. га) [24] с визит-центром в поселке Пяозерский (Россия).

Событийный туризм: летний Карельский праздник в урочище Вартиолампи (национальный парк «Паанаярви»).

Шопинг-туризм: г. Куусамо, курорт Рука (Финляндия).

Организация и координация трансграничных туристских потоков, трансграничные туристские маршруты

В пределах Южнокарельского мезорегиона функционируют два известных трансграничных маршрута. Первый из них — «Голубая дорога (Blue road)» протяжен-

⁵ Экономико-географический справочник муниципальных образований Республики Карелия. Петрозаводск, 2009.

⁶ Особо охраняемые природные территории Республики Карелия. Петрозаводск, 2017.

⁷ Там же.

ностью более 2 тыс. км (см. рис., с. 143). Большую роль в развитии и продвижении данного международного маршрута сыграла одноименная международная организация, созданная в 1962 году. В 1990 году была образована Карельская региональная общественная организация, а с 1992 года началось развитие российской части маршрута. Он протянулся вдоль исторических водных путей сообщения от норвежского г. Несна через Швецию, Финляндию и Республику Карелия (Колатсельга, Пряжа, Петрозаводск, Медвежьегорск и Пудож) до Архангельской области.

Второй маршрут — «Дорога горных промыслов (Mining Road)», образованный в 2012—2014 годах и имеющий длину 400 км (от Петрозаводска до Оутокумпу). Трансграничный маршрут разработан в рамках одноименного международного проекта. Он объединяет геологическое и горно-индустриальное наследие по маршруту «Голубая дорога» и включает около 20 объектов, в том числе старые шахты, металлургические заводы и действующие рудники в Восточной Финляндии, геологические памятники природы и исторические горные разработки на юге Республики Карелия (например, рудный парк «Тулмозерье») [23; 24].

С 2018 года разрабатывается третий трансграничный маршрут гастрономической тематики, объединяющей традиционную кухню Республики Карелия (Россия) и Северной Карелии (Финляндия), в рамках международного проекта «Калитка — развитие приграничного гастрономического туризма»⁸. Кроме того, туристскими компаниями Республики Карелия (Россия) и области Северная Карелия (Финляндия) разрабатываются трансграничные туристские маршруты различной тематической направленности.

Через *Среднекарельский микрорегион* проходит трансграничный туристский «Маршрут Кантеле (Kantele Tour Route)», разработанный в 2007—2013 годах. Этот маршрут объединяет рунопевческие территории, связанные с эпосом Калевалы: Кайнуу, Соткамо и Кухмо в Финляндии, Костомукша, Калевала, Хайколя и Беломорская Карелия в России⁹.

Также через *Среднекарельский ТТРП* (или, как вариант, через *Северокарельский микрорегион*) проходит трансграничный туристский маршрут «Белая дорога (White road)», разработанный в 2012—2014 годах. Этот маршрут протянулся вдоль древнего торгового пути из Белого моря на Балтику, соединяя северные районы Республики Карелия и Северную Финляндию. Проектирование данного маршрута осуществлялось в рамках международного проекта «Белая дорога — развитие трансграничного туризма в Северной Финляндии и Республике Карелия»¹⁰.

Выводы

В результате проведенного исследования на карельском участке российско-финляндского порубежья были выявлены три трансграничных туристско-рекреационных региона: Южнокарельский мезорегион («Петрозаводск — Йоэнсуу»), называемый также российско-финским средним мезорегионом, Среднекарельский микрорегион второго порядка и Северокарельский микрорегион третьего порядка. Два последних ТТРП могут быть объединены в микрорегион первого порядка (российско-финский северный).

Ежегодный трансграничный туристский обмен внутри российско-финского среднего (Южнокарельского) мезорегиона ныне оценивается в 70—80 тыс. человек,

⁸ *Калитка* — развитие приграничного и гастрономического туризма. URL: <https://kareliacbc.fi/ru/projects/kalitka-ka4007> (дата обращения: 02.07.2019).

⁹ *Ontrei Malisen's Kantele Tour Route*. URL: <http://www.ontrei.fi/en/route> (дата обращения: 02.07.2019).

¹⁰ *White road* — Белая дорога. URL: http://old.nko-karelia.info/белая_дорога.html (дата обращения: 02.07.2019).

но в течение нескольких лет он превышал 100 тыс. человек. Степень сформированности данного ТТРП можно оценить как среднюю. В пределах российско-финского северного ТТРП, включающего Среднекарельский и Северокарельский микрорегионы, туристский обмен между странами составляет 25—30 тыс. человек в год. Степень сформированности ТТРП оценена нами как низкая.

По территории трансграничных туристско-рекреационных регионов проходят международные туристские маршруты «Голубая дорога» и «Дорога горных промыслов» (российско-финский средний ТТРП), «Маршрут Кантеле» и «Белая дорога» (российско-финский северный ТТРП). Разработка данных маршрутов осуществлялось в рамках специальных международных проектов. Туристскими фирмами соседних стран разрабатываются новые трансграничные туристские маршруты различной тематической направленности.

Российская и финская части обозначенных ТТРП располагают значительными ресурсами для развития культурно-познавательного, событийного и экологического туризма, но основную часть турпотока сюда создают шопинг-туризм и рекреация. При этом, учитывая уникальный потенциал «Зеленого пояса Фенноскандии», одним из перспективных видов трансграничных туристских маршрутов, способных усилить значение Среднекарельского и Северокарельского микрорегионов в туристском обмене, представляются маршруты экологической направленности. Кроме того, развитию приграничного туризма в регионе будет способствовать совершенствование транспортной и туристской инфраструктуры, наряду с расширением спектра предоставляемых туристских услуг.

Исследование выполнено в рамках стратегического проекта Псковского государственного университета «Россия начинается здесь» (программа «Опорный региональный университет») и в рамках выполнения государственного задания АААА-А19-119010990088-8 от 19.01.2019 «Методология системного исследования и управления развитием экономического и социокультурного пространства северного и приграничного поясов России в контексте национальной безопасности».

Список литературы

1. Корнеевец В.С., Кропинова Е.Г. Программа приграничного сотрудничества «Литва — Польша — Россия» на 2007—2013 годы в формировании трансграничного туристского региона Юго-Восточной Балтики и обеспечении устойчивого развития территории // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 7. С. 152—156.
2. Anisiewicz R., Palmowski T. Small Border Traffic and Cross-Border Tourism Between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation // Quaestiones Geographicae. 2014. № 33 (2). P. 79—86.
3. Studzieniecki T., Palmowski T., Korneevets V. The System of Cross-border Tourism in the Polish-Russian Borderland // Procedia Economics and Finance. 2016. Vol. 39. P. 545—552.
4. Кропинова Е.Г. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике. Калининград, 2016.
5. Манаков А.Г. Предпосылки формирования трансграничного латвийско-эстонско-российского туристско-рекреационного региона // Псковский регионологический журнал. 2017. № 3 (31). С. 104—118.
6. Manakov A.G., Golomidova E.S. Estimating the Development of the Latvian-Estonian-Russian Transboundary Tourism and Recreation Region // Baltic region. 2018. Vol.10, № 1. P. 130—141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-8.
7. Манаков А.Г., Голомидова Е.С. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на смежных территориях России, Эстонии и Латвии // Географический вестник. 2018. № 2 (45). С. 156—166.
8. Голомидова Е.С. Трансграничный туристско-рекреационный микрорегион «Нарвский»: специфика формирования и перспективы развития // Псковский регионологический журнал. 2018. № 3 (35). С. 108—115.

9. Голомидова Е.С. Потенциал развития трансграничных туристско-рекреационных микрорегионов «Пыталово — Резекне» и «Себеж — Резекне» // Псковский регионалогический журнал. 2018. № 4 (36). С. 143—151.
10. Honkanen A., Pitkanen K., Hall M.C. A local perspective on cross-border tourism. Russian second home ownership in Eastern Finland // International Journal of Tourism Research. 2016. Vol.18, № 2. P. 149—158. doi:10.1002/jtr.2041.
11. Laine J. Finnish-Russian border mobility and tourism: localism overruled by geopolitics // Tourism and geopolitics: issues and concepts from Central and Eastern Europe / Hall D. (ed.). Wallingford, 2017. P. 178—190.
12. Shlapeko E.A., Stepanova S.V. Trends in the development of cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands // Baltic region. 2018. № 4. P. 103—117. doi:10.5922/2079-8555-2018-4-7.
13. Studzińska D., Sivkoz A., Domaniewski S. Russian cross-border shopping tourists in the Finnish and Polish borderlands // Norwegian Journal of Geography. 2018. P. 115—126.
14. Sevastiyonov D., Colpaert A., Korostelev E. et al. Management of tourism and recreation possibilities for the sustainable development of the north-western border region in Russia // Nordia Geographical Publication. 2014. Vol. 43, № 1. P. 27—38.
15. Makkonen T., Williams A., Weidenfeld A., Kaisto V. Cross-border knowledge transfer and innovation in the European neighbourhood: tourism cooperation at the Finnish-Russian border // Tourism management. 2018. Vol. 68. P. 140—151.
16. Nenonen J.K., Stepanova S.V. Geological tourism development in the Finnish-Russian borderland: the case of the cross-border geological route «Mining Road» // Acta Geoturistica. 2018. Vol. 9, № 1. P. 23—29. doi: 10.1515/agta-2018-0003.
17. Jakosuo K. Russia and the Russian tourist in Finnish tourism strategies — the case of the Karelian region // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2011. № 24. P. 1003—1013.
18. Шлапек Е.А., Степанова С.В. Формирование трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье (Республика Карелия, Россия — Северная Карелия, Финляндия) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 39—48. doi: 10.18721/НТСС.9304.
19. Izotov A., Laine J. Constructing (Un)familiarity: role of tourism in identity and region building at the Finnish-Russian border // European Planning studies, 2012. P. 1—19.
20. Scott J.W. Constructing familiarity in Finnish-Russian Karelia: shifting uses of history and the re-interpretation of regions // European planning studies, 2012. P. 1—18.
21. Шишкин А.И., Петрова Н.В. Трансграничное пространство развития сельского туризма Республики Карелии и Финляндии // Экономика и управление. 2013. № 3 (89). С. 16—20.
22. Makkonen T., Hokkanen T.J., Morozova T., Suharev M. A social network analysis of cooperation in forest, mining and tourism industries in the Finnish-Russian cross-border region: connectivity, hubs and robustness // Eurasian Geography and Economics. 2018. Vol. 59, is. 5—6. P. 685—707. doi: 10.1080/15387216.2019.1593209.
23. Mining Road / Shekov V.A. (ed). Petrozavodsk, 2014.
24. Шеков В.А. Геологическое и горно-индустриальное наследие Карелии Финляндии. Проект Программы приграничного сотрудничества ENPI CBC «Karelia» КА 334 «Mining road» // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 7. С. 205—210.

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Светлана Викторовна Кондратьева, кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

E-mail: svkorka@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

Наталья Константиновна Теренина, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: brazelon@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5288-9409>

DEVELOPMENT OF CROSS-BORDER TOURIST AND RECREATIONAL REGIONS ON THE KARELIAN SECTION OF THE RUSSIAN-FINNISH BORDER

A. G. Manakov^a

S. V. Kondrateva^b

N. K. Terenina^a

^a Pskov State University
2 Lenin Sq., Pskov, Russia, 180000

^b Institute of Economics Karelian Research Centre
Russian Academy of Sciences
50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk,
Republic of Karelia, Russia, 185030

Received 30.08.2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-9

© Manakov, A. G., Kondrateva, S. V.,
Terenina, N. K., 2020

Despite that fact that cross-border tourism and recreation in the Baltic Sea Region have been extensively studied, there are still areas, which require further research. The aim of this article is to identify regions having active cross-border tourism and recreation in the adjacent territories of Finland and the Republic of Karelia. The authors propose to use an indicator characterizing the volume of incoming tourist flows. The number of tourists is not only indicative of the development of cross-border tourism and recreation; it is also one of the main criteria for determining the degree of the formation of cross-border regions. Using the statistics for Finland, the authors analyzed the geography of tourism in Finland's border areas and identified the degree of intensity of cross-border tourism exchange between the neighbouring administrative units of the two countries. The article also examines other tendencies indicative of the formation and development of cross-border tourism and recreation regions along the Russian-Finnish border. The authors identified three cross-border tourism and recreation regions of different development levels: South Karelia, Middle Karelia and North Karelia. South Karelia is a mesoregion with the average annual tourist exchange of about 100 thousand people, which is the average level of tourism development. The total volume of cross-border tourist flows from and to other cross-border tourist and recreation regions is about 30 thousand people per year. Middle Karelia microregion ranks second and is followed by the North Karelian microregion. The authors conclude that these two microregions are at the initial stage of their formation and, therefore, can be regarded as parts of one microregion — Russian-Finnish Northern microregion.

Keywords:

cross-border region, tourism, recreation, Republic of Karelia, Finland

References

1. Korneevets, V.S., Kropinova, E.G. 2010, Cross-border cooperation Programme “Lithuania — Poland — Russia” for 2007—2013 in the formation of cross-border tourist region of South-Eastern Baltic and the sustainable development of the territory”, *Vestnik BFU im. I. Kanta. Seriya: estestvennyye i meditsinskie nauki* [Vestnik IKBFU. Natural and medical sciences], vol. 7, p. 152—156 (In Russ.).
2. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2014, Small Border Traffic and Cross-Border Tourism Between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, no. 33 (2), p. 79—86.
3. Studzieniecki, T., Palmowski, T., Korneevets, V. 2016, The System of Cross-border Tourism in the Polish-Russian Borderland, *Procedia Economics and Finance*, vol. 39, p. 545—552.
4. Kropinova, E.G. 2016, *Transgranichnyye turistsko-rekreacionnyye regiony na Baltike* [Cross-border tourist and recreational regions in the Baltic sea], Kaliningrad, 272 p. (In Russ.).
5. Manakov, A.G. 2017, Prerequisites for the formation of a cross-border Latvian-Estonian-Russian tourist-recreational region, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regional Journal], no. 3 (31), p. 104—118 (In Russ.).
6. Manakov, A.G., Golomidova, E.S. 2018, Estimating the Development of the Latvian-Estonian-Russian Transboundary Tourism and Recreation Region, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 1, p. 130—141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-8.
7. Manakov, A.G., Golomidova, E.S. 2018, Cross-border tourist and recreational regions in adjacent territories of Russia, Estonia and Latvia, *Geograficheskij vestnik* [Geographical Bulletin], no. 2 (45), p. 156—166 (In Russ.).
8. Golomidova, E.S. 2018, Cross-border tourist and recreational microregion “Narva”: the specifics of the formation and development prospects, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 3 (35), p. 108—115 (In Russ.).
9. Golomidova, E.S. 2018, Development potential of cross-border tourist and recreational microregions “Pytalovo — Rezekne” and “Sebez — Rezekne”, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 4 (36), p. 143—151 (In Russ.).
10. Honkanen, A., Pitkanen, K., Hall, M.C. 2016, A local perspective on cross-border tourism. Russian second home ownership in Eastern Finland, *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, no. 2, p. 149—158. doi:10.1002/jtr.2041
11. Laine, J. 2017, Finnish-Russian border mobility and tourism: localism overruled by geopolitics. In: Hall, D. (ed.) *Tourism and geopolitics: issues and concepts from Central and Eastern Europe*, Wallingford, CABI, p. 178—190.
12. Shlapenko, E.A., Stepanova S.V. 2018, Trends in the development of cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands. *Balt. Reg.*, no. 4, p. 103—117. doi:10.5922/2079-8555-2018-4-7.
13. Studzińska, D., Sivkoz, A., Domaniewski, S. 2018, Russian cross-border shopping tourists in the Finnish and Polish borderlands, *Norwegian Journal of Geography*, p. 115—126.
14. Sevastiyarov, D., Colpaert, A., Korostelev, E., Mulyava, O., Shitova, L. 2014, Management of tourism and recreation possibilities for the sustainable development of the north-western border region in Russia, *Nordia Geographical Publication*, vol. 43, no. 1, p. 27—38.
15. Makkonen, T., Williams, A., Weidenfeld, A., Kaisto, V. 2018, Cross-border knowledge transfer and innovation in the European neighbourhood: tourism cooperation at the Finnish-Russian border, *Tourism management*, vol. 68, p. 140—151.
16. Nenonen, J.K., Stepanova, S.V. 2018. Geological tourism development in the Finnish-Russian borderland: the case of the cross-border geological route “Mining Road”, *Acta Geoturistica*, vol. 9, no. 1, p. 23—29. doi: 10.1515/agta-2018-0003.
17. Jakosuo, K. 2011, Russia and the Russian tourist in Finnish tourism strategies — the case of the Karelian region, *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, no. 24, p. 1003—1013.
18. Shlapenko, E.A., Stepanova, S.V. 2018, Formation of cross-border socio-cultural space of Karelia (Republic of Karelia, Russia — North Karelia, Finland, *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences], no. 9 (3), p. 39—48. doi: 10.18721/JHSS.9304 (In Russ.).
19. Izotov, A., Laine, J. 2012, Constructing (Un)familiarity: role of tourism in identity and region building at the Finnish-Russian border, *European Planning studies*, p. 1—19.

20. Scott, J.W. 2012, Constructing familiarity in Finnish-Russian Karelia: shifting uses of history and the re-interpretation of regions, *European planning studies*, p. 1–18.

21. Shishkin, A.I., Petrova N.V. 2013, Cross-border space for rural tourism development in the Republic of Karelia and Finland, *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], no. 3 (89), p. 16–20 (In Russ.).

22. Makkonen, T., Hokkanen, T.J., Morozova, T., Suharev, M. 2018, A social network analysis of cooperation in forest, mining and tourism industries in the Finnish-Russian cross-border region: connectivity, hubs and robustness, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 59, no. 5–6, p. 685–707. doi: 10.1080/15387216.2019.1593209.

25. Shekov, V.A. (ed.) 2014, *Mining Road*, Petrozavodsk, Karelian Research Center RAS, 320 p.

26. Shekov, V.A. 2015, Geological, mining and industrial heritage of Finnish Karelia. Cross-Border Cooperation Programme project ENPI CBC “Karelia” KA 334 “Mining road”, *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences], no. 7, p. 205–210 (In Russ.).

The authors

Prof. Andrei G. Manakov, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Dr Svetlana V. Kondrateva, Researcher of Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences, Republic of Karelia, Russia.

E-mail: svkorka@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

Dr Natalia K. Terenina, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: brazelon@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5288-9409>

ИНСТРУМЕНТЫ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ КЛАСТЕРА «СИЛИКОНОВАЯ САКСОНИЯ»)

И. Н. Ахунжанова
Ю. Н. Томашевская
Д. В. Осипов

Астраханский государственный университет,
414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а

Поступила в редакцию 20.03.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-9

© Ахунжанова И. Н., Томашевская Ю. Н.,
Осипов Д. В., 2020

Федеральные программы поддержки региональных кластеров в Российской Федерации стали использоваться несколько лет назад и в настоящее время требуют актуализации и обновления. Отправной точкой создания эффективной поддержки высокотехнологичных и инновационных кластеров может стать диагностика деятельности кластера для определения необходимости дальнейшего инициирования и финансирования кластерных проектов, а также расширения или сокращения перечня поддерживаемых кластеров.

В статье на примере инновационного кластера Европы «Силиконовая Саксония» (международное название — Silicon Saxony, в немецком варианте — Silicon Saxony e.V.) (Германия) использована методология оценки конкурентоспособности кластера, разработанная Департаментом международной торговли Всемирного банка. Каждый инструмент анализа иллюстрируется конкретными данными по Германии и кластеру «Силиконовая Саксония» за последние десять лет, в качестве конкурирующих рассматриваются кластер Minalogic в Гренобле (Франция) и кластер «Микро- и наносистемы» в Катании (Италия). Полученные результаты использования методологии проанализированы с позиции возможности ее применения для оценки конкурентоспособности инновационных кластеров в Российской Федерации, приводятся предварительные рекомендации по адаптации методологии.

Ключевые слова:

инновационный кластер, региональный кластер, оценка конкурентоспособности, кластерные проекты, кластер «Силиконовая Саксония»

Введение

Мировой опыт и теоретические исследования последних лет свидетельствуют, что прогрессивные структурные преобразования экономики стран и регионов происходят более эффективно при реализации кластерного подхода. Его использование в экономической политике дает возможность аккумулировать частные, об-

Для цитирования: Ахунжанова И. Н., Томашевская Ю. Н., Осипов Д. В. Инструменты оценки конкурентоспособности инновационных кластеров (на примере кластера «Силиконовая Саксония») // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 153–173. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-10.

щественные и государственные интересы, диверсифицировать риски, оптимально использовать потенциал отдельных территорий для достижения синергетического эффекта¹ [1; 2].

Начиная с 2000 года большая часть европейских стран осуществляет государственную поддержку значимых кластерных инициатив. При этом экспертиза, мониторинг, оценка деятельности кластеров и программ их поддержки позволяют корректировать и выстраивать дальнейшую стратегию кластерной политики страны в целом [3; 4].

Федеральные программы поддержки региональных кластеров в России были запущены в 2012 году². Методология и реализация российской кластерной политики в целом соответствуют концептуальным основам аналогичных европейских программ, особенно французских и немецких [6]. Однако в европейские программы поддержки всегда включены мероприятия по мониторингу и оценке деятельности кластеров [7; 8]. Изучение опыта европейских стран может стать основой для разработки адаптивной методологии оценки российских кластеров.

Определенное внимание вопросам диагностики уровня развития и конкурентоспособности кластеров уделено как в российской, так и в зарубежной литературе. Можно выделить несколько базовых подходов: метод, основанный на измерении частных эффектов, создаваемых кластером [9; 10]; методы оценки экономической эффективности кластеров как инвестиционных проектов [11]; параметрические методы оценки эффективности кластеров [1]; методы, основанные на оценке различных аспектов конкурентоспособности кластеров: позиция на рынке, технологическое лидерство, способность к инновациям, эффективность кластерной политики [12–14]. Инструменты, представленные в данных эмпирических исследовательских работах, являются универсальными, но не всегда отвечают критерию комплексности оценки.

Методология оценки конкурентоспособности кластеров, разработанная Департаментом международной торговли Всемирного банка (далее — методология Всемирного банка³), является более полной, так как позволяет сделать оценку текущего состояния кластера и определить новую траекторию его развития. Ее использование стимулирует к взаимодействию всех участников кластерной инициативы, позволяет создать общее видение существующих проблем, сформировать направления для новых совместных проектов, приносящих выгоду всем участникам, усилить действие эффекта «тройной спирали» (triple helix) [15–17].

Методология Всемирного банка — это концептуальное исследование, основанное на последовательном рассмотрении деятельности кластера с помощью типовых

¹ *Innobarometer* on cluster's role in facilitating innovation in Europe. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/flash/fl_187_sum_en.pdf (дата обращения: 10.02.2019).

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 09.02.2019); Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации от 26.12.2008 г. № 20636-ак/д19. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/6c823780409dd522a6bcef2c73e16b99/metod_recom_cluster.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=6c823780409dd522a6bcef2c73e16b99 (дата обращения: 08.02.2018); Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/> (дата обращения: 08.02.2019).

³ *World Bank International trade department. Cluster for competitiveness. A Practical Guide & Policy Implications for Developing Cluster Initiatives.* URL: http://siteresources.worldbank.org/INTRANETTRADE/Resources/cluster_initiative_pub_web_ver.pdf (дата обращения: 05.02.2019).

инструментов стратегического анализа, каждый из которых может быть дополнен и расширен⁴. Преимущества и ограничения используемых инструментов подробно рассмотрены в работах О.С. Виханского, Т.Н. Кутаевой [18], С.В. Ореховой [19], Р. Фатхутдинова, И.Н. Цулая [20], Р.К. Шакировой [21], Е.А. Шамина [22].

Исследование на базе данной методологии предполагает прохождение четырех этапов на основе десяти шагов. Перечень инструментов оценки конкурентоспособности кластера представлен в таблице 1.

Таблица 1

Механизм оценки конкурентоспособности кластера

Этап исследования	Применяемые инструменты анализа
I. Идентификация кластера	Инструмент 1. Кластерное картирование
II. Анализ кластера	Инструмент 2. Продукт и сегментация рынка Инструмент 3. SWOT-анализ Инструмент 4. GAP-анализ Инструмент 5. Анализ влияния пяти конкурентных сил по Портеру Инструмент 6. Анализ цепочки ценности Инструмент 7. Анализ тенденций рынка Инструмент 8. Анализ конкурентных позиций
III. Оценка институциональной поддержки	Инструмент 9. Анализ взаимодействия с институтами поддержки и сотрудничества
IV. Контроль процессов	Инструмент 10. Мониторинг и оценка

Источник: составлено авторами по материалам⁵.

В рамках данной статьи будут представлены результаты использования методологии Всемирного банка для оценки конкурентоспособности инновационного кластера Европы «Силиконовая Саксония» (Германия) с целью демонстрации ее возможностей и результаты определения направлений адаптивного применения для оценки конкурентоспособности инновационных кластеров РФ.

Выбор Германии для проведения анализа кластера был обусловлен несколькими позициями:

— в 2018 году Германия заняла пятое место в соответствии с рейтингом стран мира по индексу глобальной конкурентоспособности и четвертое место (первое в ЕС) по размеру валового внутреннего продукта (после США, Китая и Японии);

— по данным Института Глобальной конкурентоспособности (TCI) в Германии отмечено самое большое количество зарегистрированных кластерных инициатив — 432 (на втором месте находится США — 103 кластерные инициативы)⁶.

⁴ World Bank. International trade department. Cluster for competitiveness. A Practical Guide & Policy Implications for Developing Cluster Initiatives. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTRANETTRADE/Resources/cluster_initiative_pub_web_ver.pdf (дата обращения: 05.02.2019).

⁵ Ibid.

⁶ TCI Network. Cluster Resources// Cluster initiatives. URL: <http://www.tci-network.org/initiatives> (дата обращения: 10.02.2019).

Бавария, Баден-Вюртемберг и Северный Рейн-Вестфалия стали пионерами в сфере кластерных инициатив в 1980-е годы, задолго до появления европейских федеральных программ поддержки⁷;

— федеральные кластерные программы Германии — BioRegio и InnoRegio — являются эталонами для большинства европейских аналогов и считаются самыми успешными.

В рамках инициативы *Kompetenznetze Deutschland* на территории восьми инновационных регионов Германии функционируют 97 кластеров во всех важнейших отраслях высоких технологий⁸ [23; 24]. Кластер «Силиконовая Саксония» создан в 2000 году с целью достижения синергии и повышения компетенции предприятий, занимающихся разработкой микроэлектронной компонентной базы, полупроводников и микросистемотехники.

Оценка конкурентоспособности кластера Силиконовая Саксония на основе методологии Всемирного банка

Использование каждого из десяти инструментов для анализа конкурентоспособности кластера «Силиконовая Саксония» будет предвращать краткое описание методики применения инструмента.

Этап I. Идентификация кластера

Инструмент 1. Кластерное картирование

Процесс кластерного картирования направлен на определение положения кластера в рамках всей экономики и описание его общих характеристик, таких как уровень занятости, характеристика инноваций, описание взаимосвязей и т.д.⁹

Схема кластера «Силиконовая Саксония» представлена на рисунке 1.

С 2000 года около 20 компаний микроэлектронной отрасли Саксонии объединились в качестве полных или оказывающих поддержку членов *Silicon Saxony e.V.* В настоящее время «Силиконовая Саксония» является сетевой структурой, объединяющей предприятия, научные учреждения, институты сотрудничества, а также фирмы, предоставляющие консультации и услуги.

В кластере более 300 участников (список всех участников представлен по ссылке¹⁰) с общим количеством занятых свыше 20 000 человек. Сегмент предприятий малого и среднего бизнеса составляет 76% от общего числа участников кластера. Научно-исследовательские организации, центры технологий и университеты представлены 23 участниками (7%). Суммарный годовой оборот достигает 4,5 млрд евро.

⁷ *Cluster policy in Europe. A brief summary of cluster policies in 31 European countries* // Oxford Research AS, 2008. URL: <https://www.kooperation-international.de/uploads/media/Cluster.policy.europe.2008.pdf> (дата обращения: 24.01.2019).

⁸ *Tactics. Where the cluster winds are blowing in Europe*, 2013. URL: <http://abclusters.org/wp-content/uploads/2013/12/Where-the-cluster-winds-areblowing-in-Europe.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).

⁹ *Cluster for competitiveness. A Practical Guide & Policy Implications for Developing Cluster Initiatives*. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTRANETTRADE/Resources/cluster_initiative_pub_web_ver.pdf (дата обращения: 05.02.2019)

¹⁰ *Mitglieder// Silicon Saxony. The High-Tech Network*. URL: <https://www.silicon-saxony.de/nc/mitglieder/alphabetische-sortierung/> (дата обращения: 10.02.2018).

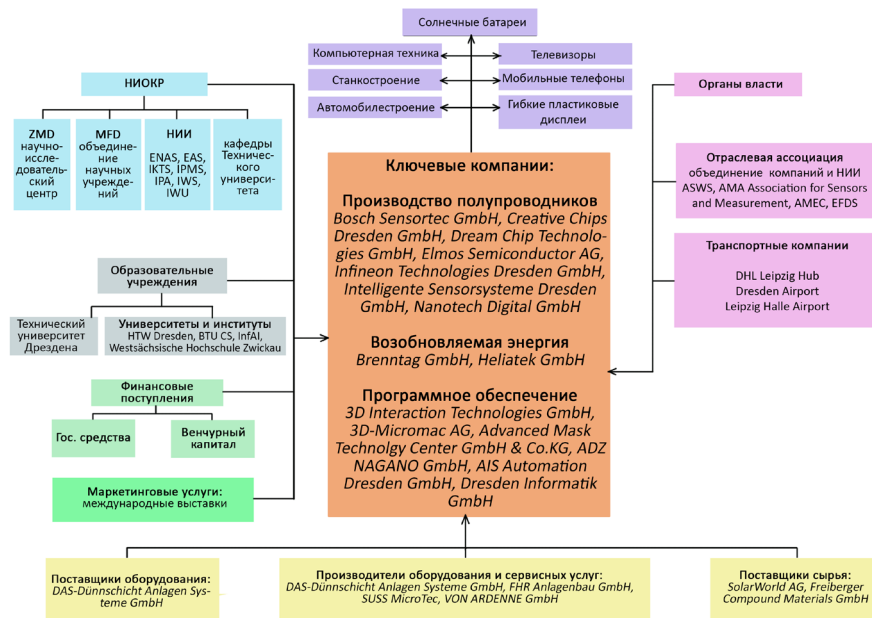

Рис. 1. Схема кластера «Силиконовая Саксония» (Германия)

Источник: составлено авторами по материалам¹¹.

Организационно-правовая форма кластера — ассоциация. Управление кластером осуществляют восемь членов совета и научно-экспертный совет, который консультирует правление «Силиконовой Саксонии» по вопросам стратегического развития, информирует о технологических тенденциях, поддерживает региональные, национальные и международные исследовательские формы сотрудничества и трансфера технологий¹².

Участие в кластере предполагает внесение ежегодных взносов от 600 до 2000 евро в зависимости от количества занятых в компании. Принятие совместных решений обеспечивает механизм экспертных мероприятий: форумов участников, симпозиумов, конференций.

В настоящий момент кластер реализует четыре крупных долгосрочных проекта: *Smart Systems Hub* — проект по созданию технологической платформы для разработки интеллектуальных систем; *SenSa* — проект по созданию инновационных сенсорных датчиков; *Cool-RFID* (запущен в 2018 году) — проект энергоэффективной микроэлектроники и ИКТ, в частности разработка пассивных RFID-датчиков; *ICOOL*, который направлен на интернализацию деятельности кластера для развития ключевых технологий в энергоэффективной электронике Германии и Европы в целом.

Проведенное кластерное картирование позволяет сделать заключение о полноценной структуре кластера. Все участники кластера имеют долгосрочные тесные взаимосвязи на условиях членства в кластере; это устойчивое объединение, которое функционирует за счет синергетического эффекта деятельности.

¹¹ The European Network of Microeconomics. URL: http://www.mems-russia.ru/images/stories/associaciya_silicon_saxony_e.v.pdf (дата обращения: 11.03.2019).

¹² Silicon Saxony. The High-tech Network. Structure. URL: <https://www.silicon-saxony.de/en/network/association/structure> (дата обращения: 10.02.2019).

Этап II. Анализ кластера

Инструмент 2. Продукт и сегментация рынка

Инструмент направлен на определение ключевых продуктов и сегментов рынка, в которых кластер активно функционирует, позволяет определить точки роста кластера и причины, препятствующие успеху.

Структура основных производственных направлений отрасли микроэлектроники Саксонии, а также информация о количестве компаний, числе занятых и годовом денежном обороте представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Структура отрасли микроэлектроники / ИКТ в Саксонии¹³

Кластер «Силиконовая Саксония» имеет широкую специализацию, наряду с микроэлектроникой, информатикой, измерительно-регулирующими технологиями (сенсорика, считывание, преобразование данных), техникой связи и передачи информации, телекоммуникациями и электротехникой здесь также выпускают продукты для технологического оборудования, автомобильной техники, биотехнологий, медицинской техники и фармацевтики, возобновляемых источников энергии и экологического оборудования. При достаточной дифференциации линейки продуктов кластера наибольшая доля занятых (37%) и количества компаний (61%) приходится на программное обеспечение для электронных компонентов и печатных плат.

¹³ *Microelectronics — Powerhouse Eastern Germany*. URL: https://www.powerhouse-eastern-germany.de/PEG/Content/DE/_SharedDocs/Download/factsheet-cluster-microelectronics-pdf.pdf?v=5 (дата обращения: 14.02.2020).

Отличительной особенностью «Силиконовой Саксонии» является доминирование крупных компаний: производство микрочипов осуществляется компанией *GLOBALFOUNDRIES Inc.*, микроконтроллеров — *Infineon*, специальных полупроводниковых элементов — *X-Fab*, полупроводников — Дрезденским центром микроэлектроники *ZMD*, кремниевых пластин — фирмами *Siltronic AG* и *DeutscheSolarAG*. Среди крупнейших предприятий Силиконовой Саксонии доминируют либо зарубежные (преимущественно американские компании, в их числе *AMD* и *Applied Materials*), либо фирмы из западных районов Германии (*Infineon*, *Siltronic*, *Siemens*).

Кластер характеризуется высокой степенью взаимодополнения продукции, производимой участниками: продукты компаний сферы микро- и нанoeлектроники *Power Electronics GmbH*, *3D Interaction Technologies GmbH*, *Applied Materials GmbH* применяются для производства программного обеспечения, выпускаемого другими компаниями кластера; чипы компании *Qimonda* используются в производстве силиконовых дисков компанией *Siltronic AG*, поставщиком которой также является компания *Freiberger Compound Materials AG*, диски затем поступают в компанию *Microelectronic Packaging Dresden (MPD) GmbH*.

Технический университет Дрездена и внеуниверситетские НИИ (Общества Макса Планка, Лейбница и Фраунгофера), а также центры развития нанотехнологий, объединение информационной экономики, телекоммуникации и новых средств массовой информации Саксонии (*SAX-IT — Verband der Informationswirtschaft, Telekommunikation und Neue Medien Sachsen e.V.*), Саксонский центр телекоммуникации (*Sächsisches Telekommunikationszentrum e.V. — Sächs-Tel*) приносят значительную часть в НИОКР, развитие и реализацию новых продуктов компаний кластера.

Тем не менее, согласно исследованию, проведенному по заказу Министерства экономики Саксонии [19], кластер отличается недостаточно развитой системой поставщиков сырья и продукции для предприятий микроэлектроники, а также явным преобладанием крупных компаний с узким спектром продукции, источником инноваций часто выступает внешний бизнес.

Точками роста для кластера могут стать новые знания и технологии в области производства полупроводников, а также органической электроники, фотогальваники, нанoeлектроники и сенсорных систем посредством более тесного сотрудничества между компаниями-производителями и НИИ. Другим важным стратегическим направлением деятельности может стать большее вовлечение локальных акторов (местных малых и средних предприятий) в процесс взаимодействия с крупными компаниями кластера.

Инструмент 3. SWOT-анализ

Данный инструмент дает возможность выявить позиции кластера на внутреннем и внешнем рынках, сопоставить деятельность компаний кластера с конкурентами, а также сформировать стратегию позиционирования на рынке.

Анализ информационных источников позволил сделать обобщения, представленные в таблице 2.

Таблица 2

SWOT-анализ кластера «Силиконовая Саксония»

Фактор	Сильные стороны <ul style="list-style-type: none"> • Узнаваемый бренд • Использование «лучших умов», в том числе зарубежных специалистов • наличие научно-исследовательских центров AMD • Наличие прямых покупателей • Наличие сырьевой базы • Активная работа ассоциаций и альянсов • Выстроенная эффективная логистическая система • Инженерно-ориентированная система образования региона • Высокий уровень НИОКР 	Слабые стороны <ul style="list-style-type: none"> • Низкая доля привлечения венчурного капитала • Вертикальная интеграция компаний внутри кластера • Высокие налоговые ставки
Возможности <ul style="list-style-type: none"> • Растущий рынок • Центральное положение региона • Развитая инфраструктура региона • Эффективная, гибкая местная власть • Наличие национальных программ поддержки и продвижения (программа GA) • Высокий уровень жизни населения региона • Активные вложения в НИОКР со стороны правительства • Упрощенная бюрократическая система 	Возможности / сильные стороны «Силиконовая Саксония» является сильным конкурентом для IT-кластеров Британии и Франции ввиду устойчивой бизнес-среды и развитой инфраструктуры, а также географического положения	Возможности / слабые стороны Для создания горизонтального производства могут быть использованы средства правительства Германии, активно направляемые на развитие кластера. Развитие деятельности <i>Silicon Saxony Management GmbH</i> за счет взаимодействия с правительством и внешними стейкхолдерами
Угрозы <ul style="list-style-type: none"> • Высокая конкуренция, в том числе со стороны азиатских стран • Снижение доли рынка в полупроводниках 	Угрозы / сильные стороны Позиционирование на глобальных рынках	Угрозы / слабые стороны Низкая доля использования венчурного капитала в сочетании с высокими налоговыми ставками может значительно снизить конкурентные позиции кластера на рынке Европы и за его пределами

Факторы внешней и внутренней среды, определившие формирование таблицы SWOT-анализа, обоснованы следующими положениями.

Успешная система образования Саксонии обеспечивает пул высококвалифицированных и мотивированных сотрудников. Существует преобладание специалистов в научно-технической и технической сферах — 45,5 % задействованы или имеют степень в подобной области¹⁴.

¹⁴ Office of Economic Development Dresden (Saxony). URL: http://invest.dresden.de/en/Statistics_and_Downloads/Science_3289.html (дата обращения: 20.02.2019).

Кластер «Силиконовая Саксония» имеет значительную инвестиционную поддержку со стороны Правительства Германии и Федеральной комиссии по экономическим и энергетическим вопросам *Go-cluster*.

Компании кластера обладают четко ориентированной маркетинговой стратегией, обеспечившей им узнаваемый бренд в мировом масштабе. В качестве мер продвижения на рынке микроэлектроники они используют участие в выставках в Ганновере (Ганноверская ярмарка) и крупнейшей компьютерной выставке *CeBIT*. Основным институтом поддержки выступает инициатива *Mitteldeutschland, Regional Marketing*.

Кластер «Силиконовая Саксония» работает с группой локальных ключевых потребителей, в их числе такие прямые покупатели, как металлообрабатывающие компании *Niles-Simmons-Hegenscheidt* и *StarragHeckert*, станкостроительный завод *UNION Werkzeugmaschinen GmbH Chemnitz*, автоконцерны *BMW*, «Фольксваген», филиал компании *Siemens Mikroelectronics Center GmbH (SIMEC)*, предприятия солнечной промышленности Саксонии *Solarworld AG* и *Siltronic-Werk*. Ключевое направление развития кластера связано с ростом мировой потребности в продуктах полупроводниковой промышленности¹⁵.

К слабым позициям кластера можно отнести вертикальный тип интеграции компаний внутри кластера, который в дальнейшем может затруднять баланс мощностей производства в каждом звене цепочки ценностей и снижать производственную гибкость компаний кластера; определенные сложности в системе налогообложения Германии (прибыль компаний облагается двумя налогами: корпоративным и торговым, которые в суммарном объеме составляют около 30—32%, а для корпораций с одним владельцем — до 40%¹⁶); низкую долю привлечения венчурного капитала в деятельность кластера «Силиконовая Саксония». В последний раз венчурные вложения в развитие кластера были осуществлены в 2016 году при участии Министерства экономики Германии и Европейского инвестиционного фонда (размер вложений составил 1 млрд евро).

Наиболее существенной внешней угрозой является конкуренция со стороны производителей чипов из Азии. Причина их успеха обусловлена дешевой рабочей силой и мерами поддержки отрасли со стороны правительств Китая, Южной Кореи, Тайваня, Японии. Кроме того, в данных странах более лояльная система налогообложения, в том числе в области экспортных операций, что позволяет компаниям существенно снижать цены на производимые продукты: в частности, в Южной Корее уплата налога на прибыль от экспортных операций снижена в 2 раза, в Китае с 1 мая 2016 года был отменен налог на прибыль предприятий, вместо него китайские компании выплачивают НДС. Отметим, что за последние годы предложение от внешних тайваньских конкурентов привело к снижению доли рынка Европы в полупроводниках с 23 до 15% (из доклада европейской *Semiconductor Industry Association*¹⁷ (*OBOC*)).

Выполненный SWOT-анализ позволяет определить направления стратегического планирования для кластера «Силиконовая Саксония» с учетом имеющихся возможностей и потенциальных угроз. Варианты развития кластера при изменении внешних факторов, а также способы использования сильных сторон для уменьшения рисков представлены в ячейках «возможности / сильные стороны», «возможности / слабые стороны», «угрозы / сильные стороны», «угрозы / слабые стороны», которые образованы на пересечении факторов SWOT-анализа (табл. 2).

¹⁵ По оценкам компании *Gartner Group*, мировой объем продаж микроэлектронных компонентов в 2017 году вырос на 21,6% и к 2022 году увеличится до 482 млрд дол.

¹⁶ *Worldwide Tax Summaries Online*. URL: <http://taxsummaries.pwc.com/ID/Germany-Overview> (дата обращения: 20.04.2019).

¹⁷ *Semiconductor Industry Association*. URL: https://www.semiconductors.org/industry_statistics/semiconductor_capacity_utilization_sicas_reports (дата обращения: 20.02.2019).

Инструмент 4. GAP-анализ (анализ разрывов)

Инструмент исследует разрывы между желаемым (потенциальным) состоянием кластера и существующим, концентрируется на ситуации за пределами кластера. Результаты GAP-анализа для кластера «Силиконовая Саксония» на основе данных исследования шведских ученых Г. Линквиста и О. Солвела [5] и метода опроса экспертов представлены в таблице 3.

Таблица 3

GAP-анализ кластера «Силиконовая Саксония»

Фактор взаимодействия	Институт взаимодействия				
	Кластер и научно-исследовательские организации	Кластер и финансовые организации	Кластер и правительственные организации	Кластер и образовательные организации	Компании внутри кластера
Знания / осведомленность	Низкие	Достаточно низкие	Достаточно высокие	Достаточно высокие	Высокие
Каналы взаимодействия	Редкие	Ограниченные	Достаточно плотные	Ограниченные	Достаточно плотные
«Язык» взаимодействия	Различный	Общий	Различный	Различный	Общий
Нормы и отношения	Различные	Одинаковые	Имеются различия	Различные	Одинаковые
Видение	Разное	Разное	Чаще совместное	Чаще совместное	Преимущественно совместное
Уровень доверия	Низкий	Высокий	Достаточно высокий	Достаточно высокий	Достаточно высокий
<i>Итог</i>	Сильные препятствия / разрыв	Существуют препятствия / разрыв	Слабые препятствия / взаимодействия	Существуют препятствия / разрыв	Слабые препятствия / взаимодействия

Проведенный GAP-анализ выявил разрывы при сотрудничестве компаний кластера с научно-исследовательскими, образовательными и финансовыми организациями. Снижению препятствий при взаимодействии кластера и научных кругов могла бы способствовать стратегия открытых инноваций «Силиконовой Саксонии». Реализация стратегии позволит усилить научно-исследовательское сотрудничество с помощью совместного использования технологий и патентов, подачи общих заявок на привлечение дополнительного финансирования¹⁸. К мероприятиям, влияющим на устранение разрыва при взаимодействии с университетами, можно отнести согласование учебных планов с потребностями компаний кластера, создание отдельных направлений и программ под запросы «Силиконовой Саксонии». Улучшение связей между компаниями кластера и финансовыми организациями, в

¹⁸ Silicon Saxony. The High-tech Network. URL: <https://www.silicon-saxony.de/en/network> (дата обращения: 20.02.2019).

том числе венчурными, возможно при увеличении каналов взаимного информирования и смещении приоритетов в сторону двустороннего взаимодействия с частным капиталом и локальными банками.

Инструмент 5. Анализ влияния пяти конкурентных сил по Портеру

Конкурентный анализ отрасли по Майклу Портеру [25] помогает определить интенсивность и выраженность конкурентных сил. Используется для оценки стратегической эффективности деятельности кластера, позволяет идентифицировать долгосрочные и краткосрочные последствия конкуренции в определенных сегментах рынка.

Анализ конкурентных сил по М. Портеру [26] для кластера «Силиконовая Саксония» был выполнен с помощью бальных матриц, отражающих низкую, среднюю или высокую степень угрозы. Обобщенные результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4

Анализ конкурентных сил и перспективные направления развития кластера

Параметр	Значение	Описание	Направление работ
Угроза со стороны товаров-заменителей	Средний	Компании кластера обладают различными, но не уникальными предложениями на рынке микроэлектроники	Поддержка и совершенствование уникальности выпускаемых продуктов. Концентрация усилий на построении осведомленности об уникальном предложении
Угроза внутриотраслевой конкуренции	Средний	Рынок является высококонкурентным и перспективным, но есть ограничения в повышении цен	Постоянный мониторинг предложений со стороны конкурентов и снижение влияния ценовой конкуренции на продажи с помощью повышения воспринимаемой ценности продуктов
Угроза со стороны новых игроков	Средний	Риск входа новых игроков не наблюдается, поскольку существуют ограничения, в том числе высокий уровень первоначальных инвестиций	Постоянный мониторинг появления новых участников. Повышение уровня осведомленности о продукции у конечного потребителя
Угроза потери текущих клиентов	Средний	Портфель клиентов обладает рисками — при уходе ключевых клиентов будет наблюдаться значимое падение продаж	Диверсификация портфеля клиентов. Разработка различных программ лояльности
Угроза нестабильности поставщиков	Низкий	Стабильность ситуации во взаимоотношениях с поставщиками	Рекомендации к проведению политики по снижению цен путем переговоров

Сводный анализ конкурентных сил позволил определить приоритетные направления для кластера «Силиконовая Саксония» по нивелированию угроз и создать перечень возможных стратегических альтернативных мероприятий, касающихся развития кластера.

Инструмент 6. Анализ цепочки ценности

Анализ цепочки ценности проводится в два этапа:

- анализ текущей цепочки с выделением ключевых проблем;
- подготовка предложений по внесению потенциальных изменений с целью увеличения эффективности производственных процессов.

Цепочка создания ценности кластера «Силиконовая Саксония» является типичной для компаний данной отрасли (рис. 3)

Рис. 3. Цепочка создания ценности для кластера «Силиконовая Саксония»

Источник: составлено авторами по¹⁹.

В цепочке создания ценности кластера представлены все необходимые элементы: от компаний, занимающихся проектированием и прототипированием, сборщиков и поставщиков (*Infineon, X-Fab*) до широко развитой сети компаний, занимающихся продвижением продукции и услуг на мировые рынки (*Silicon Saxony Management GmbH*). Цепочка создания ценности кластера «Силиконовая Саксония» имеет более сложную структуру, чем цепочки кластеров полупроводниковой промышленности, за счет включения в состав компаний из смежных отраслей (*3D Interaction Technology GmbH, Applied Materials GmbH, Freiburger Compound Materials AG*).

Отрасль является наукоемкой, поэтому в цепочке значимую роль играет сеть исследовательских центров (Технический университет Дрездена и внеуниверситетские НИИ: общества Макса Планка, Лейбница и Фраунгофера). При этом разработка технологий происходит как в компаниях кластера (в частных лабораториях), так и за счет тесного контакта с научно-исследовательскими центрами и вузами Саксонии.

Особенностью цепочки создания ценности кластера является преобладание компаний, обеспечивающих инфраструктурные процессы, — поставщиков материалов, инструментов, оборудования и сервисных услуг (более 100 компаний). При этом поставщиками исходных материалов выступают как внутренние производители, так и компании, находящиеся за пределами Германии (например, в 2017 году поставщиком микрочипов для группы компаний *Rohde & Schwarz* кластера «Силиконовая Саксония», стала голландская компания *RoodMicrotec*), что отчасти приводит к возникновению транзакционных издержек, связанных с низким уровнем агломерации кластера.

¹⁹ *Entwicklungsstand und Handlungserfordernisse zum weiteren Ausbau des Mikroelektronik-/ IKT- Clusters in der Region Dresden // Studie im Auftrag des Amtes für Wirtschaftsförderung der Landeshauptstadt Dresden. 2008. S. 69—87.*

Большую роль в сбытовой деятельности и обеспечении передачи технологий в цепочке создания ценности конечных продуктов кластера играет Ассоциация, деятельность которой сосредоточена на поиске льготного финансирования стартапов, маркетинговом сопровождении кластера, оказании поддержки при участии в международных торговых выставках.

Вспомогательную деятельность кластера обеспечивают более 20 консалтинговых компаний, банк *Ostsächsische Sparkasse Dresden*, рекламные компании, компании, оказывающие сервисные услуги (такие, как кейтеринг), услуги в области логистики и планирования (например, мероприятия по защите окружающей среды).

Согласно разработкам компании *McKinsey* в области анализа цепочек создания ценности, эффективность цепочки определяется тремя показателями: правильным товаром; оптимальным для потребителя временем; оптимальным расположением оборудования и отдельных элементов в цепочке создания ценности. В этой связи, оценивая цепочку создания ценности кластера «Силиконовая Саксония», можно отметить удаленность ключевого производства кластера от действующих крупных потребителей. Цепочка создания ценности кластера имеет потенциал для значительного снижения стоимости и сложности торговли за счет использования технологии блокчейна, что также обеспечит прозрачность операций. Производство полупроводников является международным бизнесом и требует высокоэффективных схем логистики, постоянного совершенствования рабочего процесса и повышения узнаваемости продукции²⁰, а перемещение товаров через международные границы — применения более быстрых, безопасных и эффективных способов обработки документации. При использовании данной технологии могут быть сокращены количественные затраты времени на транспортировку и доставку, а также улучшено управление запасами.

Инструмент 7. Анализ рыночных тенденций

Данный инструмент необходим для определения потенциальных продуктов и сегментов рынка, которые в настоящее время не используются кластером.

На момент анализа продукция компаний «Силиконовой Саксонии» преимущественно использовалась в автомобильной промышленности, робототехнике, коммуникационных системах и энергетике. Вместе с тем новыми сегментами рынка микроэлектроники Саксонии может стать производство промышленных лазеров, биоэлектроники и биосенсоров. Выбор данных сфер был обусловлен положительной динамикой показателей дохода и прогнозами экспертов на рост в будущем.

Так, согласно данным организации *Strategies Unlimited* — мирового лидера по проведению исследований рынка фотонного оборудования, в 2017 году производство промышленных лазеров выросло на 26% и объем рынка составил примерно 4,3 млрд дол.²¹, в 2019 году общий объем рынка промышленных лазеров вырастет еще на 7%.

Германия является крупным центром биоэлектроники, по оценкам экспертов, страна будет удерживать значительную долю рынка в течение следующих десяти лет.

В целом мировой объем рынка биоэлектроники и биосенсоров в 2016 году оценивался в 17,5 млрд дол. Согласно прогнозам, уровень совокупного темпа его годового роста в дальнейшем составит в среднем 9,2%, что позволит достичь отметки в 41,9 млрд дол. к 2026 году²².

²⁰ Smart Specialization Platform. URL: <http://s3platform.jrc.ec.europa.eu> (дата обращения: 24.01.2020).

²¹ Industrial Laser Solution. URL: <https://www.industrial-lasers.com/articles/print/volume-33/issue-1/features/2017-was-a-great-year-for-industrial-lasers.html> (дата обращения: 16.03.2019).

²² Bioelectronics and Biosensors Market — Global Industry Analysis and Forecast (2017-2026). URL: <https://www.maximizemarketresearch.com/market-report/bioelectronics-biosensors-market/1485> (дата обращения: 16.03.2019).

Технологический, трудовой и материально-технический потенциалы «Силиконовой Саксонии» создают предпосылки для освоения данных сегментов рынка микроэлектроники участниками кластера.

Инструмент 8. Анализ конкурентных позиций

Данный тип анализа позволяет оценить общее стратегическое направление развития кластера путем соотнесения объемов и доли рынка кластера по отношению к другим участникам рынка, проведения сравнительного анализа функционала продуктов кластера и конкурентов.

Поскольку отрасль микро- и наноэлектроники в Европе сосредоточена вокруг региональных производственных и проектных центров, в качестве конкурирующих будут рассмотрены два из них: крупный кластер *Minalogic*²³ в Гренобле (Франция) и развивающийся быстрыми темпами инновационный кластер «Микро- и наносистемы» в Катании (Италия)²⁴.

Следует отметить, что модель деятельности двух предложенных для сравнения с кластером Саксонии кластеров — системообразующая, с ключевым участием компаний-якорей, являющихся лидерами на мировом рынке микроэлектроники. Для кластера *Minalogic* это три якорные промышленные компании (*ST*, *Soitec*, *Schneider*) — мировые лидеры по выпуску чипов с энергонезависимой памятью. Для кластера в Катании это компания *STMicroelectronics (ST)* с высоким уровнем компетенций в таких секторах микроэлектроники, как «производство сенсоров», «охрана здоровья», «возобновляемые источники энергии». Отличительной особенностью кластера «Силиконовая Саксония» является его возникновение и формирование в результате государственной программы поддержки.

Сравнивая продуктовые портфели кластеров, отметим, что производственная линейка сицилийского кластера включает робототехническую продукцию с использованием микро- и нанотехнологий, а кластер *Minalogic* ориентирован в продажах на сектор здравоохранения.

Анализ конкурентных позиций кластеров «Силиконовая Саксония», *Minalogic* и «Микро- и наносистемы», выполненный в разрезе трех плоскостей: сложность функционала продукции (ось *y*), ассортимент (ось *x*) и годовой доход кластера (раза мер круга), представлен на рисунке 4.

Лидерство по числу участников принадлежит кластеру *Minalogic* — более 400 (Саксония — более 300, Катания — более 200), по количеству занятых в кластере лидируют «Микро- и наносистемы» в Катании — 43 200 (Саксония — более 20 000, *Minalogic* — около 25 000), они же получают максимальный годовой доход — около 7 млрд. евро (Саксония — 4 млрд. евро, *Minalogic* — 3,6 млрд. евро).

Стратегия развития кластера Силиконовая Саксония может быть ориентирована на практики лучших инициатив в кластерах Катании и Франции, в частности, увеличение комплексности и ассортимента продукции, переход в новые продуктовые ниши, создание условий для мобильности сотрудников внутри предприятий кластера и внедрение проектов открытых инноваций.

Отметим, что ввиду внедрения европейским правительством политики активизации транснационального сотрудничества между региональными кластерами сложно считать данные кластеры конкурирующими.

²³ *Minalogic*. Global Innovation Cluster for Digital Technologies in Auvergne-Rhone-Alpes, France. URL: <http://www.minalogic.com/en/home> (дата обращения: 20.03.2019).

²⁴ *Microelectronics Cluster in Sicily*. URL: https://www.ice.it/it/repository/pdf/Biat_MC_Sicilia.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

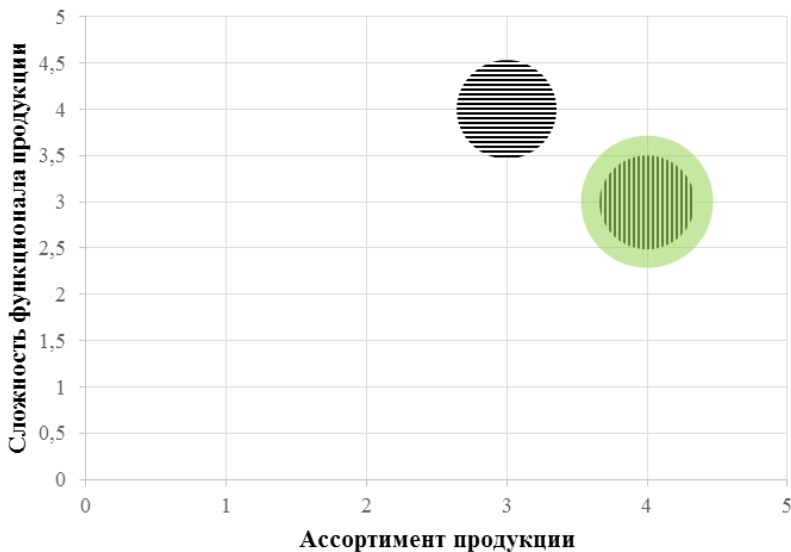

Рис. 4. Оценка конкурентных позиций кластеров микроэлектроники Европы: горизонтальная штриховка — кластер «Силиконовая Саксония», вертикальная штриховка — кластер Minalogic, серым обозначен кластер «Микро- и наносистемы»

Источник: составлено авторами на основе анализа данных по кластерам «Силиконовая Саксония», Minalogic, «Микро- и наносистемы».

Этап III. Оценка институциональной поддержки

Инструмент 9. Анализ взаимодействия с институтами поддержки и сотрудничества

Цель инструмента — определить наличие и эффективность использования институционального и/или социального капитала для совершения участниками совместных действий.

В соответствии с оценкой стран по благоприятности условий ведения бизнеса (методология Всемирного банка) в 2018 году Германия заняла 24-ю позицию из 190 стран мира. Такой достаточно высокий рейтинг легкости ведения бизнеса означает, что нормативно-правовые условия благоприятны для создания и функционирования локальных компаний. Позиции Германии по каждому из совокупных показателей представлены в таблице 5.

Таблица 5

Показатели Германии в рейтинге стран по оценке бизнес-регулирования (Doing Business)

Показатель	Место в рейтинге
Рейтинг легкость ведения бизнеса	24
Регистрация предприятий	114
Получение разрешений на строительство	24
Подключение к системе электроснабжения	5
Регистрация собственности	78
Получение кредитов	44
Защита миноритарных инвесторов	72
Налогообложение	43
Международная торговля	40
Обеспечение исполнения контрактов	26
Разрешение неплатежеспособности	4

Отметим, что кластер «Силиконовая Саксония» имеет значительную инвестиционную поддержку со стороны правительства Германии (объем инвестиций в 2014 году составил 5 млрд евро, до 2020 года правительство планирует вложить в стимулирование микроэлектроники еще 400 млн евро). Среди программ поддержки кластера следует выделить программу GA по выдаче кредитов начинающим новый вид деятельности или расширяющим свою деятельность предприятиям, а также программу немецкого ускорителя — инициатива Министерства экономического сотрудничества и развития Германии, в рамках которой немецкие стартапы ежегодно выбираются для сотрудничества с ведущими американскими компаниями в Нью-Йорке и Калифорнии. «Силиконовая Саксония» является членом программы Федеральной комиссии по экономическим и энергетическим вопросам *Go-cluster*, которая охватывает более 100 инновационных кластеров по всей Германии²⁵. Программа обеспечивает финансовые стимулы — в форме поддержки инновационных услуг и финансирования новых.

Основным институтом поддержки продвижения кластера является *Germany Trade & Invest* (Агентство по внешнеэкономической деятельности Федеративной Республики Германия)²⁶.

Кластер «Силиконовая Саксония» также обладает значимой поддержкой со стороны внешних, в том числе государственных, институтов (среди общеевропейских программ поддержки деятельности кластера можно выделить *FP7*, *H2020*, *CIP/COSME*, *INTERREG*, проекты на национальном уровне: *EEAS — Energy Efficient Aviation Solutions*, *Network management for Cool Silicon*). Основное направление поддержки сконцентрировано на содействии разработке новых технологий, получению доступа к новым рынкам, на инициировании партнерских отношений и проектов.

Этап IV. Контроль процессов

Инструмент 10. Мониторинг и оценка

Инструмент позволяет оценить прогресс кластерной инициативы, включая действия членов кластера, вложенные инвестиции, финансы, собственность и, следовательно, стабильность.

Мониторинг качества управления кластерами в Европе осуществляют эксперты Европейской инициативы по повышению кластерной эффективности (*ECEI*) (www.cluster-excellence.eu), дающие независимое добровольное подтверждение эффективности управления кластером, признанное как в Европе, так и во всем мире. Оценка осуществляется по 31 индикатору. Статус *European Gold Label* присваивается кластеру, если эксперты поставили ему больше 80% максимальных баллов по всем параметрам²⁷.

В 2012 году кластеру «Силиконовая Саксония» был присвоен статус *ECEI Gold Label*, что свидетельствует об эффективности действующих методов и систем в его управлении²⁸. В 2015 году кластер подтвердил данный статус.

²⁵ *Clusterplattform Deutschland*. URL: <https://www.clusterplattform.de/CLUSTER/Navigation/EN/NationalLevel/go-cluster/go-cluster.html> (дата обращения: 20.02.2019).

²⁶ *Germany Trade and Invest*. URL: <http://www.gtai.de/GTAI/Navigation/EN/welcome-ru.html> (дата обращения: 20.03.2019).

²⁷ *Processes of application, assessment and award — ESCA*. URL: <https://www.cluster-analysis.org/gold-label-new/processes-of-application-assessment-and-award> (дата обращения: 05.04.2019).

²⁸ Для того чтобы претендовать на статус *ECEI Gold Label*, организация, управляющая кластером, должна соответствовать определенным критериям, характеризующим качество управления кластером в целом, систему финансирования, применяемые стратегии и способы продвижения услуг, а также уровень признания обществом.

Говоря об эффективности привлечения и использования инвестиций кластером, отметим, что последние двадцать лет в «Силиконовую Саксонию» активно вкладывали значительные денежные средства многие производители полупроводников (*GlobalFoundries Dresden, Infineon Technologies, X-FAB*). Кластер, активно привлекая денежные средства инвесторов, направляет их в развитие, что обеспечивает участникам кластера увеличение ежегодного оборота в среднем на 10-15%.

Выводы

Резюмируя результаты выполненной оценки конкурентоспособности кластера «Силиконовая Саксония», отметим, что кластер эффективно адаптирует внутреннюю структуру в соответствии с требованиями рынка к науке и производству. «Силиконовая Саксония» активно сотрудничает с сетевыми партнерами на национальном и международном уровнях. Как координатор проекта «Силиконовая Европа» (*The Silicon Europe Alliance*) кластер играет важную роль в укреплении европейской полупроводниковой промышленности в мировой экономике и цепочке создания ценности.

В качестве направлений для дальнейшего роста кластера могут выступать мероприятия по поиску новых ниш, например *Cool chip* (международный симпозиум, который проводится ежегодно с 1998 года), расширению межкластерных связей на европейском уровне (перспективным представляется сотрудничество кластеров Дубны (Россия) и Саксонии в области создания сети с компаниями-производителями высокотехнологических покрытий на базе инжинирингового центра тонкопленочных технологий университета «Дубна»), привлечению дополнительного капитала, в том числе венчурного, разработке плана по сокращению издержек для противодействия азиатским конкурентам.

Использование методологии Всемирного банка для оценки конкурентоспособности кластера «Силиконовая Саксония» выявило его преимущества по сравнению с конкурентами, определило основные элементы успешности, а также сформировало понимание условий деловой среды, препятствующих качественному развитию.

Вместе с тем оценка могла бы стать еще более информативной при наличии инструментов, позволяющих раскрыть условия формирования кластера (человеческие, физические и инфраструктурные факторы), его конкурентные ниши и состояние жизненного цикла. В этой связи представляется целесообразным в качестве дополнительного инструмента использовать модель ромба М. Портера. Кроме того, учитывая, что кластерная политика в ряде стран, в том числе в России, развивается по принципу «сверху вниз»²⁹ [27; 28], в методологию оценки конкурентоспособности кластера могут быть добавлены инструменты анализа эффективности государственной поддержки.

Использование методологии Всемирного банка в рамках настоящего исследования, безусловно, позволило получить более глубокое представление о роли кластеров микроэлектроники в экономике Германии и в мировом масштабе. Данная информация может быть полезной в дальнейшем при проведении диагностики и анализе деятельности ведущих инновационно-территориальных кластеров РФ.

Статья подготовлена при поддержке гранта «Erasmus + Programme (Jean Monnet) 586712-EPP-1-2017-1-RU-EPPJMO-MODULE».

²⁹ *Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации: направления реализации программ развития / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; под ред. Л.М. Гохберга, А.Е. Шадрина. М. : НИУ ВШЭ, 2015 ; Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; под ред. Л.М. Гохберга, А.Е. Шадрина. М. : НИУ ВШЭ, 2013.*

Список литературы

1. *Sölvell Ö.* Clusters. Balancing Evolutionary and Constructive Forces. Stockholm, 2008.
2. *Городничая Е.И.* Зарубежный опыт государственного стимулирования формирования кластеров // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2010. № 1. С. 15—26.
3. *Hartmanniuglu N., Tellis G. J.* Silicon envy: How global innovation clusters hurt or stimulate each other across developed and emerging markets // Journal of International Business Studies. 2018. Vol. 49, is. 7. P. 902—918.
4. *Фияксель Э.А., Назарова В.В., Исланкина Е.А.* Интернационализация кластеров как инструмент повышения национальной конкурентоспособности: европейский опыт // Инновации. 2013. № 2. С. 86—95.
5. *Ketels C., Lindqvist G., Sölvell Ö.* Cluster Initiatives in Developing and Transition Economies. Stockholm, 2006.
6. *Kutsenko E., Meissner D.* Key Features of the First Phase of the National Cluster Program in Russia. URL: <https://publications.hse.ru/en/preprints/86789127> (дата обращения: 20.02.2019).
7. *Andersson T., Schwaag-Serger S., Sorvik J., Hansson E.W.* The Cluster Policies Whitebook. IKED, 2004.
8. *Миндлин Ю.Б.* Зарубежный опыт функционирования кластеров в экономически развитых государствах (Дания, Германия, Австрия, Финляндия, Италия, Франция) // Экономические науки. 2009. № 61. С. 459—463.
9. *Буянова М.Э., Дмитриева Л.В.* Оценка эффективности создания региональных инновационных кластеров // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. 2012. № 2. С. 54—62.
10. *Шутилов Ф.В.* Методы оценки эффективности и синергетический эффект кластеров // Научный вестник Южного института менеджмента. 2013. № 2 (2). С. 81—85.
11. *Патрушева Е.Г., Большакова Е.А.* Оценка экономической эффективности регионального инновационного кластера // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 4 (76). С. 1—22.
12. *Turkina E., Van Assche, A.* Global Connectedness and Local Innovation in Industrial Clusters // Journal of International Business Studies. 2018. Vol. 49, is. 6. P. 706—728. doi.org/10.1057/s41267-018-0153-9.
13. *Ben Abdesslem A., Chiappini R.* Cluster policy and firm performance: a case study of the French optic/photonic industry // Regional Studies. 2019. Vol. 53, is. 5. P. 692—705. doi 10.1080/00343404.2018.1470324.
14. *Чернятин С.В.* Кластерная организация управления инновационным развитием вертикально-интегрированной компании // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2013. № 3. С. 80—87.
15. *Etzkowitz H.* The Capitalization of Knowledge: A Triple Helix of University-Industry-Government. Cheltenham, 2010.
16. *Sölvell Ö., Williams M.* Building the Cluster Commons. An evaluation of 12 Cluster Organizations in Sweden 2005—2012. Stockholm, 2013.
17. *Lindqvist G., Ketels C., Sölvell Ö.* The Cluster Initiative Green-book 2.0. Stockholm, 2013.
18. *Кутаева Т.Н., Мельникова Н.А.* Комплексная оценка конкурентоспособности потребительской кооперации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 2 (15). С. 161—165.
19. *Орехова С.В.* Методологические основы определения институциональной сложности рынка // Управленец. 2015. № 4. С. 24—35.
20. *Цулая И.Н.* SWOT-анализ в системе стратегического управления: особенности применения и пути адаптации к объектам мезоуровня // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. 2010. № 2 (17). С. 34—38.
21. *Шакирова Р.К.* Институциональная среда региональной отраслевой кластеризации // Финансы и управление. 2016. № 3. С. 163—175.
22. *Шамин Е.А.* Сравнительный анализ методов оценки конкурентоспособности организации // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2010. № 12. С. 26—28.
23. *Sölvell Ö.* The Competitive Advantage of Nations 25 years — opening up new perspectives on competitiveness // Competitiveness Review. 2015. Vol. 25, is. 5. P. 471—481. doi.org/10.1108/CR-07-2015-0068.

24. *Dohse D., Fornahl D., Vehrke J.* Fostering Place-based Innovation and Internationalization — the New Turn in German Technology Policy // *European Planning Studies*. 2018. Vol. 26, is. 6. P. 1137–1159.

25. *Porter M.* The Competitive Advantage of Nations. N.Y., 1990.

26. *Porter M.* On Competition. Boston, 1998.

Об авторах

Инна Николаевна Ахунжанова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, учета и аудита, Астраханский государственный университет, Россия.

E-mail: inakhunzhanova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-4289>

Юлия Николаевна Томашевская, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и финансов, Астраханский государственный университет, Россия.

E-mail: ylia_tom@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7009-4861>

Даниил Владимирович Осипов, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей, Астраханский государственный университет, Россия.

E-mail: daniel.v.osipov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3911-9557>

TOOLS FOR EVALUATING THE COMPETITIVENESS OF INNOVATIVE CLUSTERS (SILICON SAXONY CASE)

I. N. Akhunzhanova

Yu. N. Tomashevskaya

D. V. Osipov

Astrakhan State University
20A Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russia

Received 20 March 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-9

© Tomashevskaya Yu. N., Akhunzhanova I. N.,
D. V. Osipov 2020

Federal programmes to support regional clusters in Russia were introduced several years ago. Today, they need updating and revision. A promising starting point for effective support for hi-tech and innovative clusters may be an evaluation of cluster performance aimed to understand whether further development and financing of cluster projects are required and whether the list of supported clusters should be extended or reduced.

To cite this article: Akhunzhanova I. N., Tomashevskaya Yu. N., Osipov D. V. 2020, Tools for evaluating the competitiveness of innovative clusters (silicon saxony case), *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 2, p. 153–173.
doi: 10.5922/2078-8555-2020-2-10.

This article analyses the case of the Silicon Saxony innovation cluster (Germany), using the World Bank's methodology for cluster competitiveness evaluation. Each analysis tool is provided with concrete data obtained for Germany and the Silicon Saxony cluster over the past ten years. Competitive clusters considered in the analysis are Minalogic in Grenoble (France) and Micro- and nanosystems in Catania (Italy). The results of employing the methodology are examined from the perspective of its possible use in evaluating the competitiveness of innovative clusters in the Russian Federation. Early recommendations on adapting the methodology are produced.

Keywords:

innovation cluster; regional cluster; evaluation of competitiveness; cluster projects; Silicon Saxony cluster

References

1. Sölvell, Ö. 2008, *Clusters. Balancing Evolutionary and Constructive Forces*, Ivory Towers Publishers, 102 p.
2. Gorodnichaja, E.I. 2010, Foreign experience of state stimulation of cluster development, *Vestnik Moskovskogo universiteta* [MSU Vestnik], no. 1, p. 15—26 (In Russ.).
3. Harmanciuglu, N., Tellis, G.J. 2018, Silicon envy: How global innovation clusters hurt or stimulate each other across developed and emerging markets, *Journal of International Business Studies*, vol. 49, no. 7, p. 902—918.
4. Fiyaksel', Je. A., Nazarova, V.V., Islankina, E.A. 2013, Internationalization of clusters as a tool to enhance national competitiveness: the European experience, *Innovatsii* [Innovations], no. 2, p. 86—95 (In Russ.).
5. Ketels, C., Lindqvist, G., Sölvell, Ö. 2006, *Cluster Initiatives in Developing and Transition Economies*, Stockholm, Ivory Tower AB, 42 p.
6. Kutsenko, E., Meissner, D. 2013, Key Features of the First Phase of the National Cluster Program in Russia, *HSE Research Paper*, no. WP BRP 11/ST1/2013, 33 p.
7. Andersson, T., Schwaag-Serger, S., Sorvik, J., Hansson, E.W. 2004, *The Cluster Policies Whitebook*, IKED, 266 p.
8. Mindlin, Ju.B. 2009, Foreign experience of the functioning of clusters in economically developed states (Denmark, Germany, Austria, Finland, Italy, France), *Jekonomicheskie nauki* [Economic sciences], no. 61, p. 459—463 (In Russ.).
9. Buyanova, M.E., Dmitrieva, L.V. 2012, The evaluation of the effectiveness of the creation of regional innovation clusters, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology], no. 2, p. 54—62 (In Russ.).
10. Shutilov, F.V. 2013, Methods of an assessment of the efficiency and synergetic effect of clusters, *Nauchnyj vestnik YUzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific Annals of the Southern Institute of Management], vol. 2, no. 2, p. 81—85 (In Russ.).
11. Patrusheva, E.G., Bolshakova, E.A. 2015, Evaluation of economic efficiency of the regional innovation cluster, *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Management of Economic Systems: electronic scientific journal], no. 4 (76), p. 1—22 (In Russ.).
12. Turkina, E., Van Assche, A. 2018, Global Connectedness and Local Innovation in Industrial Clusters, *Journal of International Business Studies*, vol 49, no. 6, p. 706—728. doi: 10.1057/s41267-018-0153-9.
13. Ben Abdesslem, A., Chiappini, R. 2018, Cluster policy and firm performance: a case study of the French optic/photonic industry, *Regional Studies*, p. 1—14. doi: 10.1080/00343404.2018.1470324.
14. Chernyatin, S.V. 2013, Cluster organization of innovation development management of a vertically integrated company, *Menedzhment i biznes-administririrovanie* [Management and Business Administration], no. 3, p. 80—87 (In Russ.).
15. Etzkowitz, H. 2010, *The Capitalization of Knowledge: A Triple Helix of University-Industry-Government*, Cheltenham, Edward Elgar, 351 p.

16. Sölvell, Ö., Williams, M. 2013, *Building the Cluster Commons, An evaluation of 12 Cluster Organizations in Sweden, 2005–2012*, Ivory Towers Publishers, 58 p.
17. Lindqvist, G., Ketels, C., Sölvell, Ö. 2013, *The Cluster Initiative Green-book 2.0*, Stockholm, Ivory Tower Publishers, 66 p.
18. Kutaeva, T.N., Melnikova, N.A. 2016, Assessment of competitiveness of consumer cooperation organizations, *Azimuth nauchnyh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [The azimuth of scientific research: economics and management], vol. 5, no. 2 (15), p. 161–165 (In Russ.).
19. Orekhova, S.V. 2015, Methodological Bases for Determining Institutional Complexity of Markets, *Upravlenets* [Manager], no. 4, p. 24–35 (In Russ.).
20. Tsulaya, I.N. 2010, SWOT-analysis in strategic management systems: application and adaptation to objects of mesolevel, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 3:], no. 2 (17), p. 34–38 (In Russ.).
21. Shakirova, R.K. 2016, Institutional environment of regional sectoral clustering, *Finansy i upravlenie* [Finance and Management], no. 3, p. 163–175 (In Russ.).
22. Shamin, E.A. 2010, Comparative analysis of methods for assessing the competitiveness of the organization, *Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij* [Economics of agricultural and processing enterprises], no. 12, p. 26–28 (In Russ.).
23. Sölvell, Ö. 2015, The Competitive Advantage of Nations 25 years — opening up new perspectives on competitiveness”, *Competitiveness Review*, vol. 25, no. 5, p. 471–481. doi: 10.1108/CR-07-2015-0068.
24. Dohse, D., Fornahl, D., Vehrke, J. 2018, Fostering Place-based Innovation and Internationalization — the New Turn in German Technology Policy, *European Planning Studies*, vol. 26, no. 6, p. 1137–1159.
25. Porter, M. 1990, *The Competitive Advantage of Nations*, New York, The Free Press, 875 p.
26. Porter, M. 1998, *On Competition*, Boston, Harvard Business School, 485 p.

The authors

Dr Inna N. Akhunzhanova, Associate Professor, Astrakhan State University, Russia.

E-mail: inakhunzhanova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-4289>

Yulia N. Tomashevskaya, Associate Professor, Astrakhan State University, Russia.

E-mail: ylia_tom@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7009-4861>

Dr Daniil V. Osipov, Astrakhan State University, Russia.

E-mail: daniel.v.osipov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3911-9557>

РЕЦЕНЗИЯ

А. В. Золов

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

«ЛУКАВАЯ» ИСТОРИЯ.

**Рецензия на книгу: Wars of Lithuania / ed. by G. Vitkus.
Vilnius, 2014**

Каждая страна стремится воспитывать подрастающее поколение на славных примерах прошлого. Особенно важна эта задача для государства, недавно обретшего независимость и нуждающегося в закреплении своей самоидентичности. Как правило, именно такую задачу ставит правительство такой страны перед своими специалистами-историками. Примером подобного стремления является рецензируемая книга, выпущенная в столице Республики Литва в 2014 году.

Толчком для написания книги стало знакомство ее редактора с весьма авторитетным справочником по военной истории (*Sarkees M.R., Wayman F.W. Resort to War: a Data Guide to Inter-state, Extra-state, and Non-state Wars, 1816—2007. CQ Press, 2010*), вышедшим в США и содержащим информацию о военных конфликтах в мире в 1816—2007 годах. Как оказалось, по мнению Г. Виткуса, в этом справочнике роль и место Литвы в мировой истории игнорируются или откровенно искажаются. Группа литовских историков задалась целью исправить подобную несправедливость, следствием чего и стало рецензируемое издание. Обратившись к прошлому своего народа, авторы сборника выявили четыре вооруженных конфликта, которые, по их мнению, полностью соответствуют критериям больших войн. Данные критерии перечислены инициаторами международного проекта «Корреляты войны», запущенного в 1963 году в Мичиганском университете. Эти конфликты — участие литовцев в восстаниях 1830—1831 и 1863 годов, война Литвы за независимость в 1918—1920 годах и партизанское движение в Литве в 1944—1953 годах. Соответственно, книга состоит из четырех глав, введения и заключения. Главы написаны ведущими специалистами в области литовской истории: доктором В. Пугачаускасом, доктором Е. Шенавичене, доктором Г. Сургалисом и специалистом Литовского центра исследования проблем геноцида и сопротивления Э. Янкаускане. Решение о публикации книги было принято Исследовательским советом Института военных наук при Военной академии Литвы имени генерала Йонаса Жемайтиса. Каждая глава содержит следующие основные разделы: характеристика воюющих сторон, цели и задачи войны, ее инициатор, ход и основные этапы военных действий, участники войны, их лидеры и союзники, военные потери, окончание и последствия войны, терминология, характеризующая данную войну и используемая участниками противостояния. Цель книги — доказать, что указанные конфликты были, по сути, настоящими межгосударственными войнами, вполне заслуживающими такого определения и внимания со стороны мировой общественности. Книга содержит статистические данные, библиографию, снабжена необходимым справочным материалом.

Сразу можно отметить, что все внешние атрибуты научного подхода в книге присутствуют. Главы опираются на солидную подборку источников: материалы архивов — литовских, польских, российских; сборники документов, дневники, письма, мемуары и т.д. Использован широкий круг литературы. Однако в то же время трактовку использованных материалов нельзя назвать объективной.

Первое, что привлекает внимание, — главным врагом литовского народа и государства для авторов книги была и остается Россия, причем во всех ее ипостасях: в форме и империи, и советской республики. Других врагов у Литвы никогда, видимо, не было. Правда, была небольшая вражда с Польшей в межвоенные годы, но единственное столкновение с ней, как признают авторы, Литва проиграла. Германия ни в виде Германской империи, ни в виде нацистского Третьего рейха врагом для литовских историков не является. Второе — постоянное рассчитывание на помощь из-за рубежа — что в XIX, что в XX веках. Складывается ощущение, что независимость для наших литовских соседей — это независимость исключительно от России при полной готовности подчиниться любому другому государству. Третье — авторы глав, мягко говоря, лукавят при описании соответствующих событий, о многом умалчивая, причем проявляется это с самого начала. Но обо всем по порядку. При этом ради чистоты эксперимента для анализа рецензируемого текста используются исключительно материалы этого издания.

Первая глава посвящена событиям 1830—1831 годов. В нашей истории они определяются как восстание в Польских землях Российской империи под знаменем восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года. В упомянутом американском справочнике эти события трактуются как Первая Польская война. Автор главы с таким подходом не согласен. По его мнению, это были война между Россией, с одной стороны, и Польшей и Литвой — с другой, что он и пытается доказать. Дано довольно подробное описание хода боевых действий, причем вырисовывается эпическая картина — многотысячное ополчение, многочисленные сражения, победы над русскими войсками. При более внимательном чтении возникают, однако, серьезные вопросы. Первый — действительно ли это выступление было выступлением *литовского народа* в борьбе за свободу? Ни малейшей попытки определить национальный состав вооруженных формирований повстанцев в главе нет. Если же посмотреть на фамилии лидеров повстанческих отрядов, то литовских среди них найти невозможно. Это представители польской шляхты, хотя и проживающей на территории Литвы, но и по менталитету, и по своим стремлениям именно *польской*. Тот факт, что дворянство бывшего Великого княжества Литовского было в значительной степени полонизировано, секретом не является. Что касается собственно *литовского населения* края, то оно в основном представляло собой крестьянскую массу, и попытки повести его на борьбу с царизмом полностью провалились. Сам автор главы пишет, что местные землевладельцы пытались поднять своих крепостных на восстание, но мобилизованные крестьяне разбежались по домам. Поэтому цифра в 40 000 участников вооруженных формирований является, судя по всему, многократно завышенной. Волнения на нынешней территории Литвы продолжались с 25 марта по 13 октября 1831 года, причем уже с мая, как пишет автор, основную роль в борьбе играл польский экспедиционный корпус, пришедший на помощь восставшим. Автор называет все вооруженные столкновения повстанцев с российской армией битвами, сражениями («battles»), но приводимые цифры потерь (с. 66—74) позволяют назвать их в абсолютном большинстве стычками, столкновениями, схватками и не более того. Поэтому обозначать это событие как войну между Россией и Литвой будет значительным преувеличением.

Вторая глава посвящена восстанию 1863 года в западных губерниях Российской империи. И снова центром волнений была Польша. В указанном американском из-

дании это событие именуется как Вторая польская война, что, опять же, пытается опровергнуть автор главы. По его мнению, оно представляет собой войну между Россией и Польско-Литовской коалицией, что, как и в первом случае, является значительным преувеличением. Автор, впрочем, пишет о создании некоего подобия центрального руководящего органа в Литве, о массовом участии крестьянства в боевых действиях. Однако, оказывается, выступление крестьян в Ковенской губернии стало результатом ложной пропаганды местного католического духовенства, обвинившего царское правительство в намерении уничтожить католическую веру. После того как к верующим обратились католические иерархи, разоблачившие эту ложь, крестьяне стали массами возвращаться в свои деревни. К тому же во многих местах, как признает автор главы, власти стали создавать отряды крестьянской милиции, поддерживавшей порядок в своих поселениях, что резко ослабило позиции мятежников. Если к этому прибавить тот факт, что абсолютное большинство лидеров повстанцев носило польские фамилии, что ведущую роль в борьбе играли поляки и что активные боевые действия продолжались всего лишь с апреля по июль 1863 года, то называть эти событиями *войной* между Россией и Литвой вряд ли правомерно.

Третья глава посвящена так называемой войне за независимость, которая, по мнению автора главы, продолжалась на протяжении 1918—1920 годов и к тому же шла сразу на трех фронтах. Литва воевала одновременно с Советской Россией, белой армией Бермонта-Авалова и Польшей и проиграла только полякам. Стоит вспомнить, что свою «независимость» Литва обрела очень специфически — под крылом Германской империи, чье правительство разрешило литовским патриотам создать свой орган «самоуправления» — Совет Литвы (Тарибу), который 16 февраля 1918 года (в условиях германской оккупации!) провозгласил Акт о независимости. Немцы этот акт не признали и стали проводить в жизнь идею создания Литовского королевства с германским принцем в роли нового литовского короля. При этом литовские «патриоты» какого-либо реального противодействия этой идее не оказывали. Оживились они лишь в октябре 1918 года, когда Германская империя, оказавшись на грани поражения, предоставила право оккупированным ей территориям создавать свои государства и свои правительства. Первого ноября 1918 года началось формирование литовской армии (опять же с разрешения германских властей). Одиннадцатого ноября того же года появилось правительство новорожденного литовского государства, которое официально объявило о создании своих вооруженных сил, ряды которых составили около 100 офицеров и примерно 50 солдат. Первоначально армия формировалась на добровольческом принципе, но к марту 1919 года, несмотря на призыв правительства «Отечество в опасности!», в ее рядах насчитывалось, как признает автор главы, всего лишь около 3000 человек. Пришлось объявлять мобилизацию, которая шла довольно медленно. Воевать население нового государства не стремилось.

Очень интересно в главе выглядит определение соотношения сил между Литвой и ее противниками. Говоря о Советской России 1918 года, автор почему-то ссылается на статистику 1913 года, игнорируя тот факт, что к концу 1918 года в России шла гражданская война и на протяжении всего последующего периода основные заботы Советского правительства были связаны с другими фронтами, а западное направление до 1920 года играло абсолютно второстепенную роль, что и определяло отсутствие серьезного внимания к этому театру военных действий. К тому же противниками большевиков на литовском фронте были отнюдь не литовские войска, которых просто не существовало. Например, наступление Красной армии на Ковно остановили немцы, которым Антанты поручила миссию противостояния большевикам в Прибалтике. Потом в дело вступили поляки, с помощью которых и была очищена от большевиков территория Литвы. А что же литовская армия? Она

все еще продолжала формироваться и поэтому играла чисто символическую роль. Хотя, если верить автору текста, именно Литва стала барьером на пути проникновения большевизма в Европу. Эту роль, как считает литовский историк, она продолжает играть до настоящего времени. Кстати, автор забыл упомянуть, что именно Красная армия дважды занимала Вильнюс с последующей передачей этого города литовцам. А когда она уходила, литовские войска этот город дважды же оставляли, будучи не в силах удержать. С войсками Бермонт-Авалова, как признает автор главы, воевали в основном войска Латвии, поддержанные англичанами. Активность литовского правительства, похоже, проявлялась главным образом в обращениях к главам Антанты с призывом повлиять на немцев. А литовские войска активизировались, как следует из текста, только во время ухода немцев, за отступающими войсками которых они и следовали, занимая оставляемые территории. Воевать с поляками своими силами литовская армия не смогла. Во время советско-польской войны Литовская Республика заключила с Советской Россией некоторое подобие союзного договора, но реальную помощь советским войскам не оказала — то ли не сумела, то ли не захотела. А для поляков советско-литовский договор стал доказательством сотрудничества литовцев с Советами, что предопределило враждебность к Литве со стороны польского правительства и весьма жесткое отношение к ней. В результате Литва потеряла примерно треть своей территории, занятой польскими войсками. Никакие жалобы лидерам Антанты литовцам не помогли. И последнее. По данным, приводимых в книге, на протяжении войны на три фронта, которую Литва вела с 1 февраля 1919 года по 30 ноября 1920 года (так в книге), боевые потери литовской армии и литовских партизан составили 1444 человека, из них в боях с большевиками и бермонтианцами — 530 солдат и офицеров. Конечно, гибель каждого человека есть трагедия, но уровень потерь является убедительным показателем интенсивности боевых действий и степени участия в них соответствующей армии. Поэтому Литве гордиться здесь в общем-то нечем, а пресловутые «победы» над красными и белыми носят скорее фиктивный характер.

И четвертая глава — описание боевых действий литовского сопротивления в 1946—1953 годах. Для автора главы это особый повод для гордости: литовцы противостояли могучему Советскому Союзу дольше всех в Прибалтике, доказали верность литовского народа идеям свободы и демократии и так далее. Казалось, действительно есть чем гордиться. Но опять же возникают проклятые вопросы. Например, почему значительная часть населения Литовской Республики приняла с восторгом немецкие войска, активно участвовала в уничтожении еврейского населения, стреляла в спину красноармейцам, выдавала немцам членов семей красных командиров и всемерно сотрудничала с нацистскими властями. Где здесь пресловутое стремление к независимости? Правда, в главе есть упоминания об антинацистском сопротивлении, но каких-то реальных его действий показать автор так и не смог. Конечно, на территории Литвы было партизанское движение, действовали подпольщики, в составе Красной армии воевала литовская дивизия, но все это — действия литовских коммунистов и их сторонников. А где были борцы за независимость, столь яростно противостоявшие коммунистическому диктату? Их, похоже, немецкое господство вполне устраивало. Однако, как указано в главе, они пытались действовать. Например, летом 1941 года они вынашивали планы воссоздать литовскую армию, но сделать это немцы тогда не разрешили. Лишь весной 1944 года нацисты позволили создать так называемые литовские территориальные силы самообороны, куда записались около 20 000 человек. В дальнейшем часть этих бойцов отступила вместе с немцами в Восточную Пруссию, а часть ушла в леса, где развернула борьбу с Красной армией. Возникает естественный вопрос — кем были нацисты для этих борцов за свободу? По всему — союзниками. Автор главы

подробно разбирает причины массового ухода в леса литовских борцов против Советской власти. Это и советский террор, и память о «первой советской оккупации», и патриотизм. Присутствует здесь мифическое вооруженное сопротивление нацистам, которое перешло на борьбу с коммунистами. Важное место занимает надежда на западную интервенцию. Отмечено стремление уклониться от мобилизации, которую стала проводить советская власть. Упущена только одна, но, думается, существенная причина — страх перед расплатой за все, что было натворено этими людьми за время сотрудничества с немцами. Слишком сильно оказались вовлечены многие литовские граждане, слишком большой счет могли предъявить им вернувшиеся в Литву советские власти.

В четвертой главе подробно расписаны дела вооруженного подполья, восхваляются герои сопротивления, подчеркнута, что именно они сохранили честь и достоинство литовского народа, подтвердили его тягу к свободе и демократии. Нет только ничего о том, что собой представляло это понятие в глазах «лесных братьев», какие методы они использовали для борьбы против своих политических противников да и против всех, кого они могли заподозрить в сотрудничестве с Советами. Сказаны громкие слова о советском терроре, но ни слова о терроре со стороны «сопротивления». Показательны цифры, определяющие количество бойцов антисоветского сопротивления. По данным, приведенным в главе, к весне 1945 года в лесах находилось около 30 000 человек, значительная часть которых, правда, просто уклонялась от мобилизации. К концу 1946 года их осталось 4000—4500 человек, в 1948 году — менее 2000, в 1951-м — менее 1000, в январе 1954 года — 139 человек. Всего, по данным автора, с 1944 по 1953 год через эти формирования прошло около 50 000 человек. Многие из них погибли, многие были арестованы, большинство воспользовались правом на амнистию и остались на свободе. Видимо, стоит упомянуть и другие цифры, приведенные в книге. Уже сказано, что одной из причин ухода в леса стала мобилизация в Красную армию. Действительно, почти половина подлежащих призыву от службы постаралась уклониться. Но 82 000 литовцев в армию вступили. Значит, далеко не все были противниками новой власти. В ходе борьбы с вооруженным подпольем советская власть опиралась на местное население. Автор главы упоминает об «истребительных батальонах» («ястребках»), сыгравших существенную роль в борьбе с «лесными братьями». Всего через «истребительные батальоны», по его словам, за период с 1944 по 1954 год прошли более 20 000 человек. На их долю пришлось 20 % потерь сил антисоветского сопротивления. Еще от 18 000 до 20 000 человек входили в состав отрядов самообороны. Без поддержки этих людей, без их активной помощи никакие усилия советских войск не принесли бы победу. Поэтому вряд ли правомерным является отрицание автором главы тезиса о гражданской войне, развернувшейся в Литве в первые послевоенные годы, и заявление о том, что это противостояние представляло собой ни много ни мало, но «Литовскую партизанскую войну против Советского Союза». Видите ли, США, Великобритания, Швейцария, Ватикан, Уругвай и ряд других латиноамериканских государств (!) не признали включение Литвы в состав Советского Союза. Поэтому, как считает автор, правительство Литовской ССР было нелегитимным, а истинным правительством Литвы являлся Совет Движения борьбы за свободу Литвы, созданный в 1949 году группой лиц, не представлявших, похоже, никого, кроме самих себя. Можно напомнить, что к этому времени в рядах вооруженных отрядов оставалось менее 2000 человек. В полном соответствии с законом Паркинсона — «чем меньше кораблей, тем больше адмиралов».

В качестве итога можно сказать следующее: попытка прославить деяния борцов Литвы за независимость, подняв тем самым престиж своего государства на новый, более высокий уровень, вряд ли может быть признана удачной. Да, в Литве были

люди, не мирившиеся с подчиненным положением своего народа, стремившиеся выйти из-под контроля Российского государства, люди, отдавшие жизнь за достижение этой цели. Но были и те, кто ценил мир и покой, кто успешно вписывался в сложившееся сообщество народов, кто видел в России и русских не врагов, но друзей и союзников. Тем более что, как показала практика, только в составе российского государства (СССР) Литва была уважаемой и процветающей частью мирового сообщества. Стремление разорвать связи с Россией и обеспечить этим процветание и реальную независимость ни к чему хорошему Литву до сих пор не приводило. Слишком малы ресурсы, имеющиеся в ее распоряжении, а поэтому, как часто происходит с малыми государствами, ей, отделившись от одного сюзерена, приходится отдаваться под покровительство другого. И, как показывает судьба Литвы, далеко не всегда лучшего...

Об авторе

Александр Владимирович Золов, кандидат исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AZolov@kantiana.ru

The author

Dr Aleksandr Zolov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AZolov@kantiana.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **двойное «слепое» рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

2) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*);

5) список литературы (*не менее 30 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru>.

BALTIC REGION

2020
Volume 12
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2020.
183 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University
Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:
Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2020

Editorial council

Prof. **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof. **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof. **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof. **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Dr **Kari Liuhto**, University of Turku, Finland; Prof. **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. **Vladimir A. Mau**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof. **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof. **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof. **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

International relations

Konyshv V.N., Skvortsova E.M. Foreign lobbying as an instrument of defense cooperation between Poland and the United States4

Boldyreva S.Yu., Boldyrev R.Yu., Ragozin G.S. A ‘Secret alliance’ or ‘Freedom from any alliances’? NATO accession debate in Sweden and Finland, 1991 – 2016 23

Social dynamics

Simonyan R.H., Slutskin L.N. Comparative analysis of students’ collective consciousness in the Russia-EU and Russia-China border regions: mathematical modelling40

Urazbaev E.E., Yamalova E.N. The ethno-political movement as a vehicle for nationalism institutionalisation in modern Latvia.....54

Krishtal, M.I., Shchekoturov, A.V. Effective risk communication as a factor in managing protests attitudes in a local community.....70

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A. Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape84

Economic geography and regional economics

Maksimtsev, I.A., Mezhevich, N.M., Sirota, N.P. The theory of peripheral capitalism: on the applicability of the Latin American model to the Baltic States. An attempt at an inter-disciplinary analysis.....100

Katalevsky, D.Yu., Gareev, T.R. Development of electric road transport: simulation modelling118

Manakov, A.G., Kondrateva, S.V., Terenina, N.K. Development of cross-border tourist and recreational regions on the Karelian section of the Russian-Finnish border140

Akhunzhanova I.N., Tomashevskaya Yu.N., Osipov D.V. Tools for evaluating the competitiveness of innovative clusters (silicon saxony case).....153

Book Review

A beguiling history: A review of the book *WARS OF LITHUANIA*.
Ed. By Gediminas Vitkus. Vilnius, 2014174

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2020

Том 12

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 19.08.2020 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,1
Тираж 1000 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 67
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6